

В. А. Руднев

**ОБРЯДЫ
НАРОДНЫЕ
и ОБРЯДЫ
ЦЕРКОВНЫЕ**

В. А. Руднев

**ОБРЯДЫ
НАРОДНЫЕ
и ОБРЯДЫ
ЦЕРКОВНЫЕ**

ЛЕНИЗДАТ
1982

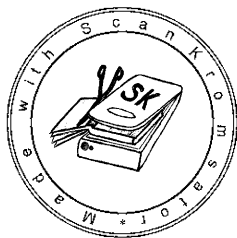
Владимир Александрович Руднев — кандидат исторических наук, доцент Высшей профсоюзной школы культуры. Он автор ряда книг, брошюр, статей, посвященных вопросам атеистического воспитания, проблемам формирования новых, советских праздников и обрядов.

В 1978 году на Всесоюзном конкурсе на лучшее произведение научно-популярной литературы, проводимом обществом «Знание», В. А. Руднев был удостоен диплома первой степени как один из авторов сборника «Наши праздники» (Политиздат, 1977).

В. А. Руднев — член общественной комиссии Ленгорисполкома по новым гражданским праздникам и обрядам, член методического совета по пропаганде атеистических знаний при Ленинградском областном отделении общества «Знание».

Предлагаем читателям новую книгу В. А. Руднева «Обряды народные и обряды церковные» — рассказ о том, как, противодействуя религии, складывались и развивались народные праздники и обряды с давних времен до наших дней.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Scan AAW

Сотни лет распространяла церковь свое влияние на все народы мира. Неудивительно, что и в наши дни, в век небывалого расцвета науки, она всеми силами пытается удержать многих людей в духовном рабстве, затуманивает их сознание верой во «всевышнего», в «предначертания небес», мешает им самим строить свою жизнь. Для того чтобы успешнее подчинять волю людей своему влиянию, церковь использовала все, вплоть до перекраивания и переделывания на свой лад старинных народных обрядов, берущих свое начало в глубокой древности, еще до возникновения религий.

В нашей стране с первых дней становления Советской власти всегда велась большая атеистическая работа среди населения. Коммунистическая партия уделяет ей неослабное внимание, рекомендует новые формы борьбы с религиозностью. В постановлении ЦК КПСС от 16 июля 1971 года «Об усилении атеистического воспитания населения» сказано: «Активизировать атеистическую деятельность общественных организаций, культурно-просветительных учреждений, общества «Знание», а также печати, телевидения, радио, кино. Обратить особое внимание на подготовку и переподготовку кадров пропагандистов атеизма... Больше уделять внимания созданию и распространению новых, социалистических традиций и обычаев».

Обо всем этом — о возникновении народных обычаев и обрядов, а также церковных, реакционных по своей сущности, о создании и развитии новой, советской социалистической обрядности — и пойдет речь в этой книге.

* * *

Многие народные обряды сложились задолго до того, как возникли современные религии. В обрядах отражались уклад жизни, бытовые нормы или обычаи рода, семьи (например, порядок проведения семейных торжеств — помолвок, свадеб, дней рождения ребенка и т. д.). Обрядами отмечались и все трудовые циклы — пахота, сев, жатва, сбор урожая, охота, путина. Каждый обряд

содержал в себе большой запас художественных средств народного празднества.

В широком смысле слова обряд — это строй, порядок, уклад жизни семьи, общины, трудовых коллективов. С помощью обрядов определялись и регулировались все отношения, вся производственная деятельность людей, их досуг и развлечения. На обрядовой основе возникало и развивалось национальное самобытное искусство, создавались народные песни и танцы, художественные символы и орнаменты, народный эпос. Возникая на основе производственной деятельности людей, обряды являлись и средством их общения, и средством выражения коллективных, общественных эмоций.

В противоположность религиозным народные обряды соответствовали общественным, демократическим потребностям общества, насущным интересам и традициям трудящихся. В них отражались характерные черты трудовой деятельности и быта народа, его языка и искусства, народные обычаи, социальный опыт, передаваемый новым поколениям.

Но было бы неверным идеализировать все обряды прошлых исторических эпох, потому что помимо прогрессивных или демократических черт они содержали многие пережитки далекого прошлого, в том числе и самые дикие, реакционные. Поэтому проблему создания системы советских обрядов нельзя рассматривать как оживление и восстановление всех без исключения обрядов, существовавших в минувшие эпохи.

Формирование социалистической культуры и традиций происходит в процессе борьбы народов за свое освобождение не только от классового гнета, но и от пережитков прошлого, от тех традиций, которые порождены рабством политическим, экономическим и духовным. Трудящиеся избавляются от них «не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета,— писал В. И. Ленин,— а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями».

Но в то же время В. И. Ленин учил отбирать, сохранять и внедрять в современный быт трудящихся наиболее ценные в этическом и эстетическом отношении, подлинно народные традиции. «В *каждой* национальной культуре,— писал он,— есть, хотя бы неразвитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают

идеологию демократическую и социалистическую... Мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем *их только и безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации».

Следовательно, задача нашего времени — наиболее разумно отобрать именно эти элементы демократической и социалистической культуры для их использования в наших современных обрядах.

Но здесь есть одна трудность. Она состоит в том, что большинство народных обычаев подверглось в прошлом тщательной религиозной обработке и поэтому суть многих из них искажена церковниками. Христианство, как и другие религии феодального периода, оказало свое реакционное влияние на все стороны жизни и быта народов России. Оно не могло установить своего господства без того, чтобы не подавить демократический характер большинства народных обрядов и утвердить на их место свои церковные ритуалы и «таинства». Рассмотрение вопроса о том, как осуществлялось это подавление народного обычая и его переработка в церковном духе, имеет очень важное, принципиальное значение: очищение того или иного народного обычая от религиозных напластований позволяет увидеть его целесообразность, художественные или нравственные достоинства и использовать их при разработке новых гражданских обрядов. Иначе говоря, мы должны четко представлять, что из старого нам годится, а от чего нужно решительно отказаться.

Большинство славянских народных бытовых обрядов сложилось в дохристианские времена, то есть в дофеодальный период. Жизнь племен и народов, населявших тогда Восточно-Европейскую равнину, носила относительно демократический характер, эти племена фактически не знали рабства, подневольного труда и долговой кабалы. Только с развитием частной собственности, когда усилился процесс разложения родового строя, здесь стали складываться феодальные отношения, начался процесс отчуждения общинных земель и самого земледельца, то есть процесс его закрепощения, появились первые феодальные государства, которые нуждались в новой религии для того, чтобы узаконить гнет феодалов. Такой религией стало христианство.

Распространение христианства на Руси началось еще в IX веке. После так называемого крещения Киевской Руси (988 г.) православные миссионеры все глубже и глубже вторгались в жизнь народа, всячески способ-

ствуя его духовному закреплению. Повсюду возникали церкви и монастыри. Духовенство с помощью княжеских дружин насильно загоняло людей в реки (эти естественные «купели») и крестило, превращая их единым взмахом меча и креста в раба господ небесных и земных. Однако пройдут многие годы, десятилетия, столетия, а они по-прежнему будут упорно молиться своим языческим богам — Перуну, Дажбогу, Хорсу и Яриле, устраивая свою жизнь по народному обычаю и обряду. Не будучи способной искоренить до конца языческие обычаи, церковь вынуждена была приспособливаться к ним. Этим она стала заниматься с начала установления своего господства в западной и восточной Европе (IV—VII вв.).

Однако у славянских народов обычай оказался более прочно связанным с жизнью и бытом родов и племен, был проникнут более стойким демократическим духом, чем у народов, находившихся под властью Римской империи. Поэтому православной церкви пришлось, отступая по необходимости от церковных канонов раннего христианства, выработанных на ее вселенских соборах в IV—VIII веках, «переделывать» народные обряды таким образом, чтобы установить над ними свой церковный контроль и придать им сугубо христианский, иначе говоря, феодальный характер.

Но народные обычаи и обряды не исчезли, а продолжали жить, и поэтому сохранились два направления обрядности — народная и церковная, противоположные не только в мировоззренческой или идейной своей основе, но и в социально-политическом значении.

До недавнего времени в нашей популярной и научной литературе обрядность рассматривалась только как совокупность религиозных ритуалов, «таинств» и праздников. При этом некоторые авторы забывали, что религиозные праздники и ритуалы всегда существовали сами по себе, а народные обряды — сами по себе; иначе говоря, они продолжали существовать независимо от церкви.

При переводе «священных» и богослужебных текстов на русский язык термины «ритуал» и «обряд» были объединены с явным намерением исключить самостоятельность народного обряда.

«Обряд» — слово русское и происходит от корня «ряд». Рядить, или обрядать, значило: обсудить, договориться о чем-либо, установить то или иное житейское правило, провести праздник или обряд. В родовой и

сельской общине люди жили по своему укладу, или обряду, по своему народному обычаю. Обрядность была связана с различными первобытными культами, но существовала вполне самостоятельно. У каждого народа или племени уклад жизни, система народных обычаев и обрядов существовали независимо до тех пор, пока не были подавлены господствующей феодальной религией.

В юго-восточных странах мира очень рано сложилось рабовладельческое общество. Появились жреческие кодексы — своды законов, религиозных правил, ритуалов. Там, где безраздельно господствовали жрецы, слабо развивалась народная обрядность в тех формах, в каких она существовала у северных народов, в частности у древних славян. Христианство восприняло древние античные традиции из древневосточных религий Востока и в течение почти двух тысячелетий насаждало среди народов языческого мира свои ритуалы, взятые из жреческих кодексов античного мира. Однако народная обрядность у них продолжала существовать во все времена господства христианской религии. Вот почему необходимо подчеркнуть, что и в наши дни церковь фактически располагает лишь суммой религиозных ритуалов («таинств») и никакого отношения к народным обрядам не имеет.

Следует также подчеркнуть, что термин «ритуал» в старых, дореволюционных изданиях трактуется как «совокупность обрядов, сопровождающих религиозный акт и составляющих его внешнее оформление», что в корне неверно.

В действительности ритуал есть правило (порядок) проведения того или иного религиозного или светского акта *официальным* представителем церкви или государства. Кстати, некоторые старые издания ближе к истинному истолкованию этого термина, чем современные. Так, энциклопедический словарь, изданный в России в 1901 году (под редакцией М. М. Филиппова), определяет «ритуал» как совокупность *предписанных правил*.

Коренное же отличие обряда от ритуала состоит в том, что в нем нет ничего ни предписанного, ни официального. В народном обряде все идет от устного предания, от игрового традиционного действия, от народно-бытовой драмы, то есть от самой жизни. Народный обряд по своему существу был всегда противоположен религиозному ритуалу, так как проникнут земными, человеческими потребностями, идеями, чувствами.

Обрядами отмечались все важнейшие семейные события — свадьба, помолвка, имянаречение, совершеннолетие, новоселье, похороны, поминание умерших и т. п., а также праздники, соответствующие годовому циклу хозяйственных работ и временам года. Обе эти линии обрядов были органически связаны и представляли единую систему народных обычаев, празднеств, торжеств. Они оказывали решающее влияние на характер семейных отношений, на психологию и поведение людей, на искусство, имели глубокое воспитательное значение.

Каждый народный праздник или обряд содержал определенную идею, а обрядовые действия несли целенаправленный эмоциональный заряд. Дохристианские праздники и обряды по сути своей были *народными* потому, что формировались в процессе развития трудовой деятельности людей, их общественных отношений, вследствие чего явились первоосновой всех народных праздников и обрядов, существовавших в последующие исторические эпохи. Религиозные, или магические, мотивы в народных обрядах имели второстепенное значение: олицетворяя силы природы, люди стремились обрядовыми действиями повлиять на них, склонить на свою сторону или обезвредить.

Если народная обрядность явилась плодом творчества простых людей и возникла из их производственной деятельности, то обрядность религиозная сложилась на политической, классовой основе и сформировалась вместе с аппаратом насилия (государства), освящаемого религией.

Когда возникло имущественное, или классовое, неравенство, религиозные представления переросли в религиозные культовые действия, появились касты жрецов, которые разработали обособленный от народной обрядности комплекс религиозных ритуалов («тайнств») и с их помощью все глубже и основательнее стали влиять на все стороны жизни и быта людей, подавляя при этом их свободу, обычаи и обряды.

На основе первобытных верований (магия, тотемизм, анимизм, фетишизм) жрецы создали также мифологию как всеобщую систему представлений о мире и человеке, о реальном и сверхъестественном, а на этой основе — общее законодательство (кодексы) рабовладельческого общества. Таким образом, общинно-родовые отношения строились на народных обычаях, а рабовладельческие — на церковных и государственных законах.

Исследование истоков и характерных особенностей народной и религиозной обрядности имеет не только глубоко научное, но и большое практическое значение для нашей современности. Оно позволяет получить ясное представление об исторической закономерности развития народной обрядности независимо от религиозной, раскрыть реакционную, антинаучную и антинародную сущность религиозных традиций, праздников, ритуалов и найти пути их полного преодоления в коммунистическом обществе, а также определить роль и значение народных обрядов в жизни советского народа и перспективы их развития в условиях перехода от социализма к коммунизму.

ЦЕРКОВНЫЕ ОБРЯДЫ — ОСНОВА РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

Для того чтобы уяснить, как формировалась религиозная обрядность, необходимо определить закономерность развития самой религии и ее главные компоненты. Этот вопрос наиболее полно и последовательно можно рассмотреть, опираясь на формулу составных элементов религии, предложенную Г. В. Плехановым и ставшую впоследствии классической. Он выделял в религии три элемента: 1) мифологический — представление верующих о сверхъестественном, о богах и чудесах; 2) эмоциональный — религиозное чувство, возникающее под влиянием тех или иных субъективных факторов жизни верующего человека; 3) культовый, или обрядовый, элемент, то есть религиозные действия.

На довольно позднем этапе развития человеческого общества, в период укрепления общинно-родового строя, когда закладывались основы родо-племенных связей (коллективный труд, речь и язык), возникали абстрактное мышление и представления людей о природе и самом человеке как ее неотъемлемом атрибуте. Эти представления (фантастические и превратные) имели мифологический характер и развивались на протяжении многих тысячелетий — от фетишизации сил природы до сложных понятий о боге, добрых и злых духах, аде и рае, душе и потустороннем мире. Все эти понятия вызвали определенные ощущения, эмоции (страх, вожделение, покорность), которые подкреплялись ритуальными действиями-заклинаниями, подношениями духам и богам с помощью посредников между людьми и сверхъестественными силами — шаманов, колдунов, волхвов, жрецов, священников. Так возникает и развивается основа богослужения — магия, которая является главным элементом всякого религиозного культа. Всех видов магии не перечислить, но основными являются производственная, военная, целебная, любовная.

Суть и смысл церковных обрядов скрыты от верующих, поэтому воспринимаются ими без размышления, то есть на веру. Вера без размышления — главная черта религии. «Верую, потому что нелепо» — так выразил эту

мысль один из отцов христианской церкви Тертуллиан (160—220 гг.)

Как известно, религиозные магические ритуалы возникли в первобытном обществе. Они являлись магическими, колдовскими действиями, которые должны были влиять на таинственные силы природы.

В те далекие времена люди, чтобы обезопасить себя от диких зверей, жили в свайных постройках, пещерах, огораживали жилища частоколом, строили шалаши на деревьях. Мир представлялся этим слабым и беззащитным перед грозными стихиями людям населенным могущественными, таинственными и непостижимыми духами, таящимися повсюду. Человек во всем зависит от них, считали древние, поэтому духов надо задобрить, чтобы использовать их в своих целях.

Так возникла первобытная магия, или колдовство, появились магические заклинания, ритуальные пляски и мистерии, а затем и знатоки магии — колдуны, шаманы — специалисты по заклинанию духов.

Одновременно с магией стали складываться и спиритуалистические представления людей, то есть их понятия о духах и о душе — а н и м и з м.

Жизнь и смерть были самой большой загадкой для первобытных людей. В чем механизм жизни человека? Человек дышит — живет, не дышит — умер. Следовательно, в теле человека (и животного) обитает некая душа. Эта душа может уходить из тела, считали люди, она связана с миром духов, поэтому человек болеет, страдает и умирает. Первобытным людям казалось, что мир населен этими духами или страшными могущественными божествами, влияющими на жизнь людей. Духи были добрыми и злыми. На острове Фиджи, например, злые духи имели такие названия: «Пожиратель мозгов», «Проламыватель голов» и т. п. Если у славянских племен бес-домовой — это добрый охранитель дома, а леший — леса, то кикимора — злая старуха, приносящая людям болезни.

В родовом обществе помимо магии и анимизма возникла и такая ранняя форма религии, как т о т е м и з м — представление об общем предке рода или племени. Им обычно являлось животное, культ которого превращался в сложные мифы и в культ почитания своего предка, выражавшийся в ритуальном убивании и поедании того или иного животного.

В период разложения родового строя и позже в рабовладельческом обществе все эти представления и дей-

ствия (культы) систематизируются, постепенно завершается выработка сложных обрядов и культов поклонения стихиям — солнцу, огню, воде, животным-предкам, а затем и антропоморфным божествам. Наиболее распространенным являлся культ поддержания неугасимого, «вечного» огня. Символом огня или четырех стран света у многих племен было изображение креста — двух скрещенных деревянных палочек для добывания огня. Огню, как и воде, приписывалось очистительное свойство. Возникают очистительные обряды как средство защиты от злых сил и напастей.

С огнем связан также культ домашнего очага. Огонь отождествляется с жизнью, ибо жизнь есть тепло. Так думали древние. Поэтому культы солнца и огня были одними из главных во всех религиях.

Важную роль в религии играли так называемые очистительные обряды, предполагавшие очищение от «скверны» или снятие запретов (табу) огнем или водой, каждение (окуривание), а также ритуальные омовения (у последователей индуизма, буддизма и христианства) в виде «крещения».

Элементы очистительной магии содержатся во всех современных религиях. Бесы, злые духи, демоны изгоняются священнослужителями из тела, из воды, из каждого угла в доме и даже в храме при помощи магических заклинаний (молитв) и окуривания. Так, в синагоге в «судный день» верующие трясут полы одежды, рукава, чтобы освободиться от нечистых духов. В православных храмах священники беспрестанно кадят (окуривают) все углы, иконы и самих молящихся, отгоняя «дьявольские силы», от которых якобы буквально некогда деваться.

По убеждению верующих, даже зевая, нужно быть очень осторожным: требуется перекрестить рот, чтобы в утробу не проскочила нечистая сила.

В те далекие времена, о которых говорилось выше, создавались своеобразные жреческие своды установлений, кодексы — первые законы, которые от имени бога освящали классовое и имущественное неравенство — на первых порах господство родовых, родо-племенных верхушек, а позже — рабовладельческой и жреческой олигархии над массами рабов и всего эксплуатируемого населения. Такие кодексы существовали в рабовладельческой Индии, Вавилоне, Египте, в Иудее, в доколумбовой Мексике. Классическим выражением подобного рода жреческого законодательства были законы Ману в ин-

дуизме, библейские законы Моисея у древних евреев, законы Ликурга в древнегреческой Спарте.

Это были своды не только суровых, даже жестоких законов рабовладельческого общества, но и страшных обрядов и ритуалов, имевших целью подчинить эксплуатируемых воле власть имущих, закрепить право на частную собственность, подавить всякое неповиновение воле господина или жреца.

Религиозная обрядность отражала все стороны жизни рабовладельческого общества — и экономическую (охрана частной собственности), и политическую (оправдание и укрепление власти рабовладельцев), и бытовую.

Изоощряясь настолько, насколько хватало фантазии, жрецы подчас изобретали устрашающие обряды. При этом преобладали жертвенные ритуалы, посвященные божествам войны, сопровождаемые массовым убийством людей и животных в их честь.

Так, у древних скифов человеческие жертвоприношения совершались в честь бога войны Арея. Один раз в году каждое скифское племя сооружало из крупного хвороста возвышение, на котором устанавливался большой старинный железный меч, олицетворявший божество войны. Здесь, у этого холма, совершались жертвенные убийства рогатого скота и лошадей, а также умерщвлялся каждый сотый мужчина из взятых в плен врагов. Обреченным лили на голову вино и затем резали их над особыми сосудами; собранную кровь относили на возвышение и выливали на меч. Потом убитым отсекали правые руки, подбрасывали их вверх и оставляли лежать там, где они упали. Эти действия, согласно закону магии «подобное вызывает подобное», способствовали, по представлениям скифов, их будущим победам над врагом, помогали обескровить его, поэтому следовало заранее раскидать тела жертв на полях будущих битв.

Чтобы воинов противника было убито много, следовало как можно больше пролить человеческой крови на жертвенные камни. При этом жрецы уверяли, что боги особенно любят кровь девушек и детей. В Финикии в дни военных мистерий родители бросали своих детей в раскаленное нутро бронзовой статуи бога войны — Молоха. Крики несчастных по обычаю заглушались ревом труб и ударами барабанов.

В Индии женщины с детьми бросались под колеса священной колесницы бога Джиччернаута, чтобы спа-

стись от его гнева и попасть в рай. В доколумбовой Мексике во время засухи ацтеки приносили в жертву богу дождя младенцев, а в честь богини урожая умерщвляли девушек. В период войн ацтеки-жрецы убивали в честь бога войны Кецалькоатля одновременно по 30—50 тысяч пленных и рабов. Каждую очередную жертву жрецы возлагали на жертвенный камень, каменным ножом рассекали ей грудь, вырывали сердце и кидали его в глиняные чаны, а тело сбрасывали в ров. Когда ров наполнялся до краев, жертвы сжигались. Вырванные сердца предназначались богу Кецалькоатлю, а одно из них, по ритуалу, поедалось жрецами. И все это делалось для того, чтобы обеспечить покровительство бога Кецалькоатля в войне ацтеков с соседними племенами и государствами.

Задабривание таинственных грозных сил и духов природы было общим явлением для всех первобытных культур и религий. Сначала языческих богов и духов «кормили» так же, как и людей, натуральными продуктами — мясом, зерном, фруктами. Позднее, в жреческий период, когда возникли представления о богах, обитающих где-то во внеземной сфере, или «небесном царстве», кормление богов принимает символическую ритуально-жертвенную форму. Для богов строились жилища — капища, храмы, в которых совершались жертвоприношения.

В первых книгах библии «Исход» и «Левит» есть описание того, как формировались первобытные культы у кочевников-семитов, как по мере их объединения в племенные союзы первобытные культы превращались в рабовладельческую религию. Этот процесс длился в течение одного тысячелетия.

В XV—XIII веках до новой эры кочевники-семиты не имели ни единого бога, ни единого культа, ни храмов, ни касты жрецов. Только с переходом к оседлости и с завоеванием территории Древней Палестины (Ханаана) в XI—X веках до новой эры начинает складываться еврейское рабовладельческое государство и соответствующая ему форма религии с верховным богом Яхве, с кастой жрецов (левитов) и жреческим кодексом (сводом законов), называемым Торой.

Жертвоприношения у древних евреев в скиниях (походных храмах) и позже в иерусалимском храме (с XI века до новой эры) проводились в форме так называемого «всесожжения», то есть заклания животных и сожжения их на жертвенных камнях. (Считалось, что

боги питаются «ароматом» сжигаемых животных.) В жертву богам приносились и люди, о чем свидетельствует жертвоприношение Авраама.

У финикийцев и жителей Карфагена кровавые мистерии посвящались богине войны Танит. В ее честь у пленных мужчин вырывали сердца. В Древней Греции в честь богини Дианы убивали юношей, посвящаемых в «любовники» богини.

Пережитки древних мистерий, посвященных страданиям умирающих и воскресающих богов, имеются в каждой современной религии. Так, например, у мусульман-шиитов есть обычай в память великомученика Хусейна устраивать в течение первой декады траурного месяца мухаррема траурные процессии («Шахсей-вахсей»), во время которых фанатики бичуют себя и хлещут цепями и плетью, наносят сабельные или кинжальные раны, рвут волосы и раздирают кожу, приговаривая: «Шах, Хусейн, вах, Хусейн».

Усиление родо-племенной верхушки в период объединения кочевых племен во все времена, как у древних евреев и греков, так и у китайцев и ацтеков, обусловило культ человеческих жертвоприношений, используемых для устрашения этих племен и для укрепления власти класса рабовладельцев. Именно отсюда пошли все виды жертвоприношений, через них трансформировались все первобытные и родовые культы вплоть до «поедания предка» и умиловливания духов лесов, рек и пустынь.

Современные религии сохраняют все признаки и черты древних культов. Так, в алтаре (святая святых!) православного храма, куда не должен входить никто, кроме священников, имеются и жертвенник, и курильницы, и все те предметы, с помощью которых умиловливают богов или общаются с ними посредством заклинаний, молитв и «таинств».

Все магические манипуляции, совершавшиеся жрецами, получили определенный, неизменяемый характер, стали ритуалами, секреты и тайный смысл которых передавались от одного поколения жрецов другому и сохранялись в строгой тайне от простых смертных. Сами же жрецы обладали якобы сверхъестественной силой. При посвящении в духовный сан христианские священники приобретали «ангельский чин», «божью благодать».

Создавая богов по своему образу и подобию, жрецы внушали людям необходимость обеспечивать их одеж-

дой, пищей, жилищем, иначе, мол, боги не будут помогать людям. «Боги ничего не делают безвозмездно,— писал философ и сатирик II века до новой эры Лукиан,— но продают людям различные блага. Можно у них здоровье по случаю купить за бычка, а блаженство — за четырех бычков».

Русские путешественники XIX и начала XX века рассказывали о том, что у большинства народов Севера был обычай кормить своих деревянных божков накануне охоты. Если же охота оказывалась неудачной, то их нередко наказывали за плохое поведение: били ремнями, выставляли на мороз и даже сжигали на костре, а затем вырезали из дерева новых божков.

Кормление духов и богов было во все времена основной богослужения. В раннерабовладельческих культах в жертву богам предпочитали приносить человеческое мясо, а позже — скот и хлеб. Храмы тех времен были похожи на бойню, так как в праздники забивали сотни и тысячи голов скота. Кровь заливала полы, туши животных не успевали сжигать или поедать, поэтому храмы становились рассадниками опасных заразных болезней.

Ритуал жертвоприношения животных является одним из самых главных в современном исламе и совершается в праздник жертвоприношения — курбан-байрам, или курбан-аит, на семидесятый день после окончания тридцатидневного поста — уразы. Праздник длится до трех дней. В эти дни мусульмане режут баранов, верблюдов, овец. Лучшую часть туши и шкуру отдают духовным лицам, остальное едят сами. Овца или коза могут быть заколоты за грехи одного человека, корова или бык — за семерых, а верблюд — за десятерых. «Хороших и тучных животных,— говорится в Коране,— мы назначаем для жертвенных ваших приношений богу, за них вам добро...»

Ежегодно в дни празднования курбан-байрама в центре ислама Мекке (Саудовская Аравия) собираются сотни тысяч паломников, совершающих хадж (путешествие к святым местам), и каждый из них, придя сюда, приносит жертву и за себя и за других. Раньше в эти дни накапливались целые горы убитого скота, мясо разлагалось, поэтому зловоние было страшным. И только недавно введено новшество: бульдозеры скидывают горы жертвенного мяса в заранее вырытые рвы и засыпают землей.

Смысл или назначение этих жертвоприношений в

том, что душа каждого мусульманина якобы может попасть в рай только верхом на духе убитого во время курбан-байрама животного, которое перенесет его над пропастью через мост-Сират толщиной... с конский волос.

В основе всякой религии — легенда (миф) о божестве, представляющая «биографию» этого божества, а также описание его влияния на жизнь людей или отдельного человека.

Касты жрецов разрабатывали методы общения с божеством и воздействия на него посредством не только отдельных ритуалов, но и путем проведения единой системы ритуалов, объединяемых в сложные ритуальные композиции — мистерии. Об этом повествует библия.

Мифический вождь иудеев — Моисей, который становится во главе многих еврейских племен, вынужден был то и дело дурачить диких кочевников своими мнимыми связями с богом Иеговой (Яхве). От его имени и воли он вершит суд и расправу над непокорными или сомневающимися в существовании единого бога и его наместника на земле — Моисея. «Богоизбранный» народ все время восстает против бога, поэтому в библии называется «богоборческим» народом (израи́лем), постоянно нарушающим божью волю. Чтобы раз и навсегда покончить с этим, Моисей создает «по указанию бога Яхве» жреческий кодекс — религиозный свод законов и правил для всех еврейских родов и племен. Главную часть этого свода законов составляют ритуалы жертвоприношений и мистерии, посвященные умилоствлению богов.

Устрашение людей при помощи человеческих жертв было общим явлением для всех религий в ранний рабовладельческий период. Ненасытные боги жаждут почему-то именно человеческой крови — крови юношей, девушек, детей, крови врагов, пленников.

От произвола жрецов часто страдала и родо-племенная верхушка. Между ними шла борьба за власть, и нередко вожди, опираясь на поддержку людей или используя недовольство жреческим засильем, добивались отмены человеческих жертвоприношений. Со временем в жертву богам вместо человека стали приносить часть его тела (или туши животного). У людей обрезали уши, нос, крайнюю плоть, им выбивали зубы, выстригали волосы. Еще позднее крупное животное стали заменять более мелким или птичьим яйцом. Так, пасхальное яйцо как бы символизировало жертвоприношение животного

в зародыше. При этом сначала яйца окрашивались не красителями, а кровью животных.

Кровавые жертвоприношения богам постепенно дополнялись ритуальными представлениями — мистериями, посвящаемыми мифической жизни тех или иных богов, олицетворявших силы природы — солнце, воды рек, землю и т. п. Эти мистерии были связаны главным образом с производственной жизнью людей, с годовым циклом сельскохозяйственных работ и в совокупности составляли культ плодородия у скотоводов и земледельцев. Так, основу сюжета таких мистерий в Древнем Египте составляло олицетворение Нила, солнца, Сириуса (Сотиса) и земли. Нил считался священной рекой у древних египтян, его водный режим влиял на всю жизнь земледельцев. Эта их зависимость от годовых фаз Нила — разлива и усыхания — выражалась в поклонении силам (богу Озирису и богине Изиде), влияющим на него.

Новый год у древних начинался со времени разлива Нила, в дни, когда перед восходом солнца на горизонте появлялась самая яркая звезда неба — Сириус. Для египтян периоды разлива Нила и убывания в нем воды определяли главные хозяйственные и трудовые циклы года, так как от этого зависел урожай ячменя, пшеницы и садовых плодов. «Необходимость вычислять периоды разлития Нила, — писал К. Маркс, — создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия».

Согласно мистериям, богиня Изида являлась олицетворением жизни, плодородия, земли; Озирис — муж Изиды — олицетворял Нил, орошающий землю и уносящий воды в землю в период засухи. Умиравший и воскресающий Озирис (Нил), дающий силу корням и семенам, был владыкой подземного царства, союзником и мужем Изиды, оплодотворяющим землю один раз в году — в период своего разлива. Злой Сет (брат Озириса) — бог иссушающего ветра, владыка пустыни — убивает Озириса-воду. Изида-земля хоронит мужа, но Сет вырывает его из могилы, разрубает на куски и разбрасывает их по всему Египту. Изида с плачем разыскивает и собирает части тела своего мужа, то есть все воды притоков Нила. Наконец она собирает воедино все части тела Озириса (наступает период разлива), и он снова уходит в землю, чтобы влиять на произрастание посевов.

Так египтяне с помощью жрецов толковали значе-

ние и суть главных сил природы, круговорот воды в течение всего года.

Жрецы, как посредники между божествами и людьми, обладающие сверхъестественной силой, удостаивались «вечной жизни» в «царстве мертвых», и потому их тщательно мумифицировали и хоронили так же, как и фараонов, в роскошных саркофагах.

Культы плодородия существовали не только в Египте, но и в Древней Греции, Вавилоне, Индии, у германских и славянских племен.

В первобытных общинах существовали магические обряды посвящения юношей в мужчины — инициации. В период инициации юношей обучали навыкам охоты и участию в войне, приучали стойко переносить физическую боль, им внушали строгое соблюдение обычаев и законов племени.

Обряды-инициации были суровыми и жестокими: делались надрезы на коже, выбивались зубы, прокалывались переносицы и в них вставлялись кольца или костяные палки, производились выжигания, татуировки (выкалывание рисунков на коже), обрезание ушей, носа или крайней плоти.

Обычай обрезания крайней плоти у мужчин имеет и ныне широкое распространение не только у последователей ислама, иудаизма, но и у представителей других, главным образом многобожных (политеистических), религий и культов. В исторической науке существуют различные мнения на сей счет. Одни относят этот обряд к гигиеническим обычаям, другие полагают, что обрезание способствовало более раннему половому созреванию мужчин, что имело немаловажное значение для размножения рода.

Этот обряд возник еще в период перехода от матриархата к патриархату. Совершался он и в Древнем Египте, о чем свидетельствуют обследования мумий, относящихся к XXX веку до новой эры. Обрезание было распространено и в Древней Мексике. В настоящее время этот обычай существует у австралийских племен, на островах Океании, в Южной Африке — у басутов и бечуанов, а также у эфиопов.

Столь широкое его распространение у народов разных континентов свидетельствует о том, что он имел безусловно магический характер и относился скорее всего к религиозным обрядам посвящения юношей в разряд мужчин, воинов, охотников, когда им наносили ритуальные увечья. В Древнем Египте обрезанию подвергались

14-летние сыновья жрецов, посвящаемые в тайны культа богини жизни и плодородия Изида.

Следует особо подчеркнуть, что обычай обрезания нередко приводит к опасным септическим заболеваниям и даже смерти детей, подвергшихся этой дикой операции.

В иудаизме обрезание новорожденных часто производится представителями духовенства в домашних условиях, и поэтому заражения происходят не только от грязных инструментов, но и при высасывании крови (мецицы) мозлом (специалистом по обрезанию). Нередки случаи, когда дети, страдающие плохим свертыванием крови, умирают от потери крови.

Высокая детская смертность от заражения крови после обрезания наблюдается также у мусульманского населения в странах Востока. 7—8-летние дети переносят эту операцию (суннет) еще труднее, чем грудные дети, так как подвергаются большей опасности инфекционного заболевания или заражения. Обычно ранки после обрезания присыпаются золой или землей, поэтому заживание происходит крайне медленно. В 1967 году от заражения крови, возникшего после обрезания, умерли сыновья чабана из Павлодарского района Павлодарской области. В феврале 1967 года в Туркестанском районе погиб после обрезания ученик 4-го класса Амантик.

Исследованием обрядов обрезания занимались многие ученые, среди которых были Д. Фрезер и П. Лафарг. Все они приходят к единому выводу, что обрезание — древний магический ритуал, который был воспринят вначале отдельными племенами как признак их религиозного и кастового отличия, а позже становится признаком расовой, национальной и религиозной исключительности того или иного народа. Разделение на «обрезанных» и «необрезанных» приводило к обособленности одних народностей от других и подчас становилось тормозом в их развитии.

* * *

Столь подробное описание различных кровавых жертвоприношений позволяет сделать один очень важный для нас вывод о том, что религиозная обрядность в классовом обществе была одним из главных средств классового и национального угнетения, что многие черты этих обрядов или ритуалов трансформировались в более поздние формы религиозной обрядности.

ЗАКЛИНАНИЯ И МОЛИТВЫ

В мире нет религии, которая не происходила бы из другой. Христианство восприняло черты и элементы многих более древних религий, а в его культе обнаруживаются явные признаки греко-эллинических и римских культов. Это прежде всего относится к устройству мистерий-богослужений. Здесь многое взято от иудейских и римских храмов, от греческого театра и языческих капищ.

Так, древнеримский храм Аполлона (в Ватикане) превратился в церковь апостола Петра, а храм Кастора и Поллукса на одной из площадей Рима — в церковь Козьмы и Демьяна, римский Пантеон стал храмом деви Марии и всех святых.

То же самое происходило во всех бывших частях Римской империи. Папа Григорий Великий давал своему уполномоченному в Британии следующие указания: «Скажите ему, что не следует разрушать языческих храмов, а только идолов. Освятив воду, окропить ею храмы, соорудить в них алтари и поставить мощи. Говорят, что народ имеет обыкновение приносить в жертву быков. Надобно, чтобы этот обычай обратился в христианский. Пусть приводят своих животных, которые будут убиваемы не как жертвы дьяволу, но для христианской трапезы».

На Руси этот процесс, начавшийся в X веке, сопровождался активным насаждением христианских храмов вместо священных мест язычников — рощ, капищ, деревьев, источников, камней и т. п. На месте языческого капища бога Велеса — покровителя скота — была построена церковь святого Власия.

Христианские храмы так же, как и античные, являются жилищем богов. В каждом храме свой хозяин: Иисус, апостолы Петр, Павел, Лука, Матфей, другие святые угодники. Вместо прежних идолов и статуй в храмах появились иконы, распятия Иисуса, статуи святых.

В христианских храмах присутствуют признаки древних культов Солнца, Луны, звезд. Небо занимает в них главное место, поэтому вся небесная рать парит на облаках или снабжена крыльями, как и древнегреческие крылатые кони и нимфы. Святой Георгий заменил Гермеса и Геракла, а его конь сменил Пегаса.

Христианские храмы повторяют конструкцию греческих театров: вместо сцены — алтарь, а хоры, амвон, клиросы играют ту же роль, что и в театре. Алтари хра-

мов направлены к востоку, то есть в сторону восхода солнца.

Основой всякой религии, в которой объединяются все ее элементы — представления (мифология), действия (культ) и эмоции, — является богослужение, называемое в христианстве литургией (в переводе с греческого — «общественное дело»), в православии — обедней, в католической и лютеранской церквях — мессой.

Во время литургии проводится таинство причастия. Обедня и месса по своему существу — это мистерия, театральная постановка на сюжет из жизни Иисуса Христа с применением различных древних приемов колдовства, заклинаний и игровых действий, воспринятых не только от древнегреческих мистерий, но и от древнегреческого народного театра.

В средние века (IX—XIII вв.) в христианских церквях широко практиковалась литургическая драма в ходе пасхальных или рождественских богослужений. Вначале это был певческий диалог (антифоны) двух полухорей, затем так называемый ресконсорий — ответ хора на слова священника, а потом тропарь — диалогизированный пересказ евангелия.

Шаг за шагом церковь вводила в литургическую драму все большее число элементов народной бытовой драмы, народный язык и обрядовые действия.

Все это делалось, разумеется, для широкого привлечения верующих к богослужению, для усиления церковного влияния на массы. Так, в пасхальную мессу в католических храмах сооружались голгофа и крест с распятым Христом. По ходу развития литургической драмы ксендз ложился в гроб и затем вставал из него — «воскресал». В храмах сооружались блоки для «вознесения» и люки, ведущие в подземные сферы «ада». Однако со временем эти храмовые представления были запрещены указом папы Иннокентия III (1210 г.). Литургические драмы стали разыгрываться на площадях и превратились в народные бытовые представления потешного характера.

В период католической реакции инквизиция беспощадно уничтожила все, что хоть отдаленно напоминало мистерияльные театры. Это свидетельствует о том, что использование народных традиций и народного творчества рано или поздно вступало в противоречие с церковью и вело к ослаблению ее влияния на массы.

То же самое происходило и в русском обществе, где православная церковь долго и терпеливо выискивала возможности для укрепления своих позиций с помощью народных традиций. На месте древних языческих капищ и священных мест она возвела свои храмы и «святыни» и многих идолов превратила в святых. Однако народное искусство было прежде всего выражением антиклерикализма, который особенно сильно проявился в период крестьянских движений XVII и XVIII веков.

Особенно большое влияние в народе имели скоморохи, раешники, лицедеи, которые высмеивали царя, бояр и попов. В эти же годы возникают антиклерикальная литература и лубочные картины. Таковы, например, «Повесть о бражнике», «Поп Савва» и другие произведения XVII века.

В «Повести о бражнике» рассказывается о том, как герой повести, которого не пускают в рай, напоминает святым их собственные грехи: апостол Петр — трус, трижды отрекся от Христа; Павел сам был гонителем христиан; царь Давид — убийца и развратник и т. п. Смущенные святые вынуждены были впустить «бражника» в рай.

В «Повести о куле и лисе» едко высмеивалась церковная исповедь. Исповедующийся перед лисом петух на основе библейских текстов доказывал свое право на многоженство. В итоге, однако, лис съедает петуха.

Большой интерес народа проявлялся также к кукольным театрам — «вертепам», которые сохранялись до конца XIX века на Украине, в Белоруссии и в Сибири. Особенно остроумными были пьесы на религиозные темы, в которых все происходило вроде бы так, как написано в священном писании, и только народу был понятен их сатирический смысл. Так, в пьесе, называемой «Пещное действо», давалась инсценировка «чудесного» спасения трех отроков (Анания, Азария и Мисаила), посаженных по приказу вавилонского царя в «пещь огненную» за отказ поклониться «золотому тельцу». Текст пьесы был настолько смешным и острым, что зрители покатывались со смеху.

По настоянию церкви были изданы свирепые царские указы, преследующие скоморохов и лицедеев. Таков был указ царя Алексея Михайловича от 1649 года, направленный против «бесовских игр» скоморохов и предписывавший всем воеводам уничтожить скоморошьи инструменты: «Где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и всякие гудебные бесовские сосуды, то все ве-

леть вынимать и, изломав, те бесовские игры велеть сжечь».

Однако ни пытки, ни костры, ни сыски не смогли заглушить до конца родники народного творчества, искусства и свободомыслия.

В каждой религии есть свой свод основных догматов, называемый «символом веры», в котором содержатся главные принципы данного вероучения.

Символ веры иудаизма сформулировал еврейский философ-богослов Маймонид, живший в XII веке. Содержание этого символа веры таково: бог создал всё и руководит всеми своими творениями. Бог един, он бестелесен, непостижим и не имеет себе подобного. Только этому богу следует молиться, и никакому другому. Бог знает все деяния людей, все их мысли. Бог вознаграждает тех, кто соблюдает его заветы, и наказывает нарушающих заветы. Придет Мессия. Он задерживается, но придет. Будет воскрешение из мертвых, когда на то будет воля божья.

По учению талмуда, бог установил 248 повелений и 365 запрещений, поэтому верующему есть о чем молиться каждый день и час, так как он кругом, оказывается, в долгу у бога и грешит, не переставая. Просыпаясь, верующий молится так: «Благодарю тебя, царь небесный, за то, что ты вернул мне душу». (Ночью бог якобы забирал ее к себе на хранение.) Затем мужчина благодарил бога за то, что он создал его мужчиной. Благодарил бога за все его прошлые дела и будущие, за спасение своей души: «Боже мой! Душа, которую ты дал мне, чистая. Ты ее создал, ты ее в меня вселил, ты ее охраняешь во мне, ты ее заберешь у меня и ты ее вернешь мне на том свете».

Христианский (православный) символ веры провозглашает веру в «триединого бога» — *бога-отца*, сотворившего мир, *бога-сына*, сошедшего на землю, родившегося от девы Марии, распятого на кресте, воскресшего после смерти и вознесшегося на небо, и *духа-святого*, исходящего от бога-отца (а по учению католицизма — от бога-сына).

Символ веры требует признания вечной «загробной жизни».

Религиозный культ есть неотъемлемая часть всякой религии, это совокупность магических действий и заклинаний, посредством которых оказывается действие или

влияние на бога и святых, чтобы расположить их к себе или выпросить у них что-либо. Ритуалы объединяются в свод правил и законов, то есть обязательных и неизменяемых действий, которые подразделяются на две группы. Первая — это общие установления для верующих: посты, молитвы, очищения, воздержания и т. п. Вторая — это «таинства», иначе говоря, ритуалы, совершаемые жрецами или священниками, обладающими якобы особой способностью и секретами общения с богом и влияния на него.

Характерным для всех религий ритуалом является молитва. Ей придается особое значение как средству реализации житейских вожделений.

Молитва — это индивидуальное обращение к богу за помощью. Человек, творящий ее, верит, что каждое его слово доходит до престола божьего и что только бог знает, как ему ответить на просьбу верующего: помочь ему или отказать. Это тоже тайна.

Молятся по-разному.

Последователи иудаизма во время утренней молитвы ежедневно (кроме субботы и праздников) надевают на лоб и левую руку тефиллины, или филактерии (два кубических ящичка с ремешками, в которых содержатся пергаменты с письменами из пятикнижия Моисея — торы). Тефиллины надеваются, чтобы защитить человека от злых духов, демонов или бесов. Это, по существу, тот же талисман, что и у многих первобытных народов Севера, Африки и Австралии, носивших шкуры, хвосты, лапы и зубы животных на груди, на поясе или на голове.

В древности, по свидетельству талмуда, тефиллины носили, не снимая весь день, и мужчины и женщины. Теперь их надевают только мужчины — на время молитвы.

Христианская молитва отличается от иудаистской тем, что совершается без тефиллинов. Главное здесь в установленных ритмических движениях — «крестных знамениях» и поклонах.

Крестное знамение — это молитвенный символ, знак, импульс. Верующие складывают пальцы правой руки (православные — большой, указательный и средний, католики — все пять «дощечкой», старообрядцы — указательный и средний) и касаются ими лба, живота, правого и левого плеча и склоняют голову, а будучи на коленях, кланяются до пола. Молятся обычно перед иконами и адресуют молитву тому образу, который на ней изо-

бражен: богородице, Николаю-угоднику, Иисусу Христу. Существуют разные установления для молитвы. Чем больше молятся, тем лучше, поэтому истинно верующие молятся от трех до десяти раз в день. Обязательны молитвы утром перед едой, после еды и на ночь. Особенно усердно молятся на ночь, как бы давая отчет богу за весь день и испрашивая у него милости на день грядущий.

Протестанты отказались от крестных знамений, однако молитва и у них является главным элементом веры и богослужения.

У мусульман молитва (намаз) также является обязательным установлением веры. Коран предписывает как минимум обязательные ежедневные пятикратные молитвы, ну а больше — сколько угодно. Каждая молитва состоит из нескольких позиций и составляет молитвенный комплекс движений (ракат): поднять руки вверх, опустить на грудь, встать на колени, согнуться и, опершись руками в пол, коснуться его лбом и застыть в этой позе, затем встать и начать другой ракат.

Ритуальные, то есть обязательные, пятикратные молитвы не содержат просьбы. Они лишь подтверждают связь верующего с аллахом и покорность ему. (Слово «ислам» в переводе на русский язык означает «покорность».)

Кроме ритуальных канонических молитв в исламе существуют необязательные молитвы: ночные, при затмениях, о ниспослании дождя, об исполнении желания, праздничные и молитвы за умерших. Молитва за умерших совершается имамом при похоронах. Он становится у головы покойного, когда хоронят мужчину, и у ног, когда хоронят женщину, и читает молитвы о снисхождении к умершему и к присутствующим.

Коллективная молитва (джамаа) в мечети проходит под руководством имама. Все молящиеся синхронно повторяют его движения и позы. Женщины в этой молитве непосредственно не участвуют, они могут находиться в мечети лишь отдельно от мужчин, на хорах, а затем, по окончании общей молитвы, покидают мечеть, так как дольше не имеют права в ней оставаться. Хоронят мусульманских женщин глубже, чем мужчин, чтобы в день страшного суда они не опередили их на пути в рай.

Во всех религиях молитва подчас имеет не столько смысловое понятие и значение, сколько является символом, абракадаброй, и многое зависит якобы от того, как

и сколько раз произносить эти незаменимые сочетания слов — «осанна», «алилуйя». Так, в пасхальную всенощную службу верующие многократно повторяют тираду, смысл которой им почти непонятен: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробе живот даровав».

У иудаистов молитвы произносятся на древнееврейском языке, у католиков — на латинском, у православных — на церковно-славянском, у мусульман — на арабском, у ламаистов — на тибетском.

В православном требнике содержится около пятидесяти видов молитв на разные случаи жизни: о дожде, о погоде, о посевах, о скоте, о пчеле, молитвы при освящении дома, воды, соли, против домового, лешего и т. п.

Существует весьма сложный комплекс молитвенных жестов и поз: поясные и земные поклоны, коленопреклонение, воздевание рук, падение ниц, удары кулаком в грудь, крестные знамения и т. д. Многие из этих жестов и поз заимствованы христианством из иудаистской, митраистской, зараастрийской, буддийской и других древних религий.

Так, православие предписывало верующим сложный комплекс молитв, имеющих специфическое назначение: во время всенощной верующий должен был сделать 11 поклонов в пояс, 3 поклона головой, 1 раз пасть на колени и сделать несколько земных поклонов; во время обедни 7 раз перекреститься, 4 раза стать на колени, отвесить 9 поясных поклонов, сделать 8 поклонов головой; во время говений и епитимий (покаяний) сделать 100 и более поклонов или лежать крестообразно (лицом вниз) на каменном полу церкви перед иконостасом, стоять на коленях с поднятыми вверх руками, класть по 500 и более земных поклонов, всякий раз касаясь или ударяясь лбом об пол.

Особенно много молитв было в царской России: за царей и императоров, «о властях» и «о воинстве российском». Существовали молитвы против еретиков, бунтовщиков, революционеров, а также особый род молитвы — церковное проклятие (анафема) врагов царя и церкви. Анафема объявлялась всем «дерзающим против царей и церкви на бунт и измену», ученым, «отрицающим бытие божие и утверждающим яко мир самобытен». Среди анафематов были лучшие люди России — Степан Разин, Тимофей Ермак, Емельян Пугачев, великий русский писатель Л. Н. Толстой. С особой силой Л. Н. Толстой

критиковал грубые и дикие обряды православной церкви и монашества в своей драме «Отец Сергей», которая вызвала неистовую злобу и ненависть к писателю столпов православия и самодержавия. Л. Н. Толстой был отлучен от церкви (1901 г.) прежде всего за то, что беспощадно разоблачал церковь как оплот самодержавия и рассадник мракобесия, всю бессмыслицу религиозных «таинств» и ритуалов.

В православном богослужении существуют специальные молитвы об «изгнании бесов», а в католических «агендах»-предписаниях содержатся десятки формул для изгнания «нечистой силы» из воды, леса, соли, хлеба, зданий. В католических трактатах можно найти вычисления о том, сколько чертей уместится на остром конце булавки...

Какие бы религии ни объединяли людей, общими у них всегда были суеверные представления о сверхъестественных «силах», поэтому магические методы и средства очищения от «нечистой силы» носят очень сходный характер у всех народов мира.

В царской России, чтобы защитить посевы от «нечистой силы», женщины в одних сорочках, с распущенными волосами опахивали поля. Считалось, что такие женщины могли навести страх на кого угодно, а значит, через заветную борозду не пройдет «нечистая сила».

Опахивались и пастбища в случае падежа скота. Это опахивание называлось «коровья смерть». Описание такого обряда мы находим в книге Л. И. Емелях «Происхождение религиозных обрядов» (Лениздат, 1959):

«В полночь одна из старух выходила за околицу и била в сковороду. Сходились женщины с горящими лучинами, били кочергами по сковородам, чтобы отогнать «нечистую силу», начиналось опахивание. Впереди несли икону святого Власия, за иконой на помеле в одной рубашке ехала старуха с распущенными волосами, за ней женщины тащили соху. Вскоре старуха скидывала рубашку, начинала заклинять «коровью смерть». В соху запрягали «бабу-неродницу», и этой сохой три раза опахивали село. Крестьянки пели:

Выйди вон,
Выйди вон,
Из подмета, из села,
Мы идем, мы идем,
Девять девок, три вдовы
С ладаном, со свечами,
С горячей золой.
Мы огнем тебя сожжем,

Кочергою загребем,
Помелом заметем!

Если кто-нибудь встречался толпе, то его били, иногда до смерти, принимая за олицетворение болезни или за оборотня, который пытался перебежать дорогу, нарушить „заветный круг“.

Особенно распространены были колдовские заговоры от болезней и приворотные зелья из трав и разных случайных компонентов. Заговаривались и зубная боль, и грыжа, и кровотечение, и головные боли. Такого рода заговоры сохранились до наших дней. Например, в некоторых селах Владимирской области «бабки» практикуют заговоры над «святыми» ключами, исцеляя простодушных от всех «лихоманок» (болезней). Автору удалось записать текст такого заговора от грыжи:

Стоя, благословясь,
Идя, перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота
Иду в чисто поле.

В чистом поле — сине море,
В синем море — шука с хвостом в зубах,
Она кусает грыжу,
Кусает верхову,
Кусает нутрянку,
Кусает костянку,
Чтобы не болела,
Чтобы не щемела
У раба Ивана [Петра, Николая],
Чтобы не болела,
Чтобы не щемела.
Амины!..

«Все, как рукой, снимет, если три раза с этой молитвой попить ключевой водицы», — говорила «бабка».

Иногда случается и так, что ключевая вода действительно обладает целебным свойством. Такие факты подтверждались наукой, поэтому в разных странах имели широкое распространение целебные источники, и местные заклинатели, «целители» и священники умели их использовать в целях личной наживы.

Современная медицина возникла из медицины народной, однако нельзя забывать, что обращение к «бабкам» и знахарям часто приводило к человеческим жертвам, потому что из всей суммы «известных» средств, которыми они располагали, относительно полезными оказывались очень немногие, а большинство лишь усугубляли болезнь. Используя страх и невежество людей, знахари всегда и везде обирали их, обманывая бесчестным

образом. Ведь большинство «эликсиров» оказывалось ничем иным, как простой водой, которую продавали за большие деньги доверчивым простакам.

В православии существует четкая «специализация» святых по излечиванию всяческих болезней. Так молитвы Вонифатию «помогают» от запоя, Артемию — от грыжи, Роману Чудотворцу — от «неплодства и бесчадия», Гурию — от «несправедливой ненависти мужа», Моисею Угрину и мученице Фиваиде — «от блудной страсти», мученику Киприяну — «от злого очарования» и т. п. Общим же целителем, подобно богу Асклепию (эскулапу) в Древней Греции, в православии является святой Пантелеймон.

Широкое распространение у многих народов получили в свое время так называемые крестные ходы, или шествия, являвшиеся по существу теми же колдовскими процессиями, имеющими целью привлечение больших масс верующих к обрядам умиловления бога. Особенно частыми такие молебствия были в засуху, когда священник кропил святой водой поля, умоляя бога послать дождь. В наши дни подобное наблюдается в Бирме, Индии и в других странах Азии и Африки. Чтобы вызвать дождь, там воду льют с крыш на землю, обливаются водой, ибо по законам магии «подобное может вызвать подобное».

Религиозные процессии и моления о дожде были и у древних греков, и у римлян. Все эти обряды позже восприняла христианская религия, видоизменив и приспособив их к жизни разных народов.

ПОСТЫ

В каждой религии содержится система запретов и воздержаний. Религией предписано, что можно и чего нельзя есть и пить. Первобытные запреты (табу) на пищу иногда сочетали в себе те или иные обычаи охотничьих, скотоводческих и земледельческих племен (например, временный запрет на употребление в пищу мяса в переходные сезоны года, когда охота и забой животных были нецелесообразны).

Поклонение священным животным (тотемам) у разных народов породило и разные обычаи по отношению к ним: одни убивали животных и ели их, другие — нет. У некоторых кочевых народов, в частности у древних евреев, существовал запрет на мясо свиньи, а большин-

ство оседлых народов, в том числе жители Ханаана, это мясо ели. Подтверждение этому — во многих исторических источниках, а также в библии.

Кочевники-скотоводы не разводили свиней, так как эти животные не годятся для кочевого образа жизни. Кроме того, мясо и жир свиньи в условиях пустыни и при отсутствии соли быстро портятся. Поэтому свиноводство характерно для земледельческих, оседлых племен. Жители морских побережий (Ханаан), обладая запасом соли, солили и коптили свиное мясо и с удовольствием лакомились им. Когда кочевники-евреи завоевали Ханаан, они сохранили древние племенные запреты и канонизировали их, включив в жреческие своды своих законов.

Согласно иудейскому вероучению, в пищу можно употреблять мясо жвачных животных и домашних птиц, зарезанных по ритуалу (шехиту). Вряд ли запрет разводить свиней и есть свиное мясо свидетельствует о том, что свинья была одним из тотемных животных (предком) для арабских и еврейских племен. Напротив, она у них считалась «нечистым животным». Арабы и евреи разводили в основном верблюдов, овец и коз. Следовательно, запреты определялись не тотемным характером животных, а отрицанием чужих обычаев. Тотемными животными являлись как раз те, которых убивали и поедали. Поэтому запреты представляли собой способ регуляции воспроизведения скота.

Соблюдение поста является общим для всех религий мира. Этот обычай возник в первобытном обществе и является отражением влияния природных циклов на жизнь людей, когда в зависимости от времени года менялись виды продуктов питания. Отсутствие тех или иных продуктов в определенные периоды как бы само собой определяло временное воздержание от их употребления.

У некоторых первобытных народов существовал обычай закали голодом, чтобы уметь обходиться без пищи в течение длительного времени в период путешествий, войны, охоты, засухи. У скотоводов прием пищи и питье воды обычно производились вечером или ночью, так как есть или утолять жажду в знойные дневные часы считалось вредным. Обычно кочевник-бедуин принимал пищу, устроившись на ночлег и напив прежде своих верблюдов. Впоследствии это правило было возведено исламом в догму, в религиозный обычай.

Переход к оседлости сопровождался у многих народов трансформацией ряда древних обычаев. Следовательно, *не религиозные обряды породили пост, а условия жизни людей*. Религия же закрепила этот обычай как закон, установленный якобы богами, разработала мифологическую и ритуальную основу поста.

Основная идея поста — обосновать воздержание от пищи волей богов и усилить зависимость простых людей от жрецов. Жрецы становились носителями власти не только духовной, но и политической, были первыми накопителями избытка продуктов и богатств. Они возглавляли родо-племенную верхушку.

Верующий, соблюдавший пост, надеялся «самоистязанием тела и духа» доказать свою покорность богам, чтобы они за это не лишили людей жизни, то есть не уморили бы их голодом, дали бы им пищу на весь год, дали бы урожай и сохранили стадо от злых духов.

Посты устанавливались на период засухи, на время падежа скота и иных стихийных бедствий. В талмуде есть правило: «Если наступило семнадцатое мархешвана, а дожди не выпали, то начинают справлять три поста: в понедельник, четверг и в следующий понедельник».

Давно было замечено, что посты повышают мистические настроения и религиозную экзальтацию, поэтому молебны и радения (исступленные моления) верующих предваряются голоданием.

В христианстве, воспринявшем посты от древних религий, есть однодневные и многодневные посты. Всего в православии существует свыше двухсот постных дней в году. Во время постов устраиваются длительные богослужения, проводятся исповеди, запрещаются увеселения, вступление в брак, нельзя есть мясную и молочную пищу.

Посты губительно действовали на людей труда. Ведь если монахи могли поститься и отлеживаться в эти дни в своих кельях, то крестьянин или рабочий должны были работать от зари до зари. Поэтому в результате постов росли заболеваемость и смертность населения, особенно детская.

У мусульман проведение поста (уразы) сопровождается еще более суровыми испытаниями: в месяц рамазан запрещается есть и пить в течение всего дня — от восхода до захода солнца. Весь день мусульманин должен работать или молиться, не помышляя о еде.

Во время уразы коран запрещает до наступления ночи принимать не только пищу, но и лекарства. Нельзя

также освободить кишечник. Если кто нарушит эти правила, то пост не будет зачтен, и придется либо начинать его сначала, либо возмещать иными способами.

После заката солнца верующему разрешается принять легкую пищу. Второй раз он ест на заре, до восхода солнца.

Очень тяжело переносят длительные посты дети, старики, беременные женщины. В начале 60-х годов нашего века большое число женщин-матерей и стариков — жителей ряда среднеазиатских республик — обратились к духовенству, с тем чтобы оно уменьшило для них сроки поста и облегчило его, жалуюсь на то, что многие страдают от изнурения и истощения. Мусульманское духовенство вынуждено было пойти на уступки и издать соответствующие фетвы (указания) об отмене ряда условий поста для стариков, детей и матерей, установив, правда, дополнительные денежные взносы в церковную казну за облегчение поста.

Пост в месяце рамазана остался обязательным для всех, кроме больных и путешествующих, которые впоследствии должны возместить пропущенные дни поста деньгами и молитвами.

Отказавшийся от поста объявляется неверным, а в странах мусульманского Востока — подлежит тюремному заключению. В этих странах о начале поста объявляется либо пушечным выстрелом, либо поднятием над минаретом государственного флага.

В исламе существуют также индивидуальные посты, устанавливаемые имамом или муллой за проступки и нарушение обетов корана, а также дополнительные посты в дни паломничества и великих праздников. Пост не допускается в пятницу для мусульман, в субботу для евреев и в воскресенье для христиан. В дни, когда у христиан и иудеев посты, мусульмане ведут себя как в обычные дни.

Посты заканчивались снятием запретов, и начиналось разговление, похожее на оргию. Мусульмане отъедались днем, а христиане обычно ночью, после всенощной службы в церкви. Изголодавшись, пили и ели так много, что мучились животами.

Однако суть постов — не только в воздержании от мясной пищи. У церковных иерархов постный рацион с лихвой восполнял ее за счет рыбных и мучных блюд, сдобных хлебов и пирогов, а о напитках и говорить не приходится — пили «во славу Божию» столько, сколько

утробе было угодно. Посты предназначались главным образом для паствы, для мирян, чтобы каждый верующий в дни поста сосредоточивал всю свою волю и помыслы на очищении себя от грехов и скверны, уподобляясь великим мученикам и самому Христу или Магомету. Посты создавали атмосферу религиозного подвижничества всей массы верующих и особенно были по душе скопидомам-святошам, откладывавшим лишнюю копейку за счет живота ближних, а всякому ревнителю православия и самодержавия поставляли доказательство религиозной лояльности и верноподданности народа.

Наши современники обходятся без постов. Однако, наверное, следует подумать над тем, чтобы научно разработать такую систему общественного потребления и экономии продуктов питания, которая способствовала бы улучшению общественного здоровья за счет введения рационального научно обоснованного рациона для каждой возрастной группы населения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в своей первооснове идея регуляции питания в соответствии с природными ресурсами содержалась еще в древних народных обычаях, а церковники «изобрели» посты, исказившие их смысл и значение.

„ТАИНСТВА“

Основу религиозного культа составляют так называемые «таинства», представляющие магические культовые действия, или ритуалы, совершаемые священниками. По учению отцов церкви, через «таинства» «под видимым образом сообщается верующим невидимая благодать божья».

Возникли «таинства» в период жречества, то есть на заре рабовладельческого общества. В библии рассказывается о том, как Моисей якобы под диктовку самого бога Яхве в течение 40 дней и 40 ночей записывал на Синайской горе законы и наставления для евреев по проведению целого ряда ритуалов и устройству походной церкви (скинии). При этом бог строжайше предупреждал, чтобы никто, кроме жрецов (левитов), не знал и не видел, как эти «таинства» совершаются. Всякое вторжение в тайны левитов каралось смертью.

Не так ли-факиры и фокусники сохраняют секреты своих «таинств»?

Подробное описание церковных «таинств» дается в

книгах Моисея «Левит», «Числа» и «Второзаконие». Основные из них — это жертвоприношения, посвящения в левиты, похороны и другие.

Христианство, возникшее из иудаизма, стало космополитической религией и в этой своей сущности первоначально не отрицало законы и обряды Моисея, но затем посредством разных оговорок и установлений, принятых на вселенских соборах, шаг за шагом вырабатывало свой, отличный от иудаистского комплекс религиозных ритуалов, переиначив многие ветхозаветные ритуалы на новый христианский лад.

Христианство обходилось без «таинств» до тех пор, пока не стало господствующей религией в Римской империи. Но уже со второй половины IV века оно начало постепенно «обрастать» (как всякая господствующая церковь) и властью, и культом, и «таинствами».

Первые христианские «таинства» и ритуалы возникли в конце II века. Ими стали крещение и причастие. В III веке вошло в практику «священство» (посвящение в духовный сан). Затем, в IV и V веках, появились еще четыре новых «таинства» — покаяние (исповедь), миропомазание, брак и елеосвящение (соборование).

В католицизме система из этих семи «таинств» окончательно была установлена и отработана только в XIII веке, а в православии — в XIV—XV веках.

В обоих этих направлениях в христианстве были разработаны такие громоздкие «учения» о «таинствах», в которых вряд ли кто может разобраться. Вот почему, говоря о них, любой богослов или священник твердит примерно одно и то же: «Сие есть тайна, тайна великая и неизъяснимая».

«Таинства» описаны в основном в «требниках», являющихся руководством к отправлению церковных служб и треб, но их сущность скрыта в этих книгах в мистических текстах и иносказаниях. Поэтому очень важно раскрыть существо «таинств», чтобы показать их связь с первобытными культами и выявить их противоположность, враждебность народным обрядам.

Известно, что в ходе развития человеческого общества возникали как религиозные, так и бытовые обряды и праздники. При этом обе эти линии иногда тесно переплетались и в то же время существовали отдельно.

Религиозные обряды — это прежде всего культовые действия, жреческие, колдовские, магические заклинания, уходящие своими корнями в первобытные формы религии: фетишизм, анимизм, тотемизм и магию.

Причащение, или евхаристия

Проследить развитие того или иного обряда чрезвычайно трудно, так как история его формирования иногда насчитывает несколько тысячелетий. Обычно в любом религиозном обряде или ритуале обнаруживаются следы многих исторических эпох. Особенно характерным в этом отношении является «таинство» причащения, или евхаристии, которое проводится обычно в дни праздничных богослужений в христианских церквях. Верующие пьют разбавленное вино и едят хлеб, в которых воплощены якобы «истинная кровь» и «истинная плоть» Иисуса Христа, при этом они как бы соединяются с Христом, становятся сопричастными «жизни вечной».

В основе этого «таинства» лежит древний тотемистический культ поедания тела предка. У первобытных охотников был ритуал заклания (убивания) родового предка — тотема (животного) и поедания его крови и тела для того, чтобы проникнуться его свойствами или качествами. Такими «предками» могли быть и медведь, и лиса, и змея, и речной бобер.

Христианство возникло в период упадка и разложения рабовладельческого общества и стало религией феодалного общества. Но оно синтезировало, то есть переработало, многие культы предшествующих исторических эпох. Так, еще в митраизме (религия Древнего Ирана, Индии) существовало причащение хлебом и водой, смешанной с вином. Изображение Митры (бог дневного света) выпекалось из теста, разрезалось на части и раздавалось молящимся в дни митраистских мистерий (праздников).

Кое-кто может усомниться: какое же это тело или кровь, если пьют разбавленное вино и едят хлеб (просфору)? Но у церковников на сей счет нет никаких сомнений. Якобы по завету самого Христа, принесшего, кстати, самого себя в жертву всеобщему тотему — богу-отцу, его последователи должны периодически приобщаться к его духу и подкрепляться его силой посредством символического принятия в пищу его «тела» и «крови» во время причащения (причастия). А чтобы не было никаких сомнений в том, что это действительно так, накануне причастия в алтаре при закрытых дверях происходит так называемая «проскомидия» — чудодейственное превращение вина в «кровь» и хлеба в «тело» Иисуса Христа. Эта долгая манипуляция составляет главную суть «таинства» причащения, во время которого в алтаре

священнослужители прикладываются к «телу», пробуют и дегустируют «кровь», а затем выносят на амвон и дают испить ее каждому по очереди из одной и той же ложки — и старому, и малому, и болящему, и здоровому, вытирая причащающимся рты красной тряпичей. Считается, что в того, кто причастится, войдет сам бог, его благодать.

Если внимательно присмотреться к этому обряду, то можно установить его происхождение от обрядов и обычаев, связанных с производственно-бытовой сферой жизни большинства племен и народов мира. Так, у многих из них существовал обычай коллективной трапезы, или вечери, когда ею отмечалось завершение охоты, сева, сбора урожая и т. д. Этот общинный обычай и лег в основу легенды о «тайной вечере», той последней трапезы Христа и его учеников (апостолов), когда «сын божий» объявляет им о том, что по воле бога-отца должен быть предан мукам и распятию за грехи людей и тем самым как бы отдать им на съедение свою плоть и кровь — во искупление их грехов.

Таким образом, общинно-родовая трапеза скотоводов и земледельцев преобразовалась в религиях в различные виды причастия: у православных — хлебом и вином, у католиков — хлебом для мирян и вином для священников, у мусульман — мясом барашка, у индуистов — смесью муки, меда и коровьего навоза. У нынешних баптистов ежемесячно совершается обряд общинного хлебопреломления как символ братства и единства в их вере и служении господу богу. На больших хлебных подносах пресвитор, подобно Христу, разламывает буханки белого хлеба на куски, и ими угощает верующих, произнося слова, сказанные якобы самим Христом: «Пейте и ядите, сие есть тело и кровь моя!»

Исповедь, или покаяние

В 1956 году в селе Глазатово Калининской области супруги Бородины убили своего восьмилетнего сына Алешу. Причиной убийства не были ни психические заболевания родителей, ни приступ безумия. Оба родителя оказались вполне здоровыми людьми. Убийство было совершено под влиянием религиозного фанатизма, доведенного до крайности многолетними молениями, иступленными поисками милости бога.

При разборе дела о преступлении оказалось, что главной причиной, побудившей супругов Бородиных

убить своего сына, явилось их решение принести его в жертву богу в знак своей покорности и преданности «всевышнему». Примером для них послужил библейский рассказ об Аврааме, который вознамерился принести в жертву богу Яхве своего единственного сына Исаака. Авраам уже занес нож над своей жертвой, но руку его остановил ангел, посланный богом, который объявил волю всевышнего: заменить Исаака агнцем (ягненком).

Бородины задумали повторить этот «подвиг» Авраама, но ангел не явился, и мальчик погиб.

Как стало известно на суде, супруги Бородины терпеливо ждали ангела и душили свою жертву постепенно, между молениями и чтением евангелия, и только к утру завершили свое гнусное «дело». А затем пошли к утренней службе в церковь, принесли покаяние и получили, как полагается, отпущение грехов.

Для церкви все происшедшее в доме Бородиных не является чем-то из ряда вон выходящим. Издавна она прощала и не такие грехи и преступления. Для нее главное заключается не в том, что люди могут согрешить или убить человека, а в том, чтобы убийца не остался нераскаявшимся.

Прощение, или оправдание, грехов исходит из главной сути христианских догматов. Вот что говорится в евангелии от Матфея: «Всякий, кто оставит (не пожалеет.— *В. Р.*) дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей... ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную».

В евангелии от Луки эта мысль выражена еще более жестко: «Если кто приходит ко мне и **не возненавидит** (подчеркнуто мною.— *В. Р.*) отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником».

Таким образом, супруги Бородины перед «лицом» бога-отца и бога-сына совершили подвиг во имя своей веры, зная наперед, что посредством «тайнства» исповеди, или покаяния, они получают прощение и будут вознаграждены на «том свете».

Исповедь (покаяние) является одним из семи «тайнств», обязательных для всех без исключения верующих католиков и православных. Однако она не является «изобретением» отцов христианства. Корни исповеди лежат в глубокой древности, в первобытной магии. Еще шаманы и колдуны многих народностей использовали опрос своих соплеменников. Элементы исповеди су-

ществуют во всех религиях. Буддийский священник так же опрашивает пришедшего к нему, как и христианский и мусульманский, якобы для того, чтобы, узнав его мысли и тайны, «лечить», «исцелять» его от духовных недугов и освобождать от грехов.

Однако для христианства исповедь наиболее характерна, поэтому она получила детальное ритуальное оформление.

Православное покаяние сложилось по греческим и сербским образцам. Формы причастия и различные его разряды разрабатывались в течение столетий и непрерывно менялись, что является свидетельством особой заботы и внимания церкви к этому таинству. Именно оно давало церкви возможность держать в поле зрения, под непрерывным контролем всех верующих и постоянно оказывать влияние на мирян в их приобщении к церкви.

Причастие, или покаяние, было своеобразной формой ежегодной духовной присяги граждан Российской империи церкви и царю, и в этом проявлялось объединение функций духовенства с полицейским надзором. Вот почему существовало так много различных чинов, разрядов и групп покаяния, разрабатываемых на каждый случай: для монахов и попов, для мирян, для женщин, для отроков и т. д. Разрабатывались особые «вопрошения» или «поновления», то есть формы устного или письменного опроса людей на исповеди. Иногда в перечень этих вопросов входили такие нескромные, что могли смутить кого угодно.

Все эти «поновления» и «вопрошения» на исповедях носили весьма пикантный характер, и само духовенство до такой степени проникалось мирской греховностью, что стало у народа «притчей во языцех».

Итак, при исповеди исповедующийся выкладывает «на духу» все свои малые и большие прегрешения, чтобы, получив отпущение грехов, с чистой совестью творить грехи новые.

Но существует иная, скрытая сторона этого «святого таинства». В капиталистических странах, где религия занимает господствующее положение в идеологии и политике, исповедь была и остается средством борьбы с революционными настроениями трудящихся масс, с проявлением атеизма и вообще свободомыслия.

Тайна исповеди существовала только для простаков, которые могли верить в отпущение грехов и пророчества «духовных пастырей». «Кто был первым изобретателем искусства пророчества?— спрашивал Вольтер и отве-

чал:— Конечно, первый мошенник, который встретил первого дурака».

Священники, верно служа земным господам, исправно доносили властям о всех опасных для них людях. Указом Петра I православному духовенству вменялось в обязанность немедленно доносить обо всех «преднамеренных злодействах» против «службы государевой и церкви», выведенных посредством «тайнства» исповеди.

Попы всегда были связаны с царской охранкой. Они не соблюдали «тайнства» исповеди, и охотно способствовали истреблению всякой крамолы против «власти, данной от бога». Вспомните исповедь Овода своему духовному наставнику — иезуиту отцу Карди.

Есть еще одна темная сторона этого «тайнства». В христианстве существует формула: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». Иначе говоря, не страшно само преступление — важно покаяние. Преступления и пороки, таким образом, освящаются и увековечиваются. В этом смысл христианского призыва: «Покайтесь!»

Окружая себя грешниками и грешницами, как рассказывает евангелие, Христос подчеркивал и словами, и действиями, что ему ближе именно грешные люди, а не праведники, ибо какая от праведников польза богу, говорил он, ведь в час «страшного суда» предметом внимания бога будут в основном грешники...

При исповеди священник вопрошает о грехах «против веры, кровосмешения, об убийствах и прочее», после чего читает молитву, благословляет преклоненную голову и дает отпущение грехов.

Соответственно грехам кающегося ему определялось покаяние различной степени трудности или сложности: количество поклонов и молитв перед иконой, дополнительный пост в среду и пятницу, воздержание от мяса, сыра и яиц в понедельник. Имел значение также и возраст «грешника»: чем он старше, тем более строгое полагалось покаяние (малая и большая епитимия).

При исповеди женщину спрашивали о грехах против деторождения и о прочих интимных сторонах ее жизни. Священники сами часто впадали в грешные мысли при совершении исповеди и нередко давали волю рукам. Вот почему в католических храмах были введены специальные будки для духовных лиц, проводивших исповедование через зарешеченное окошко. Священник садился в эту будку и прикладывал ухо к решетке, а исповедуемая шептала ему о своих тайных грехах. Таким образом

устранялся «соблазн близости». (Католическая церковь недавно модернизировала исповедь с помощью устройства закрытых кабин с радиотелефоном, в которых одновременно могут исповедоваться несколько верующих.)

В православии подобных «мер безопасности» не существует, но зато есть указания на то, чтобы женщин исповедовали только старцы. Исповедовать женщин и молодых запрещалось также «совершенным монахам», схимникам, девственным или молодым священникам. Женщин исповедовали в притворе, «отверстые имея двери внешняя, ради устранения соблазна».

В истории было немало случаев, когда наказывались священники, впавшие в блуд, который они совершали якобы не похоти ради, а для «продления рода человеческого».

Священник обычно убеждает кающихся не стыдиться его, потому что он «послух», что от бога ничего нельзя скрывать, и если кающийся теперь что скроет, то это «будет открыто на страшном суде».

В христианстве существуют две основные линии, два антипода: всепрощение и неизбежность кары за грехи. Всепрощение — на земле, в земной жизни, а кара — в потустороннем мире.

«Таинство» исповеди есть не что иное, как психологическое средство оправдания пороков — «грехов», из которых извлекаются выгоды, социальные и материальные. Благодаря покаянию оправдывается не только преступление перед совестью человека, но и любое преступление перед человечеством, оправдываются классовое неравенство, угнетение людей, война и истребление народов — все виды бесчеловечности. Малыми грехами миллионов простых верующих покрывались и оправдывались большие преступления господствующих классов и религий.

Церковные похороны и поминания

Идея загробного мира и культ мертвых являются главными во всякой религии. В христианстве, как и в исламе, эти представления дополняются «воскрешением из мертвых», поэтому похоронные и поминальные обряды этой религии доминируют над всеми остальными.

Вера в загробный мир возникла в первобытном обществе и была у некоторых племен так сильна, что если вождю племени хотелось что-либо сказать или пе-

редать своему умершему предку, то он призывал раба, передавал ему поручение и отрубал голову.

Существовал в древности и обычай рассчитываться за долги на «том свете».

Загробный мир представлялся подобным земному, но с обилием тех благ, которых не хватало людям на земле. Так, жителям пустыни он представлялся долиной, в которой текут полноводные реки, растут тенистые роши и всегда зеленеют луга. Буддийская религия рисует загробный мир, или рай, как долину цветов, из бутонов которых прорастают души умерших. Северные охотники и поморы видели в нем изобилие животных и рыбы. Некоторые сегодняшние богословы представляют загробный мир вполне современным и предполагают в нем наличие электричества, радио, телевидения и различных увеселений. Об этом, кстати, писал некий монах Митрофан в трехтомном своем труде «Как живут наши умершие».

Все эти представления о загробной жизни были положены в основу создания самых разнообразных похоронных и поминальных ритуалов и «таинств», посредством которых якобы можно общаться с потусторонним миром и с помощью магических заклинаний и действий влиять на судьбу не только умерших, но и живущих на земле людей. На протяжении многих тысячелетий шаманы, колдуны, жрецы и попы, отбирая последние гроши у больных или умирающих, морочили им головы «сеансами связи» с потусторонним миром. Шаманы, устраивая камлания (изгнания злых духов из тела больного), били в бубны, плясали, завывали и впадали в исступление, в транс, наводя суеверный страх на присутствующих. То же самое происходит в сектантских «радениях» и «трясках».

В христианской религии существует специальное «таинство» — елеосвящение (соборование), которое совершается духовенством для «исцеления» больного, если он «к тому имеет склонность», а если нет, то для того, чтобы дать умирающему «посмертные наставления и облегчить его загробную участь». По церковному уставу для совершения этого ритуала требуются семь священников. Ныне соборование совершается обычно одним священником.

Соборование может проводиться в храме или на дому. Сначала больного или умирающего исповедуют и причащают. Затем священник ставит на стол сосуд с елеем (маслом) и вином, зажигает семь свечей и в чаш-

ку с пшеницей втыкает семь бобовых стручков (символ жизни и плодородия), обмотанных бумагой для помазания. Посреди стола кладется евангелие. Священник, облаченный в фелонь (накидку), раздает присутствующим свечи, кадит вокруг стола, окуривает ладаном весь дом и затем начинает произносить молитвы: «Помилуй мя господи, яко немощен есмь». В молитвах, которые он читает очень долго, содержатся просьбы, обращенные к богу, проявить милость к больному. Потом священник берет стручок и, омочив его в елей, начинает мазать больному лоб, уши, ноздри, губы, руки и грудь. Затем обтирает масло ватой или тряпками и кладет их на блюдо.

Современное соборование, как уже говорилось, проводится обычно одним священником и ограничивается лишь одним помазанием. При полном обряде мажут семь раз. После помазания на голову больного возлагается открытое евангелие, поверх него священник кладет руки и читает молитву. В заключение он дает больному целовать крест и евангелие. Оставшийся от совершения таинства елей священник выливает на вату или тряпки и все это сжигает на кирпичах. Пепел высыпают в умывальник или закапывают в землю.

Получив мзду за совершение обряда, священник уходит, а родным и близким остается ждать: принесут «святые дары» исцеление больному или нет.

Загробный мир церковь разделила на ад и рай. Она установила и время, или этапы, блуждания души в загробном мире с момента ее отделения от тела умершего до «прибытия» к вратам ада или рая. На каждом этапе устраиваются поминальные молитвы за упокой души усопшего. Таких этапов, или дней, помимо дня похорон, пять: 3-й, 9-й, 20-й, 40-й и 365-й.

По религиозным представлениям путь в рай — царство небесное — не прост. Чтобы попасть туда, требуются немалые заслуги перед богом.

Три дня после смерти человека душа его якобы витает возле тела. К исходу 3-го дня она возносится на небо и на 6-й день душа — где-то в преддверии ада или рая, а на 9-й день достигает господних пределов. По прошествии 9 дней душа спускается в ад и целый месяц пребывает там, а на 40-день решается вопрос: оставить ее в аду или отправить в рай. На 365-й день отмечается годовщина со дня смерти.

Таков порядок поминального цикла. Помимо этого, церковь налагала обязанность соблюдения верующими

«сорокоуста», то есть ежедневной в течение 40 дней молитвы по умершему, а также ношения траура от 40 дней до одного года.

Ад представляется верующим как некое сумрачное подземелье, как место для пыток и вечных мучений, а рай — как некий небесный сад бесплотного обитания и блаженства, «где нет ни слез, ни печали, ни воздыханий, но жизнь бесконечная». Большинство верующих надеются попасть в рай, иначе не стоило бы и молиться. Однако и они не слишком торопятся расстаться с земной жизнью, предпочитая пожить на земле как можно дольше. Один из служителей Псково-Печерского монастыря рассказывал автору этих строк буквально следующее:

«Не хотят наши старцы умирать! Ведь иному монаху под 100 лет, и, кажется, чего ему еще надо, кроме смерти? Ан, нет! Чуть заболает — просит: пришлите доктора, пусть полечит! Мы ему говорим: помирай спокойно, мы тебя похороним в сухой могилке, в уютной пещере, как праведника... А он опять за свое: позовите доктора! Пусть, мол, рентген сделает аль банки поставит...»

Этот пример свидетельствует о том, как изменились взгляды на загробный мир у современных верующих. Вот уж, воистину, бог-то бог, да не будь сам плох!

В христианском похоронном обряде соединились элементы многих религий мира, и прежде всего Востока — иудаизма, митраизма, парсизма (современное название религии древних народов стран Ближнего и Среднего Востока) и других. К таким элементам относятся омовение покойников, звон в колокол, возжигание свечей по четырем сторонам гроба, чтение псалтыря над покойником. Все эти средства применяются для изгнания «бесовских сил», якобы окружающих тело и дух умершего. В панихидной молитве говорится: «Бесовские избави мя руки, якоже беси мнози обступиша мя».

В этом обряде имеются также элементы древних языческих поверий о том, что умершие могут мстить живым, поэтому, чтобы задобрить их, участники похорон старались громче плакать о них или нанимали специальных плакальщиц. Такие плакальщицы кое-где сохранились до настоящего времени, в особенности в северных областях РСФСР.

В старину глаза умершего закрывали пятаками из боязни, что он высмотрит кого-нибудь и заберет с собой в могилу. На лоб клали «венчики», или «прощеные

грамоты», — бумажки с «разрешительной молитвой» — отпущением грехов. Чтобы мертвецы не выходили из могил и не бродили вокруг жилищ, у разных народов их либо связывали, либо пеленали, либо зашивали в шкуры и плотно закрывали в колоде-саркофаге. Издавна повелось ставить надмогильные камни и плиты, чтобы покойник не вышел из гроба, а вокруг могилы — высокие ограды (очереты), чтобы покойник не мог перепрыгнуть через них и не потревожил живых.

В христианском похоронном обряде отражено также древнее поверье о том, что самоубийцы, то есть умершие не по божьей воле, и все те, кто был похоронен без священников, превращались в вурдалаков, которые по ночам выходят из могил, нападают на людей, скот и высасывают из них кровь. Этими вурдалаками, или упырями, пугали и детей и взрослых и тем самым усиливали их страх перед мертвецами.

Как в христианстве, так и в исламе захоронение умерших происходит посредством их погребения, то есть закапывания в землю. Исключениями являются захоронения в фамильных склепах или содержание праха великих и именитых соотечественников в пантеонах. Однако все это объединяется одной идеей предания тела умершего земле до второго пришествия Иисуса Христа, то есть до воскресения всех умерших для всеобщего участия в страшном суде. Этот способ захоронения задолго до христианства существовал у многих древних народов, и в частности у древних египтян и иудеев, от которых он был заимствован христианством и распространен в обеих частях Римской империи вместо общепринятого там раньше сожжения трупов.

Таким образом, в дохристианские времена существовали и тот и другой способы захоронения, однако метод сожжения был распространен более широко. Помимо стран греко-римского мира он бытовал в Индии, Индокитае, Китае, Монголии, у древних финнов и славян. Преимущество его, с точки зрения современника, очевидно. Рост населения городов и условия жизни современных народов склоняют чашу весов в сторону кремации умерших, однако здесь есть немало препятствий, и главными из них являются укоренившиеся в быту религиозные традиции. В последнее время эти традиции в значительной степени ослабевают, однако для того, чтобы повсеместно перейти к методу кремации, нужно создать соответствующие для этого условия: построить в

городах крематории, найти новый способ увековечения памяти умерших.

Похороны по христианскому обряду содержат в себе сложный мистический комплекс религиозных представлений и культовых действий, воспринятых из более ранних религий, отличавшихся очень сложными церемониями и кровавыми жертвами. Наиболее суровыми и жестокими были похоронные обычаи по случаю предания земле скифских вождей, сопровождавшиеся многочисленными жертвами людей и скота.

В отличие от скифов у большинства славянских племен существовал обычай сжигать тела умерших. «Аще кто умряше,— рассказывается в «Повести временных лет»,— творяху тризну над ним», а затем складывали большой костер и сжигали на нем мертвеца. Останки собирали в малый глиняный сосуд и выставляли на столбе у дороги. Позднее, в период разложения патриархально-общинного строя, появляются погосты — погребальные сооружения для захоронения останков сожженных трупов.

У славянского племени вятичей обычай сожжения трупов и захоронения их останков в курганах сохранился вплоть до XII века, о чем свидетельствует курган Борисовского городища. Внутри кургана в деревянном срубе ставились сосуды с останками умерших, а вокруг него сооружалось вертикальное круговое ограждение из дубовых плах, являвшееся элементом древнеславянского культа поклонения солнцу.

С IX—X веков коллективные погребения постепенно заменялись индивидуальными захоронениями, но трупосожжение сохранялось вплоть до XIV века.

Христианство выступило против сожжения умерших и курганных захоронений и восприняло древнеиудейский обычай погребения — предание земле. Впервые на Руси по этому обряду был похоронен княгиней Ольгой, принявшей христианство, ее муж — князь Игорь. В летописи говорится: «Приде ко гробу его, и плакася по мужу своим и повеле людям съсути (насыпать.— В. Р.) могилу велику... и повеле тризну творити».

Однако новый обычай захоронения прививался с трудом и до и после крещения славян. Христианский обряд погребения насаждался силой по всей русской земле и повсеместно встречал сопротивление.

В XVI веке путем установления неослабного контроля церкви за неукоснительным исполнением христианских похоронных ритуалов они были внедрены во всем

Московском государстве. Сторонники старых языческих обрядов объявлялись еретиками и сжигались заживо в специально сооружаемых для этого срубах, или клетях. Таким образом, языческий способ сжигания трупов церковь превратила в обычай казни еретиков и бунтовщиков. Старообрядческое самосожжение в XVII и XVIII веках было своеобразным выражением религиозного протеста и данью старославянским обычаям сожжения умерших.

С установлением христианских обрядов многие черты народной обрядности не исчезли, а как бы вплелись в основу религиозных обычаев. Религиозная обрядность синтезировала христианскую догматику с народной обрядностью.

Эту же мысль высказывал известный советский исследователь народной обрядности писатель Г. Геродник, отмечавший, что похоронные и поминальные традиции у славян и народов Прибалтики сложились в далекие дохристианские времена. Христианству удалось придать поминальным обрядам культовый характер, однако в сознании народа поминальные обряды всегда имели более широкое значение.

До недавнего времени поминальные традиции в нашей социологии рассматривались лишь как признаки религиозной обрядности. Однако время широкого становления и упрочения социализма вызвало настоятельную необходимость обратить самое серьезное внимание на тот факт, что эти народные традиции имели большое значение в жизни людей как средство нравственного воспитания многих и многих поколений в духе уважения к делам и жизни старших поколений, они развивали чувство патриотизма, любви к родному краю, к своему народу, прославляли подвиги предков. Каждый человек, отмечал Г. Геродник, «чувствовал себя причастным к истории народа, ощущал себя звеном в бесконечной цепочке навсегда ушедших, ныне живущих и грядущих поколений».

Многие исследователи народных обычаев акцентировали свое внимание лишь на том, какие культовые моменты содержались в этих обычаях, и совершенно упускали сторону житейскую, иначе говоря, не отличали, какими обстоятельствами общественной жизни обусловлены те или иные обряды.

В связи с этим следует выделить и поминальные народные обряды, которые были проникнуты не столько религиозными идеями связи с потусторонним миром,

сколько жизнеутверждающим стремлением не прерывать связи ныне живущих поколений с жизнью и делами прошлых поколений и их лучших представителей. У нас, например, ежегодно проводится праздник поэзии, посвященный памяти А. С. Пушкина. В этих торжествах есть и горестные мотивы по поводу ранней гибели великого поэта, и мотивы радостные, славящие его гений. На Украине так же чтят память Т. Г. Шевченко, в Белоруссии — Янки Купалы, в Грузии — Шота Руставели, в Латвии — Яниса Райниса, в Литве — Чюрлёниса.

Дохристианские народы устраивали ежегодные поминки, тризны по своим предкам и героям, сопровождавшиеся хороводами, танцами, играми, состязаниями борцов и выступлениями народных певцов и гусяров. Эта демократическая черта народных обрядов была подавлена церковью.

Древнейшим обычаем у славян была так называемая «радуница» (от древнеславянского «родовница») — весенний праздник, посвященный памяти предков. В дни «радуницы» устраивались гулянья и пиры. На могилы умерших родственников пирующие лили вино и клали еду. На основе этих обычаев сложились народные обряды, посвященные почитанию и поминанию предков. Они проводились в дни зимних колядок, масленицы и семика — в русальную неделю.

Православная церковь приспособила эти народные обычаи к церковным традициям, приурочив их к четвергу страстной недели великого поста и ко вторнику первой недели пасхи (радуница).

У белорусов был ежегодный поминальный праздник «Дзяды» («Деды») с угощением и задабриванием духов умерших. При этом никакого особого страха перед умершими тогда не проявлялось. Люди не боялись ни кладбищ, ни могил, ибо понятий «нечистая сила», «черти», «бесы» и тому подобной чертовщины тогда не было. Они появились лишь при христианстве и стали орудием церкви, используемым ею для отвращения народа от его обычаев и традиций. Древние погосты были и местом поселения людей, христианство же отделило земной мир от «потустороннего».

Церковь переосновала и языческие поминальные традиции, выхолостив из них жизнеутверждающие мотивы и придав этим традициям подчеркнуто мрачный, мистический характер. Так, поминальная заупокойная молитва возникла из народного обычая, который имел широкое распространение среди многих народов мира. Во

время трапезы за поминальным столом был обычай поочередно оглашать имена умерших предков, родственников, погибших воинов, которым посвящались обрядовые песни, сказы и былины. Церковь и этот обычай использовала в своей богослужебной практике, разработав ритуал поминовения живых и усопших. В определенные дни верующие подают записки или записывают в поминальные книжицы те имена, которые желают услышать в общем поминальном оглашении «за здравие» или «за упокой». Однако этот обряд поминовения далек от народного обычая.

В современных условиях народный обычай поминовения с успехом возрождается в некоторых наших республиках. Одним из элементов памятного дня в ряде областей является оглашение на траурных митингах Книги вечной славы, в которую заносятся имена и фамилии умерших, а также отмечаются их заслуги перед обществом. Девиз «Вспомним всех поименно» призывает к повсеместному развитию этого народного обычая таким образом, чтобы самое активное и непосредственное участие в нем принимали местные Советы народных депутатов и общественность наших городов и деревень.

За последние годы снова получил распространение обычай устраивать в день похорон поминки по умершим. В недавние времена участие в поминках считалось не чем иным, как участием в религиозном обряде. Но никто не мог точно объяснить, в чем состоит религиозная суть этого обычая и как относиться к нему сегодня.

На поминках распорядитель похорон просит собравшихся почтить память умершего, друзья и товарищи произносят поминальные речи. В этом старом обычае сочетаются не столько религиозные, сколько общинные традиции, что позволяет с уверенностью отнести их к народным. По-видимому, в данном случае наши современники, как и их предки, не могут обойтись без символических народных обрядовых действий, если они хотят выразить свое соболезнование людям в скорбные моменты их жизни.

Опыт показывает, что влияние того или иного религиозного ритуала или праздника уменьшается или исчезает тогда, когда он теряет свою исключительность, уникальность, когда взамен его восстанавливаются или создаются заново традиции народные. Так, в начале 30-х годов у нас была возрождена новогодняя елка и совершенно утратила свою былую исключительность елка рождественская, и никому теперь не приходит в го-

лову сомневаться — зажигать на ней свечи или лампочки или не зажигать?

Чем скорее будут проходить процесс внедрения прогрессивных народных обычаев и их разработка для нужд современников, тем успешнее мы разрешим ряд важных культурно-бытовых проблем,

Крещение

Культ воды был характерен для большинства народов мира. Вода — источник жизни, поэтому она являлась объектом поклонения и у кочевников (культ водоемов, родников, колодцев), и у земледельцев (культ рек и дождя), и у охотников-рыболовов (культ морских животных). Каждый такой культ отличался своеобразием и зависел от способа ведения хозяйства и от климатических условий, в которых жили племена и народы.

Для многих первобытных религий были характерны ритуальные омовения, поэтому фактически нет и ни одной поздней религии, в которой не присутствовал бы тот или иной элемент водного ритуала.

Наиболее распространенным был ритуал очищения водой, или ритуал омовения (полного или частичного). В иудаизме ритуал водного омовения совершался перед началом богослужения или молитвы. В исламе также имелся целый ряд водных ритуальных омовений, установленных для различных ситуаций и состояний верующего. Однако эти ритуалы по своей сути являлись специфичными для национальных религий и не имели главенствующей роли в системе обрядов.

Христианство, возникшее из древневосточных религий и культов, отвергло установления и ритуалы национальной исключительности и в качестве всеобщего, доступного для всех наций и народов, разработало ритуал водного крещения, имеющего значение не столько очистительное, сколько приобщающее к религии.

В первоначальном христианстве не было и не могло быть речи о необходимости использования каких бы то ни было ритуалов. Основатели христианской идеологии отрицали роль внешних признаков религии (обрядность) и на первое место выдвигали веру и религиозные убеждения. Но так было, пока христианство не стало господствующей (над первобытными) религией.

Освящение и оправдание социального гнета не могло обходиться без принудительных внешних признаков

религии, то есть без обрядности, поэтому в христианстве начинается процесс разработки общехристианских догматов и обрядов. Крещение, воспринятое из митраизма и других древних культов, оказалось наиболее универсальным средством приобщения язычников к христианской вере.

Раннехристианские источники свидетельствуют о том, что обряд крещения стал складываться и распространяться не раньше второй половины II века, и только в первой половине III века в некоторых христианских общинах стали устраиваться крещения взрослых соответственно разработанной к этому времени версии о крещении Иисуса Христа, происшедшем якобы на 30-м году его жизни. Поэтому вопрос о всеобщем крещении возник только тогда, когда христианство стало государственной религией. Это событие произошло в 325 году на первом Вселенском (Никейском) соборе.

Став у власти, церковь начала свирепо и беспощадно искоренять все без исключения «многобожные» религии, и прежде всего языческие празднества и обряды. При этом она не могла не установить того факта, что у язычников имелась целая система различных обычаев и обрядов, посвященных жизни людей со дня их рождения и до смерти. Вот почему возник вопрос о том, чтобы водное крещение производилось не над взрослыми, а над новорожденными.

Христианство ввело всеобщий обряд крещения новорожденных, обязательный для всех наций, рас и социальных слоев, исповедующих христианство.

Ритуальные, или обрядовые, очистительные омовения существовали и у большинства славянских народов. Они проводились при участии колдунов-волхвов и поэтому назывались *волхвованием*. Эти омовения в корне отличались от церковных ритуалов. По своей сути они являлись семейными праздниками, посвященными рождению детей, народными обрядами, так как отвечали интересам и условиям жизни народа, им создавались и проводились. Культовые элементы в этих обрядах носили второстепенный характер и являлись в какой-то мере методом и средством развития коллективного творчества народной бытовой драмы.

В назначенный день кто-либо из родственников приходил в дом роженицы и брал на себя (по уговору) роль восприемника дитяти. Восприемники именовались «кумовьями». Их могло быть двое, трое и больше. Они осуществляли родовую опеку над новорожденным и на-

равне с родителями несли моральную ответственность за его воспитание, а в случае их смерти заменяли ему их.

Оформление кумовства закреплялось обычаем омоновения ребенка в реке, озере, в деревянных колодах (корытах) или бочках. Детей несли к водоему, купали, пеленали, пели обрядовые песни и назначали новорожденному имя по выбору родителей или старшего в роде в честь уважаемого предка или народного героя. При этом, разумеется, имели место и религиозные мотивы. Так, волхвы предсказывали судьбу ребенка и совершали магические заклинания против злых духов. После этого устраивался семейный праздник.

При совершении этих обрядов культовые элементы не играли главной роли, и воля волхвов не навязывалась родителям никакими установлениями, что в свою очередь придавало обряду чисто житейский, демократический характер.

Христианскую церковь, естественно, не устраивало такое положение, поэтому она упорно и настойчиво стала искать наиболее подходящий вариант церковного обряда крещения детей, чтобы навсегда покончить с языческими обрядами и искоренить влияние на жизнь и быт славянских народов ненавистных ей «арбуев» (волхвов).

Разработка и внедрение обряда крещения на Руси отличались своими специфическими условиями. Многие из того, что было принято в ранних христианских церквях, пришлось изменить. Вопрос о том, в какой день после рождения нужно крестить младенцев, обсуждался на многих церковных соборах. Решения были разные: и на 8-й день — в честь «обрезания господнего», и на 40-й день — в честь принесения младенца Христа в иерусалимский храм, и т. д. Духовенство готово было принять установки раннехристианского богослова Тертуллиана о том, что «каждый день есть день господень, всякое время, всякий час удобен для крещения». Однако язычники и не думали подчиняться этим установкам, они по-прежнему сами решали, когда и как проводить свои обряды.

Проследим, как шаг за шагом церковь внедрялась в народные обычаи и как утверждала церковный обряд крещения.

По церковному уставу и греческим канонам крещение предписывалось проводить только в храме: «...а в избе дитяти недостойно крестить, разве божия церковь». Народ между тем по-прежнему продолжал совершать

свои ритуалы на реках, прудах и озерах. Тогда, идя на уступку обычаю, в XV веке церковь издает правило: «Дети же на реке крещати летом невозбранно есть и на дому не возбраняется, но обязательно с попом».

До XV века участие кумовьев в церковном обряде категорически не допускалось и кумовство преследовалось как «злоречивое непотребство». Из этого, однако, ничего не вышло. Кумовство продолжало прочно сохраняться в быту, и церковники, снова пойдя на уступку, допустили одного кума к участию в обряде и закрепили это правилом Стоглавого собора (1551 г.).

Позднее к участию в крещении церковь допустила двух кумовьев — кума и куму.

Так, шаг за шагом, духовенство добивалось все более полного подчинения народных обычаев религиозным установлениям и правилам и все строже следила за их проведением. Постепенно весь обряд, посвященный рождению ребенка, и все участвующие в нем оказались под контролем церкви и государства. Такой обряд стал государственным актом, фиксирующим сословные и имущественные права людей, а церковь приобрела роль административного или юридического органа в государстве.

Оставалось разрешить еще ряд дополнительных вопросов по окончательной разработке христианского православного обряда крещения. Так, по каноническим и догматическим установкам церкви всякая родившая женщина считалась «нечистой». При рождении сына она не имела права появляться в храме в течение 40 дней, а при рождении дочери этот срок удваивался. Поэтому при крещении детей на 8-й день после рождения роль родителей стали выполнять те самые кумовья, которых раньше церковь не признавала.

Церковь присвоила себе также право выбора имени новорожденным. До принятия христианства у славян, как и у многих других народов Восточной Европы, существовало естественное право родителей выбирать имена своим детям. Языческие, или народные, имена были звучными, красивыми. Они имели определенное смысловое значение. В русском именословии это были: Светлана (светлая), Людмила (милая людям), Добромысли (добрый мыслями), Добрыня (добрый), Владимир (владеющий миром) и другие. Для того чтобы исключить этот обычай на Руси, церкви понадобилось шесть столетий. На первом этапе (X—XII века) она установила систему двойного имянаречения — церковно-

го и славянского (языческого). При крещении в церкви стали записывать два имени: первое — от лица церкви, второе — от лица родителей. Церковные имена были чужды и непонятны народу, поэтому церковь использовала такой обходной маневр, рассчитывая на то, что время решит этот вопрос в ее пользу.

По свидетельству летописей, в XI—XII веках все русские люди, в том числе и князья, имели по два имени: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Панкратий-Ярослав, Андрей-Мстислав.

В этот период славянские, или языческие, имена считались в быту основными вопреки настойчивым стремлениям духовенства сделать главными церковные имена, взятые из древнееврейского, римского и греческого именословия.

В XIII веке церковь попыталась отменить право родителей на выбор имени новорожденному и установить свое, монопольное право на присвоение имен (двух) только христианских. Однако это привело к тому, что в народе стал использоваться старый обычай наречения имени — при первом «постриге», совершаемом у славян по народному обычаю в 5—7-летнем возрасте. Таким образом, по церковной записи после рождения человек именовался Титом, а по домашнему обычаю с 5 лет назывался Добрыней. Поэтому позднее церковь установила новый порядок присвоения имени, включив в свой обряд крещения в качестве одного из его элементов первый постриг волос у младенцев. Так еще один языческий обычай стал «христианским».

С XVI века употребление языческих имен запрещалось и преследовалось духовенством как «латинский» обычай, поэтому нередко у одного человека было два имени, и оба христианские. Соответственно этому и княжеские имена стали исключительно церковными.

Обычай присвоения двух имен продолжался до реформы Петра I. Петр усмотрел его неудобство для службы в армии, при ведении судопроизводства и оформлении государственных актов. Теперь право выбора имени для новорожденных оставалось только у церкви.

Таким образом, окончательно утвердилось иудейское и греческое именословие, а многие народные имена были преданы забвению. При крещении новорожденных духовенство давало младенцам имена по святцам, то есть по церковному календарю, в котором к каждому дню года было приурочено чествование того или иного святого,

Детям низшего сословия церковники зачастую присваивали имена, не считаясь с мнением родителей. Бывали случаи, когда при слишком малой «мзде» за совершение обряда крещения или по злобе попа на родителей новорожденным присваивались такие неблагозвучные имена, как Псой, Дул, Гад, Мардарий, Павсикакий, Голиндуха, Епихария, Проскудия, Синклитикия, Феодула и т. п. Среди освященных церковью имен немало и таких, которые в переводе на русский язык звучат оскорбительно для достоинства человека. Вот некоторые из них: Азат — скопец, Ардалион — замаранный, Евтихий — голый, Маруф — безволосый, Фока — собака.

Не лучшими по своему смыслу были и такие женские имена, как Варвара — грубая, Прискилла — старая, Ксантипа — рыжая лошадь и т. п. Смысл этих имен не был понятен простым людям, и поэтому они воспринимались как клички.

Все эти имена до сего времени упоминаются во всех церковных календарях, издаваемых Московской патриархией. Но, разумеется, составители календаря деликатно умалчивают о смысловом значении этих имен, не давая русского перевода или этимологического значения этих древнееврейских, римских и греческих имен.

Крещение и вредно, и опасно для жизни ребенка, смысл этого обряда противоречит принципам и нормам нашей коммунистической морали. Все это бесспорно. Часто молодые родители, которые решают крестить новорожденного, совершенно не представляют себе, каким «магическим», «колдовским» манипуляциям будет подвергаться их ребенок. А если бы они знали все это, то крещения могло бы и не быть. Поэтому последовательное описание православного обряда крещения и анализ его отдельных элементов и позиций имеют для общестественности принципиальное значение.

Крещение совершается обычно после обедни либо в самом храме, либо в специальном помещении (крестильне) в корыте, называемом купелью, водоизмещением в три-четыре ведра подогретой воды. Священник в полном облачении начинает обряд с так называемого «оглашения», или огласительной молитвы. Затем он берет голого младенца из рук крестного и дует на «уста его, на чело и на перси», то есть в рот, на лоб и на грудь, произнося при этом: «Изгони из него всякого лу-

кавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его».

Далее священник переходит к «допросу» младенца: «Отрицаешься ли сатаны, и всех дел его, и всех аггел (то есть злых духов.— *В. Р.*) его, и всего служения его, и всей гордыни его?» На вопрос священника, обращенный к младенцу, должны отвечать «восприемники» (крестные родители): «Отрицаюсь». Если они скажут «не отрицаюсь», то крещение не состоится, поэтому тут выбора быть не может.

Но одних этих формальных заявлений о нежелании иметь дело с сатаной недостаточно. Нужно еще, по указанию священника, повернуться к двери, выходящей на запад, и по команде: «И дуни, и плюни на него» — плевать на «князя тьмы», то есть на сатану, который якобы проживает где-то на западе (запад есть олицетворение ночи, тьмы, царства сатаны.— *В. Р.*).

Далее следует обязательный вопрос священника: «Сочетаваешься ли Христу?», то есть обещаешь ли служить ему? Крестным приходится отвечать: «Сочетаваюсь». Священник говорит: «И поклонись ему».

Потом священник совершает благословение воды в купели, так как там тоже могут быть черти: «Да сокрушатся под знаменем образа креста твоего все сопротивные силы». Он трижды дует на воду и трижды крестит ее, затем берет масло (елей), читает молитву, обмакивает в елей палец и мажет им тело младенца со словами: «Помазуется раб божий елеем радовения во имя отца, и сына, и святого духа. Аминь».

Этот древний колдовской обряд, связанный с представлением о целительной силе растительного масла, имеет символическое значение: грудь младенца «помазуется» «во исцеление души и тела», уши — «в слышание веры», руки — чтобы «творить молитву», ноги — чтобы «ходить по стопам заповедей господних» и т. д.

Наступает главная часть обряда крещения. Священник берет раздетого младенца сзади под руки, закрывает свободными пальцами ему ноздри и рот и трижды погружает его в воду, произнося при этом: «Крещается раб божий. Во имя отца, аминь! И сына, аминь! И святого духа, аминь!»

Перепуганный ребенок кричит что есть мочи. Но дело не только в испуге. От внезапного охлаждения тела у него происходит нервный шок. Правда, вода предварительно подогревается до 20—25 градусов, но пока происходят все перечисленные выше долгие манипуля-

ции в холодном помещении, она охлаждается до 18—16 градусов, а в такую воду и не всякий взрослый решится окунуться. Зачастую после такого «купания» у ребенка начинаются припадки, сопровождающиеся судорогами и потерей сознания. Такое заболевание ребенка в народе называют «родимчиком».

Бывало немало случаев, когда при погружении ребенка в купель вода попадала ему в легкие и наступала мгновенная смерть.

Нередки случаи инфекционных заболеваний детей. Ведь в одной и той же купели и даже в одной и той же воде иногда крестят по 8—10 и более младенцев. Воду только доливают, но не меняют. Правило крещения детей в одних купелях было установлено Константинопольским собором в 1276 году, а в России повсеместное распространение этот церковный ритуал получил в середине XV века.

После окунания в воду священник облачает крещаемого в «ризу правды» (распашонку) и надевает ему на шею крестик, который символизирует приобщение новорожденного к церкви.

Далее совершается «таинство» миропомазания младенца другим сортом масла, так называемым «миро». Оно состоит из 33 растительных масел (по числу лет жизни Христа), белого виноградного вина и ароматических веществ. Миропомазание должно означать положение на ребенка магической «печати дара духа святого». Затем священник водит крестного, держащего на руках младенца, вокруг купели, припевая трижды: «Елицы во Христе крестистесь, во Христе облекостесь. Аллилуйя!» (то есть «хвалите господя!»).

Но и это еще не все! Священник кропит младенца «святой» водой, произнося: «Оправдался еси» (в каких грехах — неизвестно. — *В. Р.*), и приступает к пострижению волос. Ножницами он крестообразно выстригает на голове младенца волосы, закатывает их в кусочек воска и передает его крестным, а те бросают в купель. Происходит «гадание»: потонет воск — умрет ребенок, не потонет — будет жить.

Таково содержание обряда крещения, и теперь можно судить о том, в чем состоят вся «благость», вся «мудрость» и вся «красота» его.

* * *

В нашей стране обряд крещения, так же как и другие церковные обряды, в основном давно уже утратил

свое влияние на быт трудящихся. Вместе с тем появилась потребность в воссоздании некоторых так называемых родильных обычаев, существовавших с незапамятных времен в жизни каждого народа, которыми знаменовались рождение детей, установление статуса родителей и фамилии, материнства и отцовства, назначение почетных родителей или воспитанников, а также проведение семейных торжеств по случаю имянаречения ребенка. Понадобилось довольно большое время, прежде чем определились условия и атрибутика современного ритуала имянаречения. Огромную роль здесь сыграли научные труды сотрудников Института этнографии народов СССР, а также социологов и историков, занимающихся проблемами культуры быта.

Ритуал имянаречения сложился в 60-х годах. Впервые он был введен в Ленинграде, а затем стал проводиться во многих других городах, областях, республиках. В Ленинграде был создан и новый тип обрядового учреждения — Дворец «Малютка», всем своим убранством и архитектурой соответствующий своему высокому духовному назначению. В основу ритуала были положены такие обрядовые элементы, как встреча родителей во Дворце их родственниками и друзьями, вручение документов о регистрации ребенка, вручение памятной медали, поздравление горисполкома, чествование родителей, старших в их роде, почетных родителей, исполнение в честь новорожденного гражданина СССР Гимна Советского Союза и величальных песен.

Ритуал имянаречения завоевал прочное место в гражданском быту и теперь устраивается абсолютным большинством семей, в которых рождаются дети.

Но к родильным обычаям относится не только ритуал имянаречения. Появился и обычай торжественной встречи роженицы и новорожденного их ближайшими родственниками в день выписки матери и ребенка из родильного дома. Для этого в родильных домах стали отводить специально оборудованные и обставленные помещения. Таким родильным обычаем достигается очень многое, а главное — выражается забота общества и государства о здоровье и будущем благополучии каждой матери и каждого нового гражданина СССР. Во всех отношениях волнующим является событие, когда в светлом зале родильного дома собираются родственники и друзья семьи, в которой родился ребенок. Они тепло приветствуют и поздравляют его мать и провожают ее домой.

Праздник имянаречения начинают устраивать и в селах. Руководство колхозов и совхозов активно включается в его подготовку и проведение и делает все возможное, чтобы этот день остался в памяти людей на долгие годы. Обычно на селе праздники имянаречения устраиваются весной и осенью.

Церковное венчание и народная свадьба

Церковной «переработке» подверглись и народные свадебные обряды. В них отражались самые яркие проявления жизни народа, его оптимизм, его поэтическое и музыкальное творчество. В комплекс свадебных, или брачных, обрядов входят три основных элемента: сговор (помолвка), венчание и свадьба.

В сговоре главную роль играли сваты и родители жениха и невесты. Они обсуждали условия заключения брака и будущее бытовое устройство молодоженов. Затем происходила встреча жениха и невесты в кругу их родственников — смотрины — и назначались сроки венчания и свадьбы.

У язычников венчание проходило обычно либо весной, либо осенью на лоне природы. Молодежь сопровождала жениха и невесту на луг или лесную поляну, там на них надевали венки из цветов, водили хороводы вокруг березки, украшенной лентами, пели обрядовые песни, устраивали веселые игры *. Обрядовые народные песни, танцы и игры составляли стройное театрализованное действие. Все свадебные персонажи — жених, невеста, сваты, друзья, подружки — хорошо знали свои действия в обряде: что петь, что говорить, кого славить, кого высмеивать.

В доме невесты ее родители встречали жениха и его свиту с почетом, жениха усаживали рядом с невестой,

* Люди, находившиеся на низкой ступени развития, не понимали причин многих явлений природы, в том числе и причины беременности женщины. Они думали, что рождение ребенка зависит от духов и богов. Поскольку эти духи, по их представлениям, жили в деревьях и травах, то новобрачные, желавшие иметь детей, надевали на головы венки из веток и цветов. У наших далеких предков — восточных славян — обряд бракосочетания состоял в том, что жениха и невесту водили вокруг дуба, ели или ракитового куста. Об этом свидетельствует сохранившаяся до сих пор народная пословица: «Обручались, вокруг ракитового куста венчались». В те далекие времена, «защищая» молодую пару от злых духов, старались отогнать их от жениха и невесты с помощью шума, воды, огня, дыма.

одетой в подвенечные наряды. Подружки подходили к невесте, гребнем расчесывали ей волосы и вплетали в них венчик из цветов (позднее стали вплетать тонкую золотую или серебряную нить). Затем покрывали голову невесты фатой, осыпали ее хмелем и раздавали поезжанам (участникам свадебного поезда) ширинки — нарядные полотенца, украшенные вышивками и кружевами. Девушки пели свадебные песни. Эта часть обряда называлась *одеванием невесты*.

С возникновением христианства церковь вторглась и в этот обряд. Отец и мать обязаны были дать свое благословение жениху и невесте специальной иконой, после чего отец невесты брал руку дочери и вкладывал ее в руку жениха. Народное венчание попы заменили церковным.

В результате длительной и настойчивой борьбы против народных свадебных обрядов церковь добилась того, что венчание стало проводиться только в храме, и выработала свой обряд венчания, заменив венки из цветов металлическими, позолоченными венцами, дружек — шаферами, свадебные песни и игры — молитвами и церковными гимнами, а хороводы вокруг березки — вождением жениха и невесты вокруг аналоя с припевом «Исайя, ликуй».

Брачные кольца церковь заимствовала из древнеримских обычаев. В Римской империи было широко распространено кольцевание людей, которое являлось своеобразной «паспортизацией» рабов и полузависимых членов общества. По форме колец и знакам на них можно было установить, кто чей раб и кому принадлежит та или иная женщина. Церковь поучала верующих, что обручальные кольца являются символом нерасторжимости брака: «У кольца да у венца нет конца». В современных условиях ношение брачных колец не обусловливается никакими предписаниями. Они являются традиционным украшением, знаком супружеской любви и верности.

Церковное венчание состоит из двух частей — обручения и непосредственно венчания. При обручении жених и невеста становятся перед аналоем, священник благословляет их крестом, дает в руки зажженные свечи и предлагает обменяться кольцами. Новобрачных благословляют крестом для того, чтобы отогнать от жениха и невесты дьявола или нечистого духа. Во время венчания шаферы держат над головами жениха и невесты венцы, а священник читает молитвы, предлагает молодым выпить из одной чаши освященного вина, разбав-

ленного водой, водит их вокруг аналоя и поучает невесту во всем повиноваться мужу. Обращаясь к жениху и невесте, священник призывает их также помнить, что основа семейного счастья есть страх божий и соблюдение церковных заповедей.

По учению церкви, в «таинстве» брака имеются видимая и невидимая стороны. Видимая в самом обряде венчания, под невидимой подразумевается нисходящая на жениха и невесту через священников «благодать божья».

Церковь никогда не интересовало, любят ли друг друга жених и невеста. Для нее достаточно было формального согласия на брак, который она освящает. Вся церковно-брачная обрядность преследует цель узаконить господство мужа над женой как в семейной, так и в общественной жизни. Религия по существу не признает за женщиной права на любовь, на семейное счастье. Она благословляет закабаление женщины в семье и в быту, объявляет ее неспособной к общественной деятельности, оскорбляет ее человеческое достоинство.

Церковь возводит на женщину гнусную клевету, объявляя ее повинной во всех грехах рода человеческого. При этом духовенство ссылается на библейскую сказку о том, что будто бы бог сотворил женщину из ребра мужчины в угоду ему.

Чтобы заставить женщину быть покорной и смиренно нести классовый и семейный гнет, ее с детства приучали к мысли, что она ниже мужчины, что ее способности ограничены. До Великой Октябрьской социалистической революции женщина была рабой вдвойне: рабой эксплуататора и рабой мужа.

Религия освящает и благословляет неравенство полов. Проповедники учат, что религия — основа нравственности, что «таинство» брака способствует укреплению семейных отношений, удерживает верующих людей от несправедливого отношения друг к другу. Однако никто не может доказать прочности брака, освященного церковью. Характер брачных и семейных отношений определяется не предписаниями церкви, а общественными условиями.

Религия никогда не способствовала укреплению семьи. Объявив брак «святым таинством», церковь в то же время одобряла брачные сделки, имевшие торгашеский характер. Художник В. В. Пукирев в картине «Неравный брак» разоблачал христианскую мораль, оправдывающую куплю-продажу женщины. Мы видим невесту — молодую, красивую девушку в белом пышном под-

венечном платье, которая стоит, склонив голову под фатой. В ее глазах, опухших от слез, застыло выражение горя, страдания и страха. Причину такого состояния невесты понять нетрудно, стоит только взглянуть на того, с кем соединяет ее представитель бога на земле в «единую душу и плоть». Жених этой цветущей девушки — дряхлый, морщинистый, тщательно напозаженный лысый старик, затянутый в щеголеватый фрак. Его лицо больше похоже на желтую неподвижную маску. Взгляд холодный и надменный. Подчеркнуто прямая и сухая фигура выдает в нем человека черствого и жестокого. Почему же он оказался женихом этой девушки? Звезда на фраке и орден на старческой шее подсказывают, что жених — важный сановник, он попросту купил себе невесту, которая пошла на это, как видно, не по собственной воле, а по принуждению родителей, желающих обеспечить ей, да и себе, безбедное существование.

Церковный брак был выражением общественных отношений феодального и буржуазного строя. Церковь сумела обставить его всеми имевшимися в ее распоряжении художественными средствами. Пышное убранство храмов, свечи, венцы, арии и хоры — все это безусловно придавало обряду торжественный и таинственный, почти мистический характер, но браки эти отражали идеологию и психологию эксплуататорского общества. Церковь освящала силой своей «благодати» богатство, роскошь, власть имущего меньшинства над бесправным, нищим и убогим эксплуатируемым большинством.

Иногда рассуждают о том, что венчание в церкви было, дескать, красивым представлением. Для кого как! Княжеское или купеческое венчание действительно проходило пышно, помпезно, а крестьянское или рабочее носило весьма скромный, иногда жалкий характер.

Но если обряд венчания в старой России был полностью церковным, то в широких массах сама свадьба оставалась народной, и духовенство было бессильно что-либо сделать для того, чтобы искоренить ее народный дух и жизнеутверждающие мотивы.

В конце XIX и начале XX века в России существовали три канона русской свадьбы: северная, среднерусская и восточная (сибирская). Наибольшее распространение имела среднерусская, в ней отразились традиционные черты общеславянской свадьбы. По своим обрядовым действиям и песенно-танцевальному строю она имела сходство с белорусской, украинской, сербской и болгарской свадьбами.

С развитием капитализма в России, с усилением классового расслоения крестьянства свадебный обряд все в большей степени утрачивал общенародные, демократические черты; на первый план выдвигались его церковная и классовая стороны, он стал более тяжеловесным и напряженным.

Сравнительное изучение свадебных обрядов русского, украинского и белорусского народов подтверждает их общую древнерусскую основу — ряд обычаев, связанных со сватовством, обручением и самой свадьбой (выкуп, каравай, свадебный поезд, проводы невесты, расплетение косы, брачная постель, обрядовая пища). Общая основа свадебного обряда трех братских народов сложилась в то время, когда все восточные славяне имели один и тот же уровень и характер жизни. Именно тогда возникли такие элементы обряда, как сватовство, сговор, и такие обычаи, относящиеся к поведению невесты в период ее подготовки к свадьбе, как расплетение и расчесывание косы, ношение кики (головной убор), покрытие невесты фатой, осыпание ее хмелем.

Традиционная русская народная свадьба строилась на основе определенных отношений между членами сельской общины или патриархальной семьи. В такой семье существовало следующее старшинство: по мужской линии — тесть или свекор, зятья, свояки, шурины; по женской линии — теща, свекровь, снохи, невестки, золовки, свояченицы. Все эти категории семейственности играли важную роль в построении свадебного обряда.

В общинной патриархальной крестьянской семье существовал строгий порядок выделения или приема новых ее членов при заключении браков. Обычно сыновья с семьями оставались при отце и жили под его главенством одним хозяйством. Если совместная жизнь разлаживалась, то совершался раздел, и некоторые сыновья с семьями выделялись в отдельные хозяйства или дома.

Старшие дочери выходили замуж по очереди, по старшинству, после чего жили в семье мужа, а младшие, которых еще не сосватали, считались «на выданье». Им полагалось приданое (постельные принадлежности, новые лапти, онучи, поневы, посуда и прочая домашняя утварь, а также холсты и дерюги).

Иногда зятья принимали в дом тестя, если у того были одни дочери и поэтому требовался работник, преемник отца. Такого зятя называли «приймак» или «приймака».

Современная советская семья существует в совершенно новых социально-экономических условиях, поэтому ее структурную основу составляют муж, жена и их дети, а не тесть или теща — владельцы движимого и недвижимого имущества, как это было когда-то. Патриархальная система родственных отношений навсегда утратила свое влияние и значение.

Старый (дореволюционный) свадебный обряд состоял из трех основных циклов: предсвадебного, свадебного и послесвадебного. Первый цикл включал сватовство, осмотр дома жениха, рукобитье, богомолье, девишник и мальчишник, обрядовое мытье жениха и невесты в бане или в печке (перед свадьбой). Второй цикл — сбор свадебного поезда, приезд жениха за невестой, венчание, встреча молодых в доме родителей, привоз приданого, обряды после первой брачной ночи и т. п. Центральное место здесь занимал свадебный пир.

К третьему, заключительному циклу относились «отводины» — визиты молодых к ближайшим родственникам.

Каждый из основных элементов свадьбы в свою очередь складывался из различных обрядовых действий, имеющих множество местных вариантов. Например, обряды, связанные с девишником, включали в себя украшение елки или березки, прощание невесты с «красой».

На свадебном пиру и на отводинах обязательно были раженье.

С тех давних пор в свадебном обряде произошли значительные изменения, особенно в наше, советское время. Отдельные его элементы или совсем исчезли или заменились новыми. В сельской местности сохранилось сватовство, но оно теперь носит совершенно иной характер. Раньше сватовство было своеобразной разведкой со стороны родственников жениха. Нередко, прежде чем сделать окончательный выбор, сватов засылали сразу к нескольким девушкам. Родители невесты также присматривали своей дочери «подходящую партию». Если сватовство проходило удачно, они давали жениху «заклад» (какую-нибудь ценную вещь), который при нарушении ими брачного соглашения не возвращался.

В наше время о закладах не может быть и речи, так как сватовство происходит лишь после того, как молодые договорятся между собой о браке. Свататься к невесте теперь приходит сам жених в сопровождении родителей или родственников, поэтому необходимость в сватах отпала.

При сватовстве решаются различные хозяйственные и организационные вопросы, стороны договариваются о дне и месте проведения свадьбы, о том, сколько будет приглашено гостей, где и на какие средства будут жить молодожены и т. п.

В прошлом приданое включало кроме одежды, постели, холстов значительную сумму денег. За невесту просили ригу, конюшню, лошадь, телку или деньги от их продажи. Теперь приданое невесты состоит преимущественно из ее личных вещей и постельных принадлежностей. В последние годы в состав приданого включают такие вещи, как шифоньер, швейная машина, радиолы, телевизор и т. п. В некоторых местах накануне свадьбы дом жениха стали убирать занавесками, скатертями, полотенцами и прочими вещами, изготовленными руками невесты.

Приданое не имеет серьезного экономического значения в тех случаях, когда девушка не может приобрести его; это не является препятствием к заключению брака.

В старину приданое выставлялось напоказ, всякий мог прийти и осмотреть его. В этом вопросе для молодых людей и особенно для родителей было очень важным мнение односельчан, чтобы все было «как у людей», чтобы «люди не осудили». Этот обычай также утратил свое значение, однако в некоторых деревнях еще сохранился обряд «глядения дома жениха» родителями невесты и самой невестой. В прошлом гости придирчиво осматривали хозяйство. Теперь обряд этот носит лишь символический, традиционный характер.

Совершенно исчезли такие обряды, как, например, богомолье, когда в доме невесты через несколько дней после сватовства собирались ее родные и самые близкие родственники жениха. Они окончательно договаривались о свадьбе, а затем все становилось перед иконами и молились богу. После богомолья невеста никуда не ходила, сидела дома и шила с подружками приданое. Девушки при этом исполняли свадебные песни.

Жених приходил к невесте «на побывашки», приносил гостинцы. Сейчас «побывашки» не устраивают, а когда-то они способствовали более близкому знакомству молодых людей, которые, случалось, раньше даже не видели друг друга.

В наше время свадьбе предшествует более или менее длительная дружба молодых людей. После сватовства они по-прежнему встречаются, жених может быть так-

же и в доме невесты, но эти посещения уже не носят обрядового характера.

Накануне свадьбы у невесты устраивался девишник, а у жениха — мальчишник. Девушки приносили в дом невесты украшенную елочку, символизирующую девичество. Невеста как бы прощалась со своей «девичьей красой» и дарила сестрам и близким подругам ленты из своей косы. Подруги исполняли свадебные девичьи песни.

В прошлом смысл девишника и мальчишника заключался в прощании с беззаботной молодостью. Ведь после свадьбы весь образ жизни молодых людей, и особенно девушек, вступающих в чужую семью, менялся коренным образом, так как молодая жена становилась работницей и служанкой мужа, а также членом его рода и семьи. Нынче значительных морально-бытовых различий в жизни холостой и женатой молодежи почти не существует. Поэтому от старых обрядов остались лишь некоторые их символы, например обычай украшать «красу» — елку или березку в местах проведения свадьбы.

Однако самой свадьбе в колхозных селах придается, как и прежде, большое значение. На селе заключение браков считается завершенным лишь после того, как сыграна свадьба. Поэтому регистрацию брака в загсе и свадебное гулянье стараются устроить в один день.

В наше время народный свадебный обряд имеет веселый, игровой характер, но он содержит много действий, уходящих своими корнями в далекую старину. Среди них — «выкуп приданого» и места около невесты, преграждение пути молодым, одаривание невесты, подметание пола, хождение невесты за водой после первой брачной ночи. Все это превратилось в веселую забаву.

Особенно устойчивыми оказались фольклорные элементы старого свадебного обряда, которые до сих пор используются на селе. К ним относятся «величания», «щедринки», качание молодых, обсыпание их зерном, битье горшков и т. п. Первоначальный магический смысл этих обрядов давно забыт, и они воспринимаются как традиционные свадебные развлечения.

А теперь посмотрим, как выглядела старинная среднерусская крестьянская свадьба *.

В царское время отдавали замуж и женили в большинстве случаев по воле родителей, а не по любви.

* Литературная запись З. С. Ржевской, сделанная в 1967 году со слов Орины Максимовны Любимовой и Матрены Тимофеевны Старовой, жительниц села Архангельского Чистопольского района Казанской области.

Стремились найти богатую невесту или богатого жениха. За непослушание родителей девушку или парня били вожжами. Обязательным был обычай сватовства.

Сваты (обычно крестная мать и крестный отец жениха) надевают полушубки, обязательно подпоясывают новые кушаки и идут в дом предполагаемой невесты. Заходят, садятся под матицу (основная балка, держащая потолок избы) — он с одной стороны, она с другой — и начинают разговор: «Сватушка, свахынька, мы пришли вашу дочку посватать, прислал нас Иван Васильевич, велел вам кланяться, но не велел вам чваниться. У нас есть петушок, а у вас есть курочка, нельзя ли их загнать в один хлевушок?»

Родители невесты отвечают: «Ну, это дело хорошее, но нам надо посоветоваться, невеста пойдет ли?» (В отношении «совета с невестой» — это просто обычай, а решали вопрос — отдать замуж дочь или нет — родители.) Если невеста «согласна», родители ее сообщают об этом сватам, и обе стороны собирают близких родных жениха и невесты.

Собравшись вместе, гости и родители садятся за стол, чтобы договориться о свадьбе («запивают» невесту). Жениха сажают в передний угол.

К невесте приходят подружки, они находятся в другом помещении.

Первую рюмку вина или водки подают отцу невесты, а девушки поют за стенкой протяжную песню:

А тятенька пей, свет-Татьяну не пропей...

Потом подносят вино матери невесты. Поют то же самое. Затем невеста выходит из чулана или кухни, дарит жениху вышитый платок и снова уходит к подружкам. После этого сваха берет жениха за руку и ведет его к невесте. Девушки поют:

Не ясен сокол к окошку подлетал,
Он садился на окошечко,
На ту золоту причелинку,
На серебряну прибоинку,
Прибоинка подгибается,
Никто в доме не доганется.
Догадалась, да обозрилась
Свет Татьянина-та матушка:
Ты, дите ли, мое дитяtko,
Ты, дите ли, чадо милое,
Приголубь-ка ясна сокола к себе,
Ясна сокола залетного,
Добра молодца приезжего...

Гости веселятся. А подружки невесты провожают жениха домой с «голубем» (подарок невесты, означающий ее согласие выйти замуж). С ними идут сват и сватья. По дороге к дому жениха девушки запевают:

Уж ты голубь, ты мой голубь,
Голубь сизенький, сизокрыленький,
Ты куда, голубь, летал,
Куда, сизый, полетел?
Был у душечки у Танюшечки,
Таню дома не застал,
На крылечке простоял,
На крылечке простоял,
За колечко продержал,
Да за тое, за витое,
За серебряное...

В доме жениха для гостей выставляется угощение. В этот же вечер девушки вместе с женихом возвращаются в дом к невесте. Родственники расходятся, а парни и девушки начинают веселиться.

Но вот «запивание» невесты заканчивается, и она провожает жениха до ворот.

Со следующего вечера девушки и парни с женихом ежедневно, до дня свадьбы, собираются в доме невесты. Девушки готовят невесте приданое, вяжут, шьют, поют свадебные песни.

Ах, яблонька, яблонька, яблоня кудрявая,
Мы садили ее, поливали ее,
Сажали, поливали, берегли,
Ни плодов, ни садовых яблочков.
Мы хотим тебя, Татьяна, во чужи люди отдать,
Во чужи люди отдать, во незнамые,
Ко Ивану на руки, к Васильевичу на век.
Вы понежите ее, полелеяли,
Как мы ее нежили, как ее лелеяли,
Не давали на нее ветру вянути,
Ветру вянути, дождю капнути...

Девушки ночуют в доме невесты. Невеста каждый вечер провожает жениха до ворот.

Накануне дня свадьбы девушки наряжают в доме невесты «красу» (елку или березку), празднично одеваются, берут «красу» и с песнями идут к жениху, а невеста остается дома.

В доме жениха девушек угощают, и они берут у жениха веник — парить невесту, а ему дают ее веник. И у невесты, и у жениха в этот день топят баню, чтобы они были чистыми перед венцом. Девушки приносят «красу» обратно в дом невесты и ставят на стол.

Родственники жениха в этот день готовят столы к ве-

черу. Дружка и полудружка (друзья жениха) запрягают лошадей, украшают упряжь лентами, вышитыми полотенцами, подвешивают к дуге колокольчики и едут созывать гостей, а в доме невесты в это время собираются ее родственники и подруги. Невеста сидит за столом под «красой» и «плачет», девушки же поют песню:

Уж вы сборы ли сборы свет-Татьянины,
Большие сборы Тимофеевны.
Собирала подружек за свой стол,
Сажала подружек высоко,
Сажала высоко, а сама садилась выше всех,
Склонила голову ниже всех.
Уж вы, девушки, подружки, придумайте,
Пригадайте, придумайте, пригадайте,
Как мне в чужих людях жить,
Как назвать мне лютого свекора.
Свекром назвать — осердится,
Батюшкой назвать — не хочется.
Убавлю я спеси, гордости,
Назову я свекра батюшкой,
Лютую свекровь — да матушкой,
Большого я деверя — братилкой,
Большую золовку — сестрицей,
Большую невестку — подружкою.

Вечером в доме невесты собираются гости. Девушки из рода жениха стоят вокруг накрытых столов, поют. Дружка и полудружка должны выкупить столы. Они дают деньги, и девушки из-за столов уходят. Жениха сажают в передний угол, и гости рассаживаются за столы. Невеста в это время находится в чулане или на кухне. Тут встает сваха и кричит: «Сватушка, свахынька, нашего ясного сокола посмотрите, свою белую лебедушку покажите!»

Какая-нибудь женщина, наряженная как можно безобразнее, выходит из чулана вместо невесты. Гости жениха стоят за столами, смотрят и кричат: «Нет, нет! Это не наша невеста, мы такую не сватали!»

Ряженая уходит. Тогда из чулана выходит крестная невесты, за ней — невеста. Она кланяется на три стороны и уходит обратно в чулан. Гости кричат: «Вот это наша!»

Крестная невесты, поздоровавшись с гостями, тоже уходит в чулан. Гости выпивают, закусывают. Жених требует тарелку и начинает «одаривать» всех близких родных: на тарелку ставят рюмку с вином, полудружка держит тарелку, а дружка подает вино тому, кого «одаривает» жених. Потом гости кладут на тарелку подарок и кричат: «Дайте нам сюда невесту!» Невеста выходит,

и дружка подает ей рюмку с вином, но она вырывает тарелку с подарком, а вино не принимает и уходит обратно в чулан.

Затем сваха берет бутылку вина и приглашает жениха к невесте. У него в руках тарелка, на ней деньги. Девушки поют:

Ты, сине-то море, не мутися,
Ты, бела-то рыба, не мечися,
Уж ты, Татьянаушка, догадайся,
Что Иван-то идет со чарою,
А Васильевич идет с золотою.
Уж ты жива-то ему в руки не давайся:
Он хочет тебя обманути,
Зеленым-то вином опоити,
А золотой казной одарити,
За себя-то замуж хочет взятьи.

Затем жениху и невесте девушки поют величальную песню:

По Казанской славной улице
Шел ко девице удалый молодец.
Часто к девице припадает,
Из ума ее выведывает:
«Неужели ты теперича моя?»
«Я теперя, сударь, батюшкина,
По прозванью, сударь, матушкина.
Уж я свахами-то сватанная».
Сваха сватала — хвастала,
За чужу душу божилася:
«Он не вор-то, не пьяница,
Не зайдет он во питейный дом,
Не пропьет свою боярыню Татьянушку.
Хоть пропьет он ее — выкупит,
Не рублями, не полтинами —
Золотыми только гривнами».

Одна из девушек говорит: «С песней тебя, Иван Васильевич». Жених дает девушкам деньги.

Девушки продолжают петь:

У Ивана-то кудерюшки русые,
Не сами они вились,
Завивала их матушка, на коленях держучи,
На коленях держучи, говорячи:
«Поедешь ты к тестю в дом —
Не пушай ты коня по двору,
А отдай ты коня конюхам,
А взойдешь ты в нову горенку —
Не клади ты плетъ на скамью.
Не клади плетъ на скамью,
А повесь плетъ на стену.
Ты не много богу молился,
Ты не низко тестю кланяйся,
А пониже ты тещеньке,

Взойдешь за занавесочку,
Ты узнай судьбу верную:
Хорошо ль она снаряжена,
За кедровый стол посажена,
И пред ней-то стакан вина налито?»

«С песней тебя, Иван Васильевич...» Жених снова дает девушкам деньги. После этого они провожают его домой, невеста остается в чулане, а гости продолжают веселиться.

Но вот предсвадебный вечер заканчивается, и гости расходятся.

Утром сваха жениха с друзьями везут невесте фату. Войдя в ее дом, сваха говорит: «Сват и свахонька, примите цветное платьице, нарядите свое чадо милое под злат венец», — и уезжает.

Мать, отец, крестная и крестный благословляют невесту иконой и хлебом-солью.

В это время друзья жениха украшают лошадей и повозку, в которую садятся жених и сват с иконой в руках. Остальные рассаживаются по другим повозкам, и все направляются к дому невесты. Впереди едут дружка и полудружка.

Гости и родственники невесты сидят за столами. Жених и его свита входят в дом. Их гостеприимно встречают, угощают вином. Дружка кричит: «Сватушка, свахонька! Как голубь без голубки гнезда не вьет, так наш князь без княгини на место не садится!»

Девушки поют:

Уж я не знала-то, не ведала,
Ко мне свахонька приехала,
Что кака она спесивая,
Что как горда, ломливая.

Сваха заходит в чулан — «выкупать» косу невесты. Коса намотана невесте на руку, и сначала сваха старается ее «отнять». Косу обычно «продает» младшая сестра невесты. Сваха платит ей деньги. После этого невесту (она под фатой) выводят из чулана и усаживают рядом с женихом в передний угол дома, где висят иконы.

Девушки поют:

Не трубонька трубила рано по заре,
А Татьяна всплакнула по русой косе:
Коса ль моя, косынька, русая коса!
Вечор мою косыньку девушки плели,
По утру ранехонько матушка плела,
Приехала свахонька немилостивая,
Стала мою косыньку рвать, порывать,
Рвать, порывать и надвое делить...

Тем временем подруги расплетают и расчесывают косу невесты. Сваха просит тарелку, на которую кладет ленту из косы, кусочек хлеба и деньги, и подает тарелку сестренке невесты. Затем жениха и невесту выводят на благословение. Дружка говорит: «Сватушка, свахонька, благословите своих чад милых под злат венец». Отец и мать невесты благословляют их иконой, и жениха с невестой выводят во двор.

В это время во дворе дружка, полудружка и «бояры» (почетные гости) «выкупают» у девушек — подруг невесты — ее приданое (перину, сундук). Дружка платит деньги (после чего приданое укладывают в повозку), затем три раза с иконой обходит вокруг своей лошади с повозкой и кричит: «Бояры, бояры, садитесь в сани, кто хочет ехать с нами! Кто не хочет ехать с нами, отдаляйтесь далее!»

Девушки усаживают невесту в одну повозку, а жених, его сваты и друзья садятся в другую. Родственники и гости также рассаживаются по повозкам, и свадебный поезд следует в церковь. По дороге девушки поют:

Унесла-то, улелеяла,
Что родимую дочь от матери.
Оставляю я тебя, мамонька,
На крутом-то, крутом берегу,
На горячем-то камешке.

С половины дороги, по обычаю, дружки возвращаются обратно в дом невесты, заезжают снова во двор, заходят в дом и говорят: «Свахонька, сватушка, благословите, ваши дети едут под злат венец, под суд божий», — снова выезжают со двора, догоняют свадебный поезд и до церкви едут впереди его. В церковь они не заходят — охраняют приданое невесты.

Из церкви молодые едут к жениху, там их встречают и благословляют иконами его отец и мать. Затем начинается свадебное застолье.

На следующий день гости молодого мужа собираются снова и идут в дом его жены «ряжеными». Жених же с дружкой запрягают лошадь, берут ведро с взварцем (пивом), покрывают его полотенцем и тоже едут к теще — на блины. Теща встречает зятя и гостей, ставит на стол горшок с маслом, блины, жареного поросенка, яичницу, а в середину яичницы кладет рубль. Зять съедает яичницу, а рубль прячет в карман. Ряженные тоже сидят за столом, их угощают блинами, а гостям со стороны молодой жены подают взварец.

Когда масло в горшке кончается, теща подходит к зятю и говорит: «Ну, зятек, теперь разреши мне тебе головку помазать». Она мажет волосы зятя маслом, гребнем причесывает, тут же целует его и поздравляет с законным браком. После этого зять берет горшок, поднимает его вверх и кричит: «Папаша и мамаша, благодарю вас за вашу дочку. Какая она у вас была в купели, такая и в постели», — и разбивает горшок об пол. Гости пляшут, бьют горшки, тарелки (заранее для этого приготовленные), шутят, поют песни.

На этом «тещины блины» заканчиваются. Теперь зять приглашает тещу и тестя в гости, тут же ведет их к себе домой, и все опять садятся за стол. Отец и мать зятя берут два стакана, обвязывают их красной лентой, наливают в них вина, ставят на тарелку и подносят отцу и матери невестки со словами: «Сват и свахонька, благодарим покорно за вашу дочку». Те берут стаканы, выпивают вино и трижды целуются с родителями зятя. После этого перед иконой зажигают свечку, все молятся, а потом дружка говорит: «Ну, папаша, мамаша, благословите нас по стаканчику подать». Гости пьют вино и кричат: «Горько!»

В последующие дни молодые обходят поочередно всех близких родственников и принимают их. На все это уходит четыре-пять дней, а затем наступает «медовый месяц».

Такая свадьба была характерна для довольно зажиточных крестьянских семей. У бедняков свадьбы были скромнее, но основные ее черты и порядок проведения оставались примерно одинаковыми.

За годы Советской власти большинство народных обрядов претерпело коренные изменения, а в ряде мест они были забыты совершенно. В дальнейшем, по мере проникновения городской культуры в сельский быт, народная свадьба будет все более видоизменяться и включать в себя новые эстетические приемы и средства — стихи, музыку, песни и т. д.

А пока современная сельская свадьба выглядит следующим образом. Обычно сваты идут в дом невесты вечером. Подойдя к дому, они стучат в окно или в дверь и просят впустить их. Как и раньше, сваты приходят в дом под видом заблудившихся странников, или охотников, или купцов, прослышавших о продаже в этом доме «телочки», или просто входят в дом и говорят: «Мы сваты, не сваты, а хорошие люди, а вы примите от Владимира (Сергея, Петра) хлеб-соль».

В начале разговора жених остается за дверью и только позднее входит в дом. Соблюдая старинный ритуал, сваты прежде всего спрашивают согласие у родителей невесты, а те в свою очередь — у жениха и невесты. В знак согласия невеста разрезает принесенный сватами хлеб пополам или на четыре части — вдоль и поперек, после чего жених с невестой уходят в другую комнату. Сваты тем временем начинают деловой разговор — о дне свадьбы, о том, сколько гостей будет со стороны жениха и невесты.

Во время сватовства или сразу после него определяются руководители (распорядители): дружка, его помощник — полудружка и две свахи. Главным на свадьбе является дружка. Он избирается из женатых мужчин, хорошо знающих свадебные обычаи, и должен быть человеком веселым, расторопным, способным управлять торжеством. От его способностей и поведения зависит весь ход свадьбы. Он угощает гостей, следит, чтобы все было довольны.

Свахи (обычно их две) выбираются родителями жениха и невесты из своих замужних родственниц или соседок. Одна сваха — представительница родни жениха, другая — невесты. Это речистые, сметливые женщины, хорошо знающие свое дело. Они одевают невесту в день свадебного пира, отвозят ее приданое в дом жениха, угощают гостей, принимают подарки.

Из подруг невесты избирается старшая дружка. Она находится с невестой во время всех свадебных церемоний: ходит с ней приглашать гостей, помогает ее одевать в день свадьбы. Подобную же роль при женихе играет старший дружка, избираемый из среды его неженатых товарищей.

Специальными обрядами сопровождается приглашение гостей на свадьбу. По обычаю невеста отправляется приглашать гостей в свадебном наряде, при этом она кланяется всем прохожим, а гостям, которых приглашает, кланяется три раза.

Вечером накануне свадьбы в доме невесты собираются ее подруги — на девичник, который сопровождается песнями, шутливыми частушками. Парни собираются в доме жениха, там ужинают и потом вместе с женихом идут к невесте. Они приносят с собой сласти — конфеты, орехи, печенье — и угощают девушек. Наряду с современными песнями девушки поют старинные обрядовые песни и обязательно «обыгрывают», то есть величают,

сначала жениха и невесту, а потом и всех остальных. Когда песня кончается, старшая дружка подходит к обыгрываемому, и тот кладет на тарелку сколько-нибудь денег. Собранные деньги старшая дружка делит между всеми девушками. Поздним вечером девишник завершается угощением, и все расходятся.

Рано утром в день свадьбы к невесте опять сходятся подруги. Сваха и старшая дружка (или специально приглашенная женщина) наряжают невесту, поют различные песни.

А в это время в доме жениха идут последние приготовления к поездке за невестой. К жениху сходятся его товарищи, которые вместе с дружкой и свахой составляют свадебный поезд. Обычно за невестой едут на автомашинах, украшенных лентами, зеленью, цветами, а на бортах машины на полотнищах написаны фамилии молодых.

Во дворе невесты свадебный поезд жениха встречают подростки (родственники и соседи невесты), вооруженные метлами, палками, ведрами. Они охраняют закрытые ворота, чтобы не пустить жениха к невесте без «выкупа». Ворота открывают только после того, как дружка даст «выкуп».

Как правило, «выкуп» у ворот превращается в веселую церемонию, сопровождаемую шутками и прибаутками. Получив «выкуп», «охрана» открывает ворота и пропускает во двор свадебный поезд жениха. Дружка идет в дом «выкупать» стол и косу невесты. Стол «продает» старшая дружка, она долго торгуется, хотя сумма известна заранее; косу «продает» мальчик — родственник невесты, он получает конфеты и пряники. После «выкупа» стола и косы дружка вводит жениха в дом и усаживает его за стол рядом с невестой. Вместе с ним за стол садятся и все сопровождающие его, а также гости со стороны невесты, и веселье продолжается.

Важный момент свадебного пира — одаривание молодых.

Неотъемлемой частью свадебного обряда является перевоз приданого невесты к жениху. При приезде в дом жениха свадебный пир возобновляется. Как и у невесты, здесь подается угощение, присутствующие поют, пляшут, одаривают молодых.

Свадебным пиром в доме жениха заканчивается первый день свадьбы, но гулянья на этом не завершаются. Утром следующего дня в домах родителей жениха и невесты опять собираются гости. После завтрака молодые

едут к родителям невесты. Их сопровождают родственники и соседи молодоженов. Многие участники процессии надевают яркие костюмы, а один из переодетых обязательно изображает «врача», который всегда готов оказать «первую помощь», то есть угостить вином.

Современная сельская свадьба (начало ее, как правило, приурочено к субботе) обычно длится два, реже три дня.

Народные традиции, в частности различные обычаи и обряды, привлекают внимание широкой советской общественности и особенно молодежи. Многие из старого переосмысливаются, наполняются новым содержанием и начинает жить заново в нашем современном быту; полностью отбрасывается то, что противоречит идеологии советских людей, являясь наследием тяжелого прошлого, и унижает человеческую личность и ее достоинство. Требуется активное вмешательство нашей общественности, с тем чтобы создавать красивые современные свадебные обряды, отвечающие интересам и потребностям всех слоев населения.

В этом деле необходимо проявлять большой такт, при этом прежде всего надо исходить из интересов и вкусов молодежи. На первое место в браке мы должны ставить не внешние, показные средства его оформления, а любовь и дружбу между супругами и те высокие нравственные принципы, которые характерны для нашего социалистического строя жизни.

Да, нам нужен свадебный обряд — красивый, мудрый и стройный, как хорошо разработанная коллективная театрализованная игра, при которой каждый коллектив мог бы избрать для себя наиболее подходящие обрядовые элементы, творчески используя их и обогащая. Поэтому должны быть у нас свадьбы и колхозные, и студенческие, и шахтерские, и другие.

В наше время все больше стираются грани между уровнями жизни в городе и в деревне. Современная сельская молодежь фактически ничем не отличается от городской молодежи — ни своими взглядами на жизнь, ни одеждой, ни песнями или танцами. Несмотря на то что в деревне еще многое сохранилось от старых крестьянских традиций и обычаев, сельскую молодежь уже нельзя заставить жить по ним. Однако, как показывает опыт, многое из этих обычаев она воспринимает с удовольствием, и прежде всего — их художественные ценности:

мелодии, ритмы, уборы, наряды и костюмы, а также веселые свадебные игры.

Советская общественность должна проводить большую разъяснительную работу о значении и пользе тех или иных традиций. Необходимо решительно искоренить чуждые, вредные нам обычаи и самые вредные из них — патриархально-религиозные, питейные, националистические, заимствованные из буржуазно-мещанских укладов прошлого. Наша молодежь не нуждается в религиозных и питейных «допингах», поэтому надо искать новые обрядовые формы — разумные, современные, красивые.

Молодые люди горячо стремятся к тому, чтобы события личной жизни каждого советского человека были проникнуты высокими чувствами, торжественностью. Возникают новые оригинальные планы и сценарии проведения свадьбы. Вот как, например, поступила молодежь одной из деревень Владимирской области.

Приглашение на свадьбу было оформлено фотоспособом. В овалах — портреты жениха и невесты, далее — текст: «Приглашаем на свадебный вечер». Были в приглашении и афоризмы, такие, как: «Дороги в тысячи миль начинаются с первого шага».

Торжество проводилось в доме родителей невесты. На свадьбу приехали родственники и друзья молодоженов. Среди друзей жениха на свадьбе были студенты разных национальностей из разных республик, что придавало ей интернациональный характер.

Свадьба больших затрат не потребовала, потому что в данном случае отступили от обычая устраивать «пир на весь мир» и загромождать столы обилием вин и яств.

Были сладости, чай, мороженое, было и вино для тех, кому хотелось выпить. Но основное действие развернулось не за столом, а в просторной светлой горнице, где гости (некоторые в национальных костюмах) пели, танцевали, читали стихи на родных языках, играли в веселые игры. Все это произвело неизгладимое впечатление даже на стариков.

Более широкая постановка вопроса о проведении как молодежных, так и «серебряных» и «золотых» свадеб, получила свое практическое решение в организации таких учреждений, как Дома свадебных и юбилейных торжеств. Опыт общественности по созданию новых гражданских обрядов позволил создать на этой базе и совершенно новый тип свадебных торжеств, которые постоянно обогащаются все более совершенными элементами, И главное в них то, что питейные и прочие обычаи устра-

няются и замещаются игровыми действиями, получившими у молодежи полное признание.

Воссоздание сельской свадьбы на современный лад, как мы могли убедиться из ранее сказанного, не представляло особой сложности, так как основу ее составили народные традиции. Иное дело — городская свадьба. Здесь предстояло все создавать заново и прежде всего — сам ритуал регистрации брака, а затем искать пути разработки свадебного обряда, соответствующего запросам и потребностям различных социальных слоев городского населения. Решать эту проблему начали одновременно в разных республиках нашей страны, и уже к началу 60-х годов сложились своеобразные брачные ритуалы в Латвии, Эстонии, в ряде городов Украины и РСФСР. Их опыт обобщался и совершенствовался, пока не сложился более или менее единообразный ритуал, принятый в качестве государственного торжественного акта регистрации браков, проводимой на базе загсов, Домов и Дворцов культуры, а затем и в специализированных Домах и Дворцах бракосочетания.

Первым таким учреждением стал Дворец бракосочетания в Ленинграде на набережной Красного Флота. Используя прекрасную архитектуру и скульптурное убранство старинного особняка, ленинградские художники и архитекторы при участии широкой общественности создали совершенно оригинальный обрядовый комплекс, в котором всё — от подъезда до ритуального зала — соответствовало своему назначению. Беломраморные холлы и лестницы, хрустальные люстры и огромные зеркала, настенные бра, огромный ковер в центре ритуального зала, светлые уютные гостиные создавали праздничное настроение, а продуманный подбор музыкальных записей и высокий стиль ритуального текста, произносимого ведущими обряда, не оставляли никого равнодушным. Обряд был принят, одобрен и прочно вошел в жизнь и быт ленинградцев.

Минуло более двух десятилетий с момента открытия первого Дворца бракосочетания, и теперь в каждом крупном городе есть свой Дворец бракосочетания. Иногда его называют Дворцом счастья, иногда Домом гражданских церемоний.

Церемония бракосочетания довольно короткая по времени, и границы этого времени не могут быть произвольно расширены. В этом особенность ритуала, его психологические и эстетические нормативы. Поэтому всякие попытки превратить ритуал в бесконечное пред-

ставление не могут быть оправданы и не будут иметь успеха. Здесь следует искать наиболее совершенные способы его художественного воплощения, наилучший метод театрализации ритуального действия, чем и занимаются коллективы Дворцов бракосочетания.

Многого добились в этом направлении обрядотворческие организации Украины, включившие в данный ритуал целый ряд действий, символизирующих образ Родины и созидательного труда народа. Особенно украшают ритуал бракосочетания хоровое и инструментальное исполнение гимнов и посвящений новобрачным, а также использование разного рода атрибутов и символов народной свадьбы — вышитых полотенец, свадебных уборов и нарядов. С появлением свадебных автомобилей стало возможным широкое введение в ритуал таких элементов бракосочетания, как возложение новобрачными цветов к памятникам и мемориалам В. И. Ленина, героев революции и Великой Отечественной войны.

Создание торжественного ритуала бракосочетания явилось лишь началом разработки свадебного обряда. Свадебные застолья, которые проводились в кафе или ресторанах, естественно, не удовлетворяли запросы ленинградской молодежи. В них преобладали «питейные» традиции и отсутствовали какие бы то ни было традиционные обрядовые действия, веселье и красивая свадебная игра. Попытки использования старых народных патриархальных канонов народной свадьбы также не могли принести успеха. Необходимо поэтому было создать современный, социалистический свадебный обряд не на один день, а на многие годы. Этим и занялись научные сотрудники Музея этнографии народов СССР. Ими были разработаны рекомендации по проведению нового обряда, в которых нашли свое отражение некоторые фольклорные, музыкальные и художественные элементы народных свадебных обычаев — песни, поговорки, величания и т. п.

Одновременно возникла необходимость создать условия для проведения свадебных торжеств по-новому. После того как рекомендации были рассмотрены на заседании комиссии по новым гражданским обрядам при Ленгорисполкоме, было решено поручить организацию и проведение свадебных торжеств фирме бытового обслуживания населения «Певские зори». В конце 1976 года на проспекте Мориса Тореза открылся Дом свадебных торжеств, в котором стали проводиться платные свадьбы и юбилейные торжества. Это новшество получило

олобрение молодежи и всей ленинградской общественности.

Давайте мысленно поприсутствуем на одной из свадеб.

...Просторный и уютный зал, в котором собираются гости и все участники свадебного торжества, залит мягким светом люстр и бра. Прямо напротив входных дверей на небольшом возвышении, покрытом ковровой дорожкой, установлены «троны» молодоженов. Вдоль стен в два ряда расставлены невысокие удобные скамейки для гостей. В левом углу — большой изразцовый камин, в правом — место для музыкального ансамбля.

Другие двери приемного зала ведут в соседнее помещение — в зал свадебного застолья, так как вечер состоит из двух основных частей — свадебного представления и застолья. Обрядовое действие ведут опытные масовики (артисты Ленконцерта или эстрады), студенты Института культуры, одетые в традиционные обрядовые наряды и уборы. Им помогают «дружки» в широких ярких расшитых рубахах с поясами. Движения ведущих легки, плавны и свободны, а голоса звучат мягко, распевно и приветливо.

Но вот слышны позывные свадьбы. Входит ведущая, сопровождаемая дружкой. Она весело приветствует гостей:

«Добрый вечер, гости дорогие! Сегодня мы празднуем большую и веселую свадьбу наших дорогих и счастливых друзей — Галины и Николая. Всех прошу разместиться поудобнее, чтобы всем всё было видно и слышно. Давайте договоримся. Как только молодые войдут в зал и я скажу: «Пожелаем молодым», вы все вместе скажете: «Совет да любовь». А теперь я приглашаю молодых на свадебное представление».

Ведущая подает сигнал руководителю музыкального ансамбля. Звучит торжественный полонез, и в зал входят молодожены, сопровождаемые дружкой и родителями. Все приветствуют их аплодисментами и возгласами: «Совет да любовь».

В е д у щ а я :

«Дорогие наши молодожены, с этого порога начинается ваша свадьба.

От наших дедов к нам пришел обычай —
В дом новобрачных приносить огонь,
Чтоб им зажечь приветный и привычный

Очаг семьи — символ любви большой.
И чтоб огонь его дарил тепло
И свет любви, и жизни труд совместной,
Чтоб в доме вашем было всем светло
И жизнь была счастливой, интересной,
Сначала нужно распилить бревно.
Так пусть нам явится оно!»

Ведущая хлопает в ладоши, и ее помощники вносят в зал легкие козлы, тонкое березовое полено и острую пилу. Молодые распиливают полено. Все возгласами подбадривают их.

В е д у щ а я:

«Ну, а теперь вы можете зажечь очаг семейный!
Пусть вспыхнет в нем живительный огонь.
Не боги обжигают нам горшки из глины,
За счастье и любовь в ответе вы вдвоем.
Вам, молодым, очаг хранить отныне!
И пусть огонь любви горит неугасимо,
Как свет в очах, как сердце человека,
Чтоб вы могли отныне и вовеки
Большой огонь разжечь на малом огоньке
И хлеб большой испечь на небольшой муке».

Молодые берут распиленные куски полена и кладут их в электрический камин. В нем «вспыхивают» алые всполохи пламени. Все аплодируют.

В е д у щ а я:

«Счастливый путь вам, молодые!» Ведет их через зал к «тронам», дружки становятся по обе стороны от новобрачных.

«А ты садись-ка, добрый молодец!
Да рядом с милой женошкой своей,
Да так, чтоб боле вам не расставаться
И друг на друга не налюбоваться!
И чтобы жить и жить вам, да не маяться,
А век прожив, о прожитом не каяться.
Так пожелаем вам всем миром вновь:
Совет вам! Счастье! И любви!»

Все скандируют последние слова. По знаку ведущей хор гостей и друзей исполняет здравицу (гимн) молодоженам:

«Слава, слава новобрачным,
Честь и слава молодым,
Жизни светлой и удачной
От души желаем им.
Пусть любовь их окрыляет,
Дружба радует сердца.
Пусть мечта преград не знает,
Счастье будет без конца!»

В е д у щ а я (обращаясь ко всем):

«А теперь мы начнем представление,
Подарков свадебных вручение,
Гостей любезных поздравления,
Друзей и старших наставления!»

Ведущая хлопает в ладоши, и ансамбль играет первые такты увертюры к опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила».

В е д у щ а я: «Дорогие молодожены! Вас пришли поздравить Руслан и Людмила!»

В зал входят Руслан и Людмила в широких ярких накидках. Они останавливаются у «тронов».

Р у с л а н:

«Приветствуем и мы супругов милых
В день свадьбы их, что лишь однажды дан!
Желает счастья вам прекрасная Людмила,
И многих лет желает вам Руслан!»

Л ю д м и л а:

«Находчивой, уступчивой и милой,
Подругой верной ты отныне будь!
Люби его с неугасимой силой,
И вам откроется счастливой жизни путь!
А чтоб исполнились все лучшие мечты,
Примите в дар от нас волшебные цветы!»

Руслан и Людмила приближаются к молодоженам и подают им букет живых цветов, кланяются им и гостям и уходят.

В е д у щ а я:

«Ну, а теперь, супруги молодые,
Пришли сюда к вам близкие, родные,
Поздравить вас, вручить свои дары,
Стать украшеньем свадебной игры!»

Обращаясь к гостям:

«Подарки ваши не кладите вместе.
Цветы вы можете вручить невесте,
Вручить конверты можно жениху,
Ну, а подарки — чудо-сундуку!»

Хлопает в ладоши. Помощники вносят в зал нарядный резной сундук. Ведущая подходит к сундуку, ключом отпирает его, а затем объявляет поочередно гостей, желающих поздравить молодых. Гости вручают им цветы и подарки, читают свои стихи о любви, о дружбе, вручают памятные адреса.

В е д у щ а я:

«Ну, а теперь должны мы все решить,
Кому сей ключ от сундука вручить,

Главе семьи? Кто ж он?
Не ясно нам вполне.
Решить загадку поручите мне».

Запирает сундук ключом и прячет его в карман.

«Не все отгадки нам даются сразу,
Не обратиться ль нам к Бажову сказу?»

В зал входят Катерина и Данила — герои «Малахитовой шкатулки».

Д а н и л а:

«Нет дела всякого без ловкого умения,
И пусть нелегко будет всякий труд,
Зато любые ваши достижения
К заветной цели жизни приведут!»

К а т е р и н а:

«А чтоб в делах побольше было толку,
Дающих людям добрые плоды,
Мы дарим вам уральскую шкатулку,
Храпите в ней награды за труды!»

Подносит шкатулку и памятную медаль. Данила и Катерина кланяются и уходят.

В е д у щ а я:

«Друзья! В любви есть всякие приметы,
И чтобы жизнь была у вас счастливой,
Пришли поведать вам свои «секреты»
Герои пьесы „Укрощение строптивой“».

В зале появляются Катерина и Петруччо — герои пьесы В. Шекспира. Они поют:

П е т р у ч ч о:

«Часто мы, решив жениться,
Выяснять не успеваем:
Нрав тигренка или тигрицы
У той, что в жены выбираем?
Укрощение строптивой —
Ох, нелегкая задача.
Но везет лишь терпеливым,
Терпеливым лишь удача!»

К а т а р и н а:

«Коль грубить он станет милой,
Иль рукой прихватит слишком,
Ты скажи, что хвастать силой
Может тот, кто слаб умишком!

Укрощение строптивой —
Ох, нелегкая задача».

Петруччо и Катарина (вместе):

«Но везет лишь терпеливым,
Терпеливым лишь удача!»

Петруччо:

«Мы, поспоря, не горюем,
Коли истины не видно,
Только долгим поцелуем
Спор окончить не обидно.

Укрощение строптивой —
Ох, нелегкая задача.

Петруччо и Катарина (вместе):

«Но везет лишь терпеливым,
Терпеливым лишь удача!»

Катарина:

«Чтоб еще полней и глубже
Жизнь наполнилась бы ваша,
Символом любви и дружбы
Пусть послужит эта чаша!»

Катарина берет кубок, в который Петруччо наливает шампанское, и подносит молодым. Те отпивают по глотку. Все аплодируют.

Затем молодые приглашают гостей пройти в соседний зал, занять места за свадебным столом и отведать угощений.

Молодые и гости проходят в зал свадебного застолья. Когда все рассаживаются по местам, ведущая говорит:

«Разрешите открыть наше свадебное застолье! Дорогие молодожены! С сегодняшнего дня вы муж и жена, две половины одного целого, одна семья! Первый тост за ваше счастье желает произнести старший в вашей родне, уважаемый Иван Иванович Максимов».

После того как провозглашены тосты, в зал снова входит ведущая и просит внимания гостей.

«Друзья мои! Не быть у нас порядку,
Пока мы не решим ту самую загадку, —
О том, кому отдать и ключик золотой
(показывает ключ от сундука),
Кому из повобрачных быть главой?
И мы о том, наверно, узнаем,
Коль угостим их нашим караваем!»

Хлопает в ладоши. В зал входит каравайница. На красивом подносе она вносит каравай. Ведущая предла-

гает молодым разломить его пополам. Чья половина окажется большей, тот — глава семьи.

Эти действия сопровождаются веселой музыкой. Ключ от семейного благополучия вручается «новоявленному» главе семьи, и вслед за этим обоим супругам предлагается обойти столы, чтобы угостить от своей половины каравай каждого из гостей (поделиться с ними своим «благополучием»). Происходит обряд породнения: гости отламывают от каравая по кусочку и съедают, а затем выходят из-за стола и, встав один напротив другого (родня мужа против родни жены), представляются друг другу, целуются.

Когда молодые возвращаются на свои места, ведущая обращается к ним:

«Живите весело и дружно,
Поспорьте, если это нужно,
Но знайте дело свое тугое,
Что жить нельзя вам друг без друга,
Что вам грустить нельзя нисколько...»

Обращаясь ко всем:

«Друзья! Давайте крикнем: „Горько!“»

Все кричат «Горько!». Молодые и родные целуются.
В е д у щ а я (снова обращаясь ко всем):

«Пусть знают наши молодые
Секреты свадебных затей,
Что часто в гнездышки пустые
Приносят аисты детей;
Иль оставляют их в капусте,
А чаще вносят прямо в дом,
Чтоб ни спокойствия, ни грусти
Не заводилось в доме том.
Чтоб чаще птенчики родились,
Семью приумножая вашу,
Как на Руси всегда водилось,
Должны расхлебывать вы кашу!»

Хлопает в ладоши. В зал входит стряпуха в фартуке и кокошнике. Она подносит молодым глиняный горшок с дымящейся кашей и двумя деревянными ложками, приговаривая: «Что в лесу пенёчков, то вам — сыночков, что на лугах кочек — то вам дочек».

Молодые начинают «расхлебывать» кашу. Дружка ходит, наигрывая на балалайке:

«Хороша ты, кашка,
Да мала ты, чашка!
Гречневая каша —

Любушка ты наша,
Хлебушко ржаной —
Батюшка родной!..»

Некоторое время спустя ведущая снова появляется в зале и объявляет о том, что по поручению всех друзей семьи Виноградовых будет оглашен «указ Гименей». В зал входит, одетый в импровизированную мантию, с бумажной короной на голове «Гименей» (один из друзей новобрачных). Он разворачивает свиток и зачитывает шуточный «указ». Его (примерный) текст гласит:

«Всем честным и веселым участникам свадьбы! С января месяца сего года, осьмого дня, повелеваю считать отрока Николая и девушку Галину мужем и женой, обоюдно согласившихся поменять свою свободную и привольную жизнь на совместную, а посему надлежит принимать оных только совместно, а порознь всерьез не принимать, ибо они вместе есть одно целое и неделимое.

Муж должен любить, холить и лелеять жену, ибо она слаба, быть ей опорой и защитой; ласкою, а не силою убеждать, ибо битие никак не определяет ее сознание.

Жена же да не убоится мужа, а любит его, уважает и почитает, как героя своего. Не злит, не дразнит, а сытно кормит, но в меру, дабы не ожирел, ибо жириый муж к делам государственным и семейным ленив и пассивен.

Пусть отныне все самые крупные проблемы решает муж, а мелкие — жена, и да не будет у вас в жизни ни одной крупной проблемы! А еще желаем вам...» и т. д.

После прочтения «указ» вывешивается на стене.

По знаку ведущей оркестр играет «Свадьбу» композитора А. Бабаджаняна. Все поют. Потом гостей приглашают в другой зал, и начинаются танцы. Первым объявляется вальс для молодых. В перерыве между танцами ведущая объявляет о том, что в гости на свадьбу пришла уважаемая Любовь Амуровна — «доктор любовных наук». Из-за шторы высовывается голова куклы и руки «доктора». Начинается «лекция» о любви. Любовь Амуровна, жестикулируя, изрекает «мудрые» и уморительно веселые «истины» о любви, приводит разные данные о «коэффициентах ее полезности», а также дает «наставления» о том, как избавиться от «сглазу» и «ревности»,

Но вот слышится звон бубенцов и колокольчиков, будто подъезжает лихая тройка. В зале появляется разряженная цыганка с бубном. Она исполняет романс «Ехали на тройке с бубенцами», а затем устраивает шуточное гадание молодоженам с типичными наговорами и присловиями и требует за это от молодых или их гостей «выкупа» (чтения стихов, исполнения песни или танца). И снова продолжаются веселые игры, танцы, разыгрываются призы за скороговорки и т. д.

В заключение свадебного веселья всех участников свадьбы приглашают на просмотр кинофильма. Гаснет свет, и на экране воспроизводится сегодняшняя свадьба. Каждый узнает своих друзей и самого себя. Смех, хохот не утихают. Кинолента в нарядной коробочке вручается молодоженам на память.

Свадебный вечер заканчивается «сладким застольем» — чаепитием у самовара — и проводами молодоженов. Когда молодые уезжают, начинают разъезжаться и гости.

По желанию молодоженов возможны варианты проведения свадебного обряда по более полной или сокращенной программе. При этом предполагается умение дружки импровизировать и активное участие в свадьбе гостей. Поэтому в сценарии свадебного празднества речь дружки, на наш взгляд, не должна быть строго определенной.

Согласно народной традиции, за свадебным застольем во главе стола сидят молодые — невеста слева от жениха. Место дружки — рядом с женихом. По сторонам рассаживаются родители и родственники жениха и невесты (по старшинству), затем остальные гости (произвольно).

В меню свадебного стола можно рекомендовать традиционные русские блюда и напитки, готовившиеся к свадьбе прежде: каравай, печенье (фигурные пряники, коврижки, маковники), пироги («рыбники» и с мясом), блины; студень, жаркое из баранины, гуся, поросенка, курицы; каши гречневую и ячневую; орехи, клюкву, бруснику, яблоки (свежие и моченые), грибы, квашеную капусту.

Из напитков неплохо подать медовуху, квасы (с медом, хреном, анисовый, мятный), пиво, морсы (клюквенный, брусничный, лимонный), настойки.

Чтобы свадьба осталась в памяти молодых на всю жизнь, необходимо продумать и организовать сувениры

для них: фотографию застолья, запись на магнитофонную или киноплёнку всего хода свадьбы и т. п.

Сценарная основа свадебного торжества может изменяться в зависимости от вкусов и пожеланий новобрачных и их друзей, от того, какой трудовой коллектив принимает в нем участие. В соответствии с этим могут меняться и стихотворные тексты, музыкальное сопровождение, инсценировки; могут привноситься свои, доступные и понятные всем присутствующим символы, стихотворные, песенные и танцевальные стили и ритмы. Не исключается также возможность внесения в сценарий местных (локальных или национальных) мотивов и элементов народной обрядности, использования эпических образов. От этого свадьба становится еще более яркой, интересной, привлекательной.

НАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ СТАРШЕ ЦЕРКОВНЫХ

Существуют еще в наше время представления о том, что обрядность возникла на почве религиозных культов, а современные гражданские праздники и обряды являются «переложением на атеистический лад иных церковных обрядов» и что якобы церковь их создавала в незапамятные времена по своему разумению, поэтому, дескать, они не имеют никакого отношения к народным обычаям. Вот почему вопрос о том, что раньше возникло — обрядность церковная или народная, — является важным и принципиальным. По этому вопросу выступали виднейшие представители марксизма — А. Бебель, П. Лафарг, Г. Плеханов и многие другие. У последнего есть замечательная глава в третьей части его «Писем без адреса», где разоблачается концепция ряда буржуазных этнографов и социологов об изначальности религии и религиозного культа у первобытных людей.

Когда заходит разговор о том, откуда пошли те или иные обряды, верующие люди ссылаются обычно на Библию, и спорить с ними бывает нелегко. Однако давайте обратимся к этому древнейшему источнику.

Есть в этой книге поистине необычная глава, которая начинается словами: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки его лучше вина...» Здесь и далее пойдет речь о главе, называемой «Песнь Песней Соломона», которую якобы написал сам иудейский царь Соломон

(XI век до нашей эры). Первые строфы «Песни Песней» — это как бы прелюдия большой страсти и любовного волнения, которые постепенно разгораются в полную силу и наконец выливаются в апофеоз любви. При этом мы постоянно слышим голоса двух влюбленных — юноши и девушки, пребывающих в исступлении любовной страсти, постоянно разжигающих друг друга лаской слов своих: «„О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои — голубиные“.— „О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! И ложе у нас — зелень, кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы“».

Здесь нет и намека ни на присутствие царской персоны, ни на великолепие царских покоев или чертогов. Мы ясно представляем природу, окружающую простых людей, земледельцев и скотоводов.

Далее на этом фоне разыгрываются картина и сцена восхитительного пира любви: «Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви. Левая рука его у меня под головой, а правая обнимает меня...»

Затем следуют стихи, выражающие ожидание встречи возлюбленных: «Голос возлюбленного моего! Вот он идет, скачет по горам, прыгает по холмам. Друг мой похож на серну или на молодого оленя. Вот он стоит у нас за стеною, мелькает сквозь решетку. Возлюбленный мой начал говорить мне: „Встань, возлюбленная моя, выйди!“»

Обоюдные призывы жениха и его невесты звучат как поэтический песенный диалог. Отвечая на голос своей подруги, жених исполняет настоящую серенаду у ее окна: «Заклинаю вас, дочери иерусалимские, сернами или полевыми ланями, не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно...»

В истории еще не бывало случаев, чтобы цари распевали серенады под окнами убогих домов пастушек или виноградарей, но здесь в главе «Песнь Песней» идет речь о царе Соломоне, о силе и могуществе его, о его богатстве и роскоши дворца его и о любви к нему «дщерей иерусалимских».

Из этого текста следует, что не царь Соломон является главным действующим лицом «Песни Песней», а некие возлюбленные (жених и невеста), имена которых ни ранее, ни позже в тексте не обнаруживаются, как нет нигде и упоминаний о том, что именно он, Соломон, яв-

ляется возлюбленным простой сельской девушки. Однако толкователи библии, как нового, так и ветхого заветов, утверждают обратное: любвеобильный царь однажды, увидев дочь простого виноградаря, пленился ею и сделал своей наложницей.

Прямо скажем, сюжет этот некогда был придуман: речь шла о дочери виноградаря — Суламифи, и он, этот сюжет, был преломлен в творчестве множества писателей и поэтов. Истина же состояла в том, что здесь мы обнаруживаем признаки древнего народного обычая, когда царь или племенной вождь представлялся как покровитель новобрачных. Поэтому у многих народов существовал обычай: перед вступлением в брак представляться старейшинам или вождям, испрашивая у них разрешение на вступление в брачный союз, а также желая увидеть их своими глазами, чтобы уподобиться им в своем будущем семейном благополучии. Эти самые мотивы мы находим в текстах и эпиталаме из оперы А. Рубинштейна «Нерон», в свадебных сценах эпической поэмы А. Н. Островского «Снегурочка».

Таким образом, «Песнь Песней» является, по существу, нечем иным, как своеобразным сборником народных обрядовых свадебных песен, собранием стихотворных текстов, которыми по обычаю сопровождалась свадебные игры молодежи, где все эти страстные, любовные тексты — не простая игра слов или воображения. Они — представление о естественном сближении и духовной близости будущих супругов.

Таковы приемы эротического воспитания тех далеких времен, когда обрядовые игры служили возбуждению взаимного влечения путем восхваления телесной красоты и зарождения у новобрачных чувственных побуждений: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя! Ты прекрасна! Глаза твои голубиные, под кудрями твоими волосы твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской... Как лента, алые губы твои и уста твои любезны... Шея твоя, как столп Давидов... Два сосца твои, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями... О, как любезны ласки твои... моя невеста. Ласки твои — лучше вина...»

Отвечая жениху, невеста поет о своей любви к нему, воображая, как он ищет ее на рассвете, как стучится к ней в дверь, о том, что голова его при этом покрыта росой. Она обещает ему восхитительные ласки после того, как отопрет ему дверь после их обручения.

Заканчивается «Песнь Песней» исключительно прекрасным и поэтически ярким гимном любви, ее бессмер-

тию: «Положи меня как печать на сердце твое, как перстень на руку твою, ибо крепка, как смерть, любовь...»

В этом гимне выражена земная и по-человечески простая сущность жизни и любви. Здесь нет ни страха, ни благолепия ни перед богом, ни перед земными властителями.

Внимательное прочтение всей «Песни Песней» позволяет сказать, что перед нами не что иное, как обрядовые песни древнего народа, какие встречаются в литературных памятниках еще более ранних цивилизаций, чем еврейская, например индийской (яджурведа), египетской (мистерии Озириса), месопотамской (сказания о Гельгемеше) и др.

Итак, любовь могущественна и свободна. Она сильнее смерти, а стало быть, и самого бога. Могут ли такие слова принадлежать царю Соломону, который в предыдущей книге библии «Екклесиасте, или проповеднике», приписываемой также ему, говорит: «И возненавидел я жизнь потому, что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем, ибо все — суета и томление духа». А далее он же изрекает: «И нашел я, что горше смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы...»

Очевидно, что и «Притчи», и «Екклесиаст», и «Песнь Песней» были созданы не одним, а разными авторами и являются, бесспорно, записью устных легенд, притчей и песен.

Но теперь нас должен заинтересовать другой вопрос: каким образом и зачем попала в библию эта откровенно эротическая поэма? Ведь все ее содержание, каждая ее буква противоречат духу библии! Нередки случаи, когда верующие обращаются к священникам за разъяснениями, как следует понимать «Песнь Песней» — в прямом или переносном смысле, и за редким исключением получают один и тот же ответ: ничего такого в библии нет, и, дескать, каждый видит то, что воображает грешным своим рассудком в меру своей испорченности. Не случайно поэтому католическая церковь с недавних пор запретила самостоятельное чтение и толкование библии, для этого нужен духовный наставник.

Так почему же надо было включать «Песнь Песней» в мрачные своды библейских канонов, в которых что ни слово — то запрет, что ни фраза — то пророчество о гибели человечества за «первородный грех», то есть за любовь Адама и Евы, познавших от плода «древа познания добра и зла» влечение друг к другу и положивших на-

чало роду человеческому? Ведь каждому читателю ясно, что попала она в библию не случайно.

Суть этого «секрета» оказывается довольно простой.

В те времена, когда формировались религии иудаизма, а позже христианства и ислама, им приходилось вести жесточайшую борьбу против обычаев, традиций и обрядов многих племен и народов, стремившихся сохранить свою самобытность и свободомыслие, свои народные свадебные и иные бытовые обычаи, основу которых составляли народные песни, гимны, эпос, легенды. Не будучи в силах заставить языческие племена отказаться от обрядов, жрецы и церковники решили канонизировать обрядовые песни, включив их в общий свод библейских текстов, и при исполнении церковных ритуалов, свадебных обрядов стали выдавать эти песни за ниспосланные богом всем, исповедывающим данную религию. По мере того как стирались родоплеменные границы и усиливалась централизация власти и религии, исчезала и самобытная обрядовая культура, следы которой сохранились в различных странах до сего времени.

Свадебные обрядовые песни существовали задолго до появления библии. При расшифровке древнемесопотамских клинописей ученые прочли две эротические поэмы, представляющие собой собрание обрядовых народных песен, восхваляющих достоинства и красоту невесты и жениха. В одном из шумерских текстов невеста обращается к жениху: «Возлюбленный, дорогой моему сердцу! Красота твоя сладка, как мед!..»

Но возвратимся к причинам включения «Песни Песней» в библию и подчеркнем, что для всякой религии очень важно было подавить любого рода независимость народных обрядов от церковных. И если люди понимали, что браки совершаются не где-то на «небесах», а на земле, то для церкви было важно, чтобы они совершались на «небесах», то есть в храмах. Вот почему составители библии сочли нужным присвоить «Песнь Песней» и провозгласить, что она заключает в себе особый божественный смысл, иносказание, аллегория.

Необходимо отметить, что библия вся очень противоречива. В ней есть действительное и фантастическое, мертвое и живое, ибо она создана людьми. Очень хорошо сказал Жан Мелье (1664—1729 гг.), бывший сначала католическим священником и ставший потом убежденным атеистом: «Эти якобы святые и освященные книги не заключают в себе никаких признаков учености, науки, мудрости, святости, ни другого совершенства, о кото-

рых можно было бы сказать, что они исходят только от бога. Напротив, мы сами явным образом находим в них те же недостатки, ошибки, заблуждения и несовершенства, которые встречаются в других книгах в результате небрежности, невежества или неспособности их авторов. Следовательно, нет никаких признаков того, что книги этого рода — действительно божественное откровение, действительно написаны по особому наитию от духа божия».

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ ПАНТЕОН И НАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ

Система религиозных представлений и обрядов у восточных славян была чрезвычайно сложной и многообразной, так как в дофеодальную эпоху они еще не были объединены в единое государство и не обладали ни экономической, ни этнической целостностью. Основой религиозных культов у славянских племен было обожествление сил природы, поклонение солнцу, воде, огню, земле.

По свидетельству многих историков, быт древних славян характеризовался общинно-родовым демократизмом и сравнительной мягкостью обычаев. Религиозные представления у них не имели разработанного культа, поэтому не было и касты жрецов. Волхвы и колдуны являлись членами рода или общины.

Почитая воду, славяне, как уже говорилось, наделяли ее особой живительной, очистительной и целебной силой. С культом воды были связаны многие народные праздники, сопровождавшиеся купанием или обливанием, например, для того, чтобы вызвать дождь и спасти посевы от засухи. Духам рек, озер, родников приносились жертвы (в воду бросали украшения, монеты и даже животных).

Поклонение огню обусловило у славян обряды и праздники, связанные с представлениями о «небесном огне», о солнце и молнии, о тепле и свете. Огонь, по их представлениям, также имел очистительную силу, и ему поклонялись все без исключения народы мира, но по-разному. Годовой цикл Солнца (Ярилы) у славян делился на периоды, или времена года: период Хорса (весна), Дажбога (лето), Стрибога (осень) и Симарьгла (зима). Каждому периоду соответствовали свои обряды и праздники, посвященные солнцу. Так, например, в конце июня

праздновали день Ивана Купалы, когда во время гуляний жгли костры и прыгали через них. Костры как бы подогревали солнце, остывающее к осени.

Предметом поклонения была и земля. По древнему обычаю ею клялись при спорах о земельных владениях: истец клал себе на голову кусок дерна и в доказательство своего права собственности проходил по меже спорного участка. Самое древнее «доказательство» чьей-либо правоты заключалось в обычае есть землю. А путешественники, воины, купцы брали с собой в путь немного родной земли как амулет, охраняющий их от всяких бедствий. Всем этим подчеркивалась земная сущность человека, его рациональное представление о земле.

Поклонялись древние славяне также и деревьям. Византийский император и писатель Константин Багрянородный (X в.) описывал жертвоприношения купцов-русов у священного дуба на острове Хортица, символизировавшего могучую силу Перуна — бога грома, молнии и земных стихий. Поклонялись и березам, березовым рощам. На этой основе сложился народный обряд весеннего праздника «семика», когда девушки приносили к березке угощенья, украшали ее и пели:

Радуйтесь, березы, радуйтесь, зеленые,
К вам девушки идут, к вам красные,
К вам пироги несут, лепешки, яичницы...

Все это выглядело скорее элегически, чем мистически, и было характерно для многих славянских народных обрядов.

У славян широко было развито почитание священных животных — быка (тура), медведя, волка, кабана, козла и других. В древних славянских погребениях при раскопках находили клыки, являвшиеся амулетами. Особо почитался медведь. Медвежий культ характерен для всех северных народов Европы и Азии. У нивхов он сохранялся вплоть до конца XIX века. Медведь был одним из любимых персонажей старинных народных игр, праздников, былин и сказов.

Священным животным у славян была также коза. Она считалась покровителем урожая. В старину пели:

Где коза ходит, там жито родит,
Где коза — хвостом, там жито — кустом.

У славян была своя система антропоморфных божеств. Древнегреческие и византийские писатели отмечали, что у жителей Восточно-Европейской равнины

(бассейн Днепра, Вислы и Западной Двины) существовал пантеон, близкий к греческому. Подобно греческим нимфам, у них были русалки и берегини — почитаемые обитательницы водяной таинственной стихии. Считалось, что они вызывали благодатный дождь на поля и охраняли урожай. Христианство же наделило их враждебным характером, причислив к бесам, лешим и прочей нечисти.

Из своих покровителей — добрых духов и богов — славяне выделяли бога грозной стихии, грома и молнии Перуна, которого задабривали жертвоприношениями животных. Византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.), описывая быт славян-антов, отмечает, что «владыкой мира они признают одного бога — создателя молнии — и в жертву ему приносят быков и других животных».

Наиболее полное описание славянских богов дано в Лаврентьевской летописи. Летописец, рассказывая о княжении князя Владимира Святославовича, пишет: «И начал княжити Володимир в Киеве един, и постави кумиры (идолы.— В. Р.) на холму вне двора теремного: Перуна древяна (деревянного.— В. Р.), а главу его сребряну, а ус злат, и Хорса, и Дажбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь».

Киевский холм в те времена, по-видимому, напоминал чем-то Афинский акрополь, а статуя Перуна — Фидиеву статую богини Афины. В период усиления Киевского государства князья предприняли попытку выработать государственную систему многобожной религии, создать славянский пантеон, соответствующий условиям развивающегося феодального строя и славянской культуры, однако этому помешало развитие феодализма.

Перун — бог грома и молнии — считался одновременно земледельческим богом. В христианстве он приобретает образ Ильи, возносящегося в небо на громахающей колеснице. Однако более универсальным богом был для славян Ярило — бог солнца. Вначале это божество имело женский «облик» и ассоциировалось с владычицей неб. В честь нее в конце апреля устраивались веселые Ярилины праздники, игры и хороводы. Нарядив одну из девушек Ярилой, одев в белые одежды, ее сажали на белого коня и водили вокруг нее хоровод. Потом Ярило стало божеством мужского плодородия.

В честь другого «солнечного божества» — Купалы — проводились летние праздники и игры, посвященные поспеванию плодов и злаков. Эти праздники православная

церковь превратила в Спасы, запретив как языческий праздник Ивана Купалы.

У славян был почитаем также бог Волос (Велес) — покровитель скота. Он изображался в виде быка (тура). Особенно почитали его в Приильменье. В центре Новгорода была установлена статуя Волоса. Культ Волоса сохранился в названиях ряда городов и селений. Так, в Ленинградской области есть город Волосово, а близ города Владимира существовал Никольский Волосов монастырь, построенный, по преданию, на месте древнего капища в честь бога Волоса. В христианстве Волос превратился во Власия — святого покровителя скота, который на иконах изображался рядом с быком.

Среди других популярных богов была Мокошь — богиня воды, непогоды, грозы, плодородия, прядения и ткачества. В православии ее место заступила Параскева Пятница — «льняница», которой приносились в жертву первые снопы льна и вытканые убрusy (полотенца). Отсюда пошел обычай украшать иконы и статуи святых убрusами.

Очень почитаем был Сварог — бог-кузнец, делатель оружия. Он считался также покровителем искусства, семьи. Сын Сварога — Сварожич был покровителем домашнего очага, кузнечного горна. С развитием христианства место Сварога «заняли» Козьма и Демьян — святые покровители скотоводства и кузнечного дела.

Возникновение у славян своего пантеона богов неизбежно привело к появлению религиозного культа и касты жрецов. В так называемых «языческих» капищах устанавливались идолы Перуна, Хорса, Волоса и жертвенники из камня или дерева, на которых совершались жертвоприношения. Вот что рассказывал, например, арабский путешественник Ибн-Фадлан (X в.) о жертвоприношениях руссов-купцов:

«Руссы перед началом торговли расставляли своих идолов и приносили им малую (предварительную.— В. Р.) жертву — хлеб, мясо, лук, молоко, вино, чтобы торговля была удачной. Если торговля удавалась, то говорили „Господин мой (покровитель,— В. Р.) уже исполнил то, что мне было нужно, и следует вознаграждать его“, — и затем убивали быков и овец: часть мяса раздавали, другую клали перед идолами; головы жертвенных животных вешали на колья, вбитые в землю. Жертвенное мясо обычно поедали собаки, и после этого было принято говорить: „Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар“».

Христианизация Руси происходила в жестокой борьбе церкви и феодалов против народных обычаев. Ставшее синонимом кабалы, христианство повсеместно встречало упорное сопротивление народных масс. В Лаврентьевской летописи находим жалобу на то, что храмы пустуют, а народ упорствует в языческих обычаях, за что бог наказывает строптивых и смертью, и голодом, и засухой. Церковники жаловались, что славяне «Перуна отринувша, но Христа господа бога яшася, но и ныне по украинам их молятся проклятому богу их Перуну, Хорсу и Мокишь», то есть на словах признали Христа, а молятся старым богам.

Все это вынуждало церковь создавать новый, христианский пантеон святых и христианские праздники из старого, «языческого» материала. Так, зимние святки были заменены рождественской неделей, а весенние — пасхальной неделей. Цикл весенне-летних древнеславянских обрядов «семик», связанный с культом предков и земледельческой магией, был перенесен на четверг седьмой недели после пасхи. От этих обрядов сохранилась «зеленая» магия — завивание берез, украшение храмов березовыми ветвями в дни празднования троицы и посещения могил и т. п.

Черты матери-земли были перенесены на образ богородицы; бог Хорс превратился в Георгия Победоносца, Перун, как уже говорилось, — в Илью-пророка, Купала — в Иоанна Крестителя, Волос — во Власия, Мокошь — богиня-пряха — в Параскеву Пятницу, Сварог и Сварожич — в Козьму и Демьяна. Всего же в православии святых — около пяти тысяч...

Возвращаясь к славянским народным обычаям, следует особо подчеркнуть, что быт славян был свободен от религиозного догматизма, поэтому народные обряды и праздники органично входили в жизнь людей и содержали в себе многие самобытные черты народного искусства, в том числе художественные олицетворения сил природы, времен года и различных бытовых явлений.

Несмотря на все усилия и старания церкви искоренить дух народных обрядов, они, как живое дерево, питаемое корнями народных традиций и неистребимым свободомыслием народа, дошли до новой, революционной эпохи. О том, как противостояли народные обычаи церковным канонам, ярко свидетельствует народно-бытовой календарь годовых циклов жизни крестьян Центральной России, который имеется в экспозиции Музея этнографии народов СССР. В нем мы находим подтвер-

ждение мыслям В. Г. Белинского о том, что *русский народ постоянно помышлял не о боге и не о спасении души в загробном мире, а о хлебе насущном, о земле и земном человеческом счастье.*

ЦЕРКОВНЫЙ И НАРОДНЫЙ ОБРЯДОВО - ПРАЗДНИЧНЫЕ КАЛЕНДАРИ

В досоциалистический период в нашей стране существовали две системы праздников и обрядов, объединенные в годичном календарном цикле,— церковная и народная. Первая система носила официальный, государственный характер, а вторая касалась непосредственно жизни и быта народа, преимущественно крестьян. Народные же праздники всегда были связаны с производственной деятельностью и бытом простых людей. В соответствии с этим год делился на трудовые циклы: время сева, уборки урожая, выгона скота на пастбища и его отстоя, время пахоты, сенокоса, охоты и сбора плодов, заготовки топлива, прядения и т. д.

Обрядовой основой каждого народного праздника были конкретные сюжеты и образы народно-бытовой драмы, главными героями которой являлись трудящийся человек и сам народ, а также окружающая его природа, образы которой содержались в народном эпосе, в олицетворенных явлениях природы типа Весна-красна, Купала, Каляда, Ярило, Зимушка-зима и др. С помощью этих средств и благодаря всей совокупности народных обычаев и обрядов создавалось определенное настроение — то празднично веселое, разудалое, то торжественно-чинное, строгое.

Олицетворяя силы природы и осознавая зависимость от них, народ творил свои праздники и обряды, отражавшие его земные заботы и нужды. Они складывались задолго до того, как на Русь пришло христианство и начало создавать совершенно иную систему традиций и обычаев, призванную закрепить и упрочить феодальный, а затем и буржуазный строй.

Церковная обрядность в противоположность языческой и народной строилась и формировалась на основе церковных догматов и канонов, на «священном писании» и «житиях святых». «Церковность действовала на людей подобно туману и угару,— писал А. М. Горький.— Праз-

дники, крестные ходы, чудотворные иконы, крестины, свадьбы, похороны и всё, чем влияла церковь на воображение людей, чем она опьяняла разум,— всё это играло гораздо более значительную роль в процессе «угашения разума», в деле борьбы с критической мыслью, играло большую роль, чем принято думать».

В течение года православная церковь отмечает 12 «двунадесятых» календарных праздников, посвященных Христу, троице и богородице, 5 «великих» праздников, 4 поста и 359 праздников «святых угодников», а также престольных праздников, отмечаемых церквами, названных именами святых.

Большинство церковных праздников падает на лето. Их сущность, корни уходят в глубь средневековья, они представляют наиболее консервативные традиции, стоявшие на пути полного освобождения земледельца от пережитков далекого прошлого. Бессилие и беспомощность перед могущественными силами природы, перед волей бога и святых — вот главная идея церковных праздников.

Чрезвычайно большое распространение имел праздник в честь «крестьянского бога» Николы. На Украине в старину говорили: «Никола богом буде, як бог умре». Главную пользу, как утверждали церковники, Никола приносил тем, что «спасал на водах», «посылал дождь», избавляя крестьянина от засухи и недорода. «Никола» праздновался дважды: «Никола-голодный» — в мае, «Никола-холодный» — в декабре.

Наиболее популярным и всеобщим был праздник троицы — в честь «сошествия духа святого» на апостолов и последователей Иисуса Христа на 50-й день после его «воскресения» из мертвых, то есть после пасхи, и на 10-й день после «вознесения» на небо.

Этот миф берет свое начало из древнеиудейской религии и связан с праздником «пятидесятницы» («семи седмиц»), по которому у древних евреев устанавливалось время уборки урожая (от его начала до завершения). Христианство переделало этот праздник по-своему, а русское православие приурочило его к циклу весенних полевых работ, соединив со славянским языческим «семиком». При этом церковь стремилась поразить воображение раба или крепостного крестьянина нелепостью и таинственностью. На сей счет есть указания целой плеяды богословов. Так, Григорий Богослов советует: «Побольше нелепостей надо. Чем люди меньше их понимают, тем больше ими восхищаются...»

Праздники шли непрерывной чередой. 7 июля праздновался иванов день, 12 июля — петров день (Петра и Павла), а 2 августа — ильин день. Илья — собирательный образ древнееврейского бога грома, молнии, дождя и прочих небесных сил Илии и славянского бога грома и молнии Перуна. Умилоствление Ильи было связано с надеждой избежать губительных летних гроз и пожаров, спасти урожай и жилища от разрушительных стихий.

По церковному календарю установлено свыше 200 праздников, посвященных «чудотворным» иконам божьей матери, в том числе владимирской, иверской, казанской, почаевской, смоленской, тихвинской. На август приходятся праздники успенья божьей матери, а также Флора и Лавра — покровителей лошадей.

Кончалось лето, начинались осенний и зимний циклы праздников. И так без конца...

В этой связи представляет определенный интерес то, как реагировал народ на такое обилие церковных праздников, как перестраивал их на свой лад, сохраняя в неизблемости свои традиции и обряды, отдавая «богу богово» и себя не забывая.

Оказывается, у крестьян разных губерний России существовали свои годовичные календари, с помощью которых регламентировались трудовые и природные циклы, труд, отдых и общенародные игры. При этом церковные дни служили как бы вехами или ориентирами, по которым крестьянин узнавал, когда и что ему предстояло делать.

Народный обрядовый календарь состоял из восьми трудовых периодов. Первый период, естественно, начинался с начала года и охватывал январь — февраль. Это время отдыха от тяжелых осенних трудов. И если в этот период церковь отмечала васильев день или крещение, то народ устраивал свадьбы, святочные гаданья, «гонял черта по деревне» (устраивал потехи на снегу), а на 24-й день января (здесь и далее даты указаны по старому стилю) отмечал по своему календарю «Аксинью-полухлебницу», что означало — половина хлеба съедена.

Затем наступал февраль — «бокогрей, широкие дороги». На 2-й день, в праздник сретенья, отмечалось прибавление дня, а на 3-й, в семёнов день, следовали завету: «На „Семёна“ по двору чинят летнюю сбрую». Далее шло: на 5-й день — «Агафья-коровница» (коровы телются), на 11-й — праздник Власия, «скотьего» бога, взявший начало от языческого славянского бога Волоса. Лю-

ди приговаривали: «У Власия и борода в масле», что означало постное «ядение» — запрет есть мясо. На 15-й день отмечался «Онисим-овчарник». В этот день «окликали по овинам»: чтобы овцы ягнились, люди отпугивали волков, прибирали в овчарнях.

Наступал второй период и с ним новый цикл трудов, обрядов и праздников. Это был март — начало нового хозяйственного года. Устраивались проводы зимы и встреча весны. Говорили: «Масленица — весне племянница», «Масленица — объедуха и деньгам приберуха».

Потом были «прощеное воскресенье» (расчеты по долгам) и проводы масленицы, когда в «чистый понедельник рот полощут от скоромного».

В 1-й день марта («пришли Евдокеи — мужику за-теи») пора было приниматься за подготовку инвентаря. На 9-й день — вторая встреча весны. Пекли жаворонков из теста. На 25-й, в благовещение, устраивалась третья встреча весны — «радуницкая неделя». Поминали покойников. Затем наступала фомина неделя, когда начинались свадьбы на «красную горку» (гулянья на просохших пригорках).

Третий период — апрель, когда «земля прееет». Смена саней на телегу. Весенние забавы. Оттаяла земля — «покойники вздохнули». В 1-й день — «Марья-зеленые щи» — бескормица. Работы дотемна. На 8-й день — «Родиона-ледолома» — ледоход. «Устави соху» — начало пахоты под овес. На 17-й день — «Алексей, божий человек, пятнами пошел» — сходит последний снег. На «Егория вешнего» выгоняли скот и запахивали пашню для яровых.

Четвертый период более напряженный. «Май — коню сена дай, а сам на печь полезай». Почему так говорили? Потому что считалось, что «в мае — маются», так как не хватало хлеба, люди ели щи из крапивы и щавеля.

В 1-й день мая отмечался «Еремей-запрягальник» (последняя встреча весны), на 2-й был борисов день (в народе «Барыш день») — день торгов и ярмарок.

Затем шли дни «Мавры-зеленые щи», «Арины-расса-дницы», когда высаживали рассаду в огородах. В «Николу-вешнего» сажали картофель. На 11-й день — «Сидора-огуречника» — сажали огурцы, на «Федора-житника» сеяли жито, на «Алену-льносейку» — лен, на «Федосью-гречишницу» — гречиху.

В пятом периоде дел еще больше прибавлялось, но и праздников тоже. Дневное время росло. Июнь — начало лета, конец пролетья. Время вывоза навоза на пар,

сенокоса, весенне-летних игрищ. Расцвет растительности и посевов. «Русальная неделя», «Зеленые святки» — праздники проводов весны и встречи лета.

В вознесенье запахивали посеvy, в «семик» (четверг после вознесенья) завивали березки, а в духов день (после троицы) развивали их и ставили у своих домов, то есть совершали поминальные обряды.

На «Марфу-рассадницу» сажали овощи, на «Акулину-вздери хвосты», когда оводы и слепни особо донимали скот, меняли часы его выгона на пастбища.

На «Агриппину-купальницу» начинали купаться в реках и прудах. В день Ивана Купалы прыгали через костры, собирали целебные травы и т. д. С петрова дня начинали сенокос. Говорилось: «До петрова — взорить (вспахать.— В. Р.), до ильина — взборонить, до спаса — засеять, ибо Петр и Павел — день убавил, а Илья-пророк — два часа уволок».

Шестой период — июль, когда поспевали овощи, грибы, ягоды. «Июль — макушка лета, устали не знает — все прибирает».

В 1-й день июля (на Козьму и Демьяна) в огородах пропалывали гряды, на 8-й день (казанской богоматери) проводили зажинку ржи, на 20-й (ильин день) заканчивали сенокос, начинали жатву, на 24-й день (Бориса и Глеба) поспевал хлеб.

Наступал седьмой период (август — сентябрь). Посев озимых, уборка яровых, молотьба. Новый хлеб — начало сытного времени. Проводятся праздники урожая, делаются запасы продуктов на зиму.

Август — «густоед, льнорост — припасает бабе холст». В 1-й день — «первый спас — медовый». Заламывают соты. Купают лошадей. На 6-й день — «второй спас — яблочный». Посев озимых. Встреча осени. На 15-й день — усенье. «Успелись» с урожаем. Святят каравай нового хлеба (праздники урожая). На 16-й день — «третий спас — хлебный, ореховый». Дожинки. На 18-й день (Флора и Лавра) — Лошадиный праздник. Досевки. На 22-й день («Агафона-гуменника») раскидывают снопы по гумнам. На 26-й день («Натальи-овсяницы») косят овес. На 29-й день («Ивана-постного») — последнее стеблище на льне.

Сентябрь. Поздний посев ржи. Начало посиделок и свадеб. На 8-й день (малая пречистая) — встреча осени. На 24-й день («Феклы-заревницы») — замолот хлебов с полуночи. На 25-й день («Сергея-курятника, капустника») — малые хозяйственные работы.

Восьмой период (октябрь — декабрь). Октябрь — «свадебник, грязник, ни колеса, ни полоза не любит». Начало зимних работ. Рубка и возка дров. Снятие льна, конопли, копка картофеля. Конец хозяйственного года. Свадебные недели. Начало санного пути и морозов. Возобновление домашних производств. В 1-й день (покров) — срок окончания наймов. Свадьбины. Засадка прях. Закорм скотины. На 14-й день («Параскевы-трепальницы») треплют лен, на 22-й («Осенняя казанская») рассчитывают летних рабочих, на 29-й («Абрамовчарника» и «Натальи-стригальницы») загоняют овец в овчарни и начинают их стрижку.

Ноябрь — полузимник. На 2-й день (Козьмы и Демьяна) — день ремесленника. На 8-й день (михайлов день) — скот загоняют на зимнее кормление. На 15-й день («Гурий на пегой кобыле») — грязь и снег. На 21-й день (введение) — зиму привело. На 24-й день («Катерины-санницы») — первое катанье на санях.

Декабрь — году кончина, зиме начало. На 4-й день (варварин день) — «трещит Варюха — береги нос и ухо». На 6-й день («Никола-зимний») — варят «никольское» пиво. Никольский торг. Никольские морозы. «Идет Никола с гвоздем мосты строить», то есть лед становится на реках. На 12-й день («Спиридона-солнцеворота») — «солнце на лето, зима — на мороз». На 24-й день (сочельник) — не едят до звезды. На 25-й день (рождество) — христославенье. Начало зимних святок...

Таково содержание крестьянского календаря.

Народ переиначил на свой лад и церковный календарь, и святцы, приспособив их к хозяйственным, бытовым нуждам и сохранив при этом свою приверженность к «языческому» почитанию сил природы и к свободомыслию. Одновременно мы получаем довольно четкое представление о том, как сложна, как тяжела и напряженна была жизнь крестьянской общины, основанная на индивидуальном ведении хозяйства, ручном труде и примитивных орудиях труда, в условиях все возрастающего классового расслоения крестьянства и эксплуатации сельских пролетариев. В этой связи церковный календарь использовался крестьянами как способ регламентации своей трудовой деятельности, семейной жизни и всего ее быта.

Обряды и обрядовые игры составляли основу большинства народных праздников и памятных дней. Пер-

выми в году в период зимнего солнцеворота праздновались святки, или коляда. Эти новогодние праздники, длившиеся почти две недели, начинались обрядами поминовения усопших, то есть обращением к памяти умерших ради будущего. Обязательным блюдом этого дня являлась кутья (пресная ячменная каша), которая подавалась во время торжественной поминальной трапезы. По обычаю на середину стола или на окно клали лучший кусок пирога и ставили чашу с поминальным напитком. Угощение предназначалось для д^ухов умерших (якобы присутствующих на трапезе), чтобы умили-вить их. В этом обычае проявлялись отголоски древнего почитания предков и сил земли. К таким силам причислялись и умершие, которые, по поверью, продолжали жить под землей и влияли на судьбы живущих на земле, могли послать урожай или недород. Да и сама зима как бы являлась символом заснувшей, умершей природы. Поэтому полагалось сделать все возможное, чтобы пробудить ее от сна и возродить к жизни.

На святках пекли из теста фигурки животных (в основном свиней) — символ плодородия.

Одаривание друг друга выпечными фигурками животных («козулями») и их ритуальное поедание символизировали наделение каждого теми силами и способностями, которыми обладали животные; вместе с тем оно якобы способствовало увеличению будущего приплода скота.

В течение святок проводилось так называемое «калядование». Молодежь и дети собирались группами, ходили от избы к избе и пели песни, которые назывались колядками. Хозяевам каждого дома полагалось одаривать певцов пирогами, пряниками, «козулями» или деньгами.

Колядки содержали в себе величания хозяев, пожелания им урожая и всяческих благ.

Святки включали в себя и такую форму праздничных увеселений, как ряжен^ие. Эта народная традиция находит свое продолжение в маскарадах и карнавалах как видах современного праздничного представления.

По народному обычаю ряженные изображали стариков, медведей, цыган, храбрых солдат. Они мазались сажей, жженой пробкой и шумной ватагой ходили по избам — плясали, дурачились, пели озорные песни. При этом каждый ряженный старался сделать все, чтобы не быть узнанным, так как узнанный разоблачался и его функция на этом исчерпывалась. Поэтому искусство ряжения было весьма высоким.

Нередко кто-нибудь из ряженных изображал попа, и тогда церковники особенно негодовали, называя народные увеселения «бесовскими игрищами», наиболее богопротивными, крамольными и срамными.

В отличие от народных праздников и обрядов, насыщенных неукротимой энергией жизнелюбия, смехом и весельем, праздники церковные содержали в себе мрачные «таинства» и мистерии, с помощью которых у верующих вызывали чувство страха перед божественной волей и силами сатаны, мысль о суетности и никчемности земного существования.

Зимний период завершался проводами зимы, или масленицей. Ее символом был масленый блин — символ солнца и приближения весны, периода, когда наступает полоса постного (масляного) «ядения». Это самый широкий, самый разгульный славянский праздник, ведущий свое начало от языческих ярилиных игрищ.

Как и святки, масленица начиналась с поминовения умерших (этот обряд проводился на кладбищах), а заканчивалась в канун великого поста визитами друг к другу родственников и друзей. Эти визиты назывались «прощаниями». Прощались с зимой, со своими неудачами и долгами, мирились и просили прощения за обиды.

Однако главными моментами в масленице были ее встреча и проводы. В деревнях сооружалось внушительное по своим размерам и облику чучело из соломы, которое — с шутками, плясками, хороводами — возили на санях по улицам или устанавливали на вершине крутого холма, наряжали в кафтан и шапку, а затем устраивали веселое катание на салазках.

Шумные, многолюдные проводы масленицы носили характер шуточных похорон с участием ряженных; некоторые из них изображали пьяных попов, дьячков и монахов — плачущих, кадящих и гнусающих.

С озорными песнями соломенное чучело выносили за околицу и там распотрашивали или сжигали в поле.

Масленицу сопровождало множество обрядовых игр и увеселений, среди которых широкое распространение имели конские бега, взятие снежных городков.

Образ русской масленицы нашел свое яркое воплощение в творчестве многих русских поэтов, в том числе и современных. Вот как показан этот праздник в поэтическом месяцеслове советской поэтессы Татьяны Смертиной «Марья — зажги снега»:

Зима не навек!
Размаслило снег.

Солнце, как блин,
Пышет в синь!
По селу во все концы —
Колокольцы.
Лошади тройками!
Бабы взойкали.
Дуги цветасты,
Гривы — в косы.
Весна, здравствуй,
Просим!
А в санях-то, ах!
Девочек малинно,
Шали веют длинно.
Вон и конюх сам,
Развалясь важно,
У него по саням
Цветы бумажные,
А в руке красный флаг,
Виднее так!
Масленица честная,
Селам всем известная,
Блинами объедаха,
Червонцам приберуха!
Проедим зимуцу,
Пропьем, как невесту,
И проводим с честью!
За зимой красоту
Отгуляйте свободно,
Чтобы было в году
Плодородно!

В начале весны многие народные праздники посвящались культу растений, в том числе и так называемая «русальная неделя». Четверг этой недели, как уже говорилось, назывался «семиком».

В русальную неделю в избы приносили зеленые ветви берез и ставили их по углам. На улице устанавливали молодую березку и украшали ее. Благодаря своему раннему зеленому убору и широкому распространению по всей России береза издревле являлась символом русского народа.

«Праздничную» березку примечали заранее, делали на ней зарубки, а через несколько лет срубали и с большим торжеством доставляли в деревню. Здесь девушки особым образом «завивали» ее: загибали концы веток в кольца и закрепляли их так, чтобы образовались венки и арки, после чего украшали березку лентами и цветами. Это означало символическое восприятие ее животельной силы и передача земле этой силы посредством девичьих венков.

В «семику» совершался девичий обряд «кумления», когда девушки, изображавшие русалок, целовались друг

с другом сквозь венки, менялись крестиками и с этого момента считались на всю жизнь подругами.

После того как березку устанавливали на отведенное ей место, вокруг нее начинали водить веселые хороводы, девушки-«русалки» пели задушевные песни. Праздник заканчивался выносом обрядовой березки за деревню, где ее ломали, а ветки разбрасывали по ржаному полю либо кидали в воду, чтобы земля получила влагу для созревания злаков.

По старинным поверьям русалки, обитательницы рек и озер, или дүхи девушек-утопленниц, выходят в русальную неделю из вод и живут на земле (в лесах или в ржи) до поздней осени, и там, где они играют, водят хороводы, гуще растут трава, хлебá.

Этот поэтический праздник постепенно возрождается в новых формах и с новым содержанием во многих районах нашей страны как праздник «Русская березка», праздник совершеннолетия. Однако в нем еще не сложились все те многообразные символические и художественные образы, которые необходимы всякому подлинно народному празднику, построенному на эпической основе и богатейшем фольклорном материале.

Следующим за «русальной неделей» летним праздником был праздник Ивана Купалы, которым отмечались летний солнцеворот и самые длинные дни лета, когда все растения набирали полную силу.

Церковь приурочила к этому времени свой праздник, посвященный Иоанну Крестителю. Культ этого «святого» возник из культов поклонения божествам воды и солнца и двуликому богу солнца Янусу у древних римлян.

В канун «купальской ночи» проводился цикл праздничных обрядов — возжигание костров и перепрыгивание через них, поиск целебных трав, купание в реках и обливание друг друга водой. В «купальские дни» в деревнях «обряжали» соломенных кукол, называемых «Иванами», и устанавливали их на плетнях и на воротах. Возле них устраивались хороводы и веселые молодежные игры. Поздно вечером куклу либо топили, либо сжигали на берегу водоема. Праздник завершался всеобщим купанием...

В этом обычае не было никаких особых признаков водосвятия. Однако церковь, используя притягательную в народе силу «купальского» обычая, установила свой контроль над традиционными местами купания, превратив их в «святые источники» и устраивая к ним крестные ходы с культовыми омовениями.

В осенний период наступали жатвенные обряды, знаменующие радость земледельца, собравшего хороший урожай хлеба и плодов и надеющегося на благополучие в будущем году.

Существовал обряд «первого снопа», который устанавливался рядом с полем, и все участники жатвы угощались спелыми зернами нового урожая.

В конце жатвы проводился обряд «дожиночного снопа», называемого в народе «имеником». Его украшали лентами и цветами, а иногда наряжали в женское платье, с песнями вносили в дом хозяина и устанавливали в переднем углу.

В честь этого радостного события устраивался праздничный пир.

Конечно, не все было разумно и красиво в народных праздниках и обрядах. Немало в них можно найти дикого, ведь слишком тяжела и сурова была жизнь многих народов. Но в борьбе с невзгодами, выдержав тяжкие испытания, эти народы духовно и физически закалили себя. Они унаследовали от дедов и пращуров и развили в себе великую силу — коллективизм, когда каждый был готов «положить жизнь за други своя».

Даже краткое описание лишь некоторых народных праздников и обрядов позволяет сделать вывод о том, что они являются объективным явлением жизни, достоянием каждого народа и плодом его творчества, создающего не только материальные, но и духовные ценности, ибо каждый народ, по выражению М. Горького, является единственным и неиссякаемым источником духовных ценностей.

Народные праздники и обряды появились в жизни людей не случайно и не по воле церковных законодателей. Как закономерный результат творческой деятельности людей разных национальностей, они придают неповторимый колорит каждой народности, являются фактором сохранения ее национальной общности и культуры.

В определенной степени посредством обрядов и праздников народ передает от поколения к поколению свои трудовые, культурные и нравственные достижения. Проходят века, и со временем праздники и обряды обновляются, они обогащаются новым содержанием, отвечающим современным задачам и потребностям народа. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» говорится: «За шестьдесят лет развития по пути Октября в нашем обществе утвердились замечательные социалистические

традиции, в которых закреплён богатейший опыт революционной борьбы и созидания. Бережно хранить эти традиции — значит творчески развивать их».

НАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Наша социалистическая Родина стала первой в мире страной массового атеизма. Но чтобы яснее представить себе все значение этой подлинно исторической победы марксистско-ленинского научного мировоззрения над религиозным мракобесием, приведем несколько цифр.

В Российской империи православие было господствующей, государственной религией, а русская православная церковь являлась частью государственного аппарата. В канун Великого Октября в стране действовало около 78 тысяч православных церквей и часовен, их обслуживало более 117 тысяч духовных лиц. Кроме того, имелось 1025 монастырей, в которых находилось около 100 тысяч монахов и монахинь.

В настоящее время в СССР насчитывается 7 тысяч православных церквей и около 16 тысяч священнослужителей; на территории РСФСР осталось два действующих монастыря, в них проживает около 100 монахов.

При сравнении этих данных мы видим огромное сокращение церковных объектов и численности духовенства, происшедшее за годы Советской власти.

По данным социологических исследований, проведенных в ряде областей, районов и городов РСФСР, Украины, Молдавии, Прибалтийских республик и республик Средней Азии, 70—80 процентов взрослого населения является нерелигиозным, а активно верующие (более или менее регулярно соблюдающие посты, исповедующиеся, посещающие церковь и т. д.) составляют около 8—10 процентов.

Если же говорить о церковной обрядности, то она сокращалась значительно медленнее, чем количество церквей, численность духовенства и верующих. В царской России церковь «освящала» все важные события в жизни и верующих, и неверующих, опекала людей от колыбели до могилы. В своде законов Российской империи имелось множество статей, которые возлагали на полицию «заботу о должном уважении населения к вере». Любое уклонение от совершения обрядов считалось проявлением политической неблагонадежности.

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда покончила с засильем религии и церкви в общественной жизни и в частном быту трудящихся. По ленинскому декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви последняя стала частной организацией, обслуживающей религиозные потребности верующих. Ее обрядность утратила государственный характер. Об этом свидетельствует статья 4 указанного декрета: «Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями». Стали личным делом верующих венчание, крещение детей и другие религиозные обряды. Они были лишены принудительной силы и значения официальных актов; их место заняли новые, советские, безрелигиозные акты гражданского состояния.

Годы социалистического строительства стали периодом развития массового атеизма в нашей стране. Но церковная обрядность еще сохранялась в быту. Одна из причин этого — в значительном влиянии культовых действий на психику людей.

Религиозная обрядность в 1930-х годах охватывала более половины сельского населения, да и в городах она занимала значительное место в жизни людей. В 1935—1937 годах в РСФСР около 55 процентов детей подвергалось обряду крещения. Но и эту цифру можно было считать (в смысле уменьшения) большим достижением в преодолении религиозных традиций.

Отходу масс от религии способствовала широкая атеистическая пропаганда. Однако ее успехи стали возможными прежде всего потому, что *Коммунистическая партия последовательно и неуклонно проводила в жизнь ленинское программное требование: подчинять борьбу с религией задачам борьбы за социализм, за глубокие культурные преобразования, подрывающие социальные корни религии.*

Одним из важнейших факторов, определивших массовый рост атеизма в СССР, явилась культурная революция, широко развернувшаяся под руководством партии в годы социалистического строительства. Среди культурных преобразований тех лет особое значение имела ликвидация массовой неграмотности населения. В 1932 году школы ликбеза окончило около 20 миллионов человек. В 1939 году грамотность населения составила уже 81,2 процента.

На смену старой деревне, где господствовал религи-

озный быт, пришла деревня новая — со школами, клубами, кино, избами-читальнями. На смену религиозным традициям и праздникам пришли советские традиции и праздники.

В период социалистических преобразований и культурной революции в нашей стране начался процесс массового отхода трудящихся от религии, который в конечном итоге привел к созданию нового, советского, атеистического по своему существу образа жизни.

В послевоенные годы развитие массового атеизма в СССР продолжилось, обозначился процесс дальнейшего падения влияния церкви на сознание людей. Число совершаемых церковных обрядов из года в год сокращалось. Количество венчаний в 1961 году составило 3 процента от всех бракосочетаний в стране, в 1967-м — 1,5, в 1972-м — менее 0,5 процента.

Значительным было и снижение количества крещений детей. Так, если в 1961 году по отношению к общему числу новорожденных этому обряду подверглось около 40 процентов детей, в 1967-м — 29, то в 1972 году — около 20 процентов.

Уменьшилось и число церковных отпеваний: в 1961 году оно составляло около 60 процентов от числа умерших, в 1967-м — 55, а в 1972 году — около 32 процентов, не считая так называемых «заочных» отпеваний. Это объясняется прежде всего тем, что гражданский похоронный обряд начал создаваться и входить в быт лишь в конце 1960-х годов.

При оценке современного уровня религиозной обрядности следует учитывать, что среди прихожан имеется немало людей, уже не являющихся по своему мировоззрению теми, которых принято называть верующими. Они еще продолжают посещать церковь и поддерживать ее материально, но делают это *не по убеждению*, а вследствие *предубеждений*, иначе говоря — под влиянием тех или иных свойств своей психологии, характера, житейских обстоятельств и т. д.

В наше время редкий человек, даже очень набожный, имеет более или менее определенное представление о боге, о всей совокупности религиозных мифов, а если и имеет, то вряд ли принимает их за истину.

Самым устойчивым и наиболее влиятельным оказался третий (после эмоционального) элемент религии — культ, так как он непосредственно соотносился с повседневным бытом людей, трансформируясь в их обыденные понятия, привычки, традиции и обычаи.

Религиозные праздники и обряды были тесно связаны с событиями жизни общин, родов, семей и отдельных лиц. Именно по этой причине церковные традиции и обряды оставались и остаются наиболее устойчивыми, наиболее медленно преодолеваемыми пережитками, причем они сохраняются в быту не только верующих, но и некоторых людей, представления и убеждения которых не имеют с религией ничего общего.

В дни обычных, будничных богослужений в городских церквях присутствует несколько десятков молящихся, преимущественно лиц преклонного возраста. Но вот наступают рождество, пасха, троица, и там уже людей больше. Среди них не только постоянные прихожане, но и неверующие, зашедшие сюда мимоходом, чтобы поглядеть на культовое праздничное действие. Многие из них не отказываются положить монету на тарелку собирателя «на нужды храма», купить свечу, чтобы сгладить неловкость от своего присутствия в компании богомольцев. То же самое можно наблюдать в дни религиозных праздников в костелах, синагогах, мечетях.

А. М. Горький писал: «В церкви была и есть красота, ядовитость которой искусно прикрыта отличнейшей музыкой, живописью, ослепительным блеском золота...»

Любование религиозной обрядностью может привести, а иногда и приводит, к возникновению у отдельных, наименее устойчивых в идейном отношении молодых людей стремления к посещению «божьего храма», к участию в отправлении религиозного культа.

Бывает и так, что религиозные обряды совершаются молодежью под влиянием бытовых условий, вопреки доводам рассудка и велению совести.

Вот один из примеров. У комсомольцев Татьяны и Виктора С. родилась дочка. Ее рождение зарегистрировали в местном загсе. А через полгода девочку отнесли в ближайшую церковь и там окрестили. Об этом узнали в коллективе, где работают молодые родители. На комсомольском собрании был заслушан вопрос о серьезном нарушении ими Устава ВЛКСМ, в котором четко записано, что каждый член ВЛКСМ обязан «вести решительную борьбу со всеми проявлениями буржуазной идеологии... с религиозными предрассудками...».

Виктору задали вопросы:

— Что заставило вас пойти в церковь? Верите вы в бога? Как вы оцениваете факт крещения вашей дочери?

Ответ последовал довольно странный:

— Нас никто не заставлял, а просто советовали, уго-

варивали, пугали, как бы чего не вышло плохого, если дочка не будет окрещена.

— Кто уговаривал, кто пугал?

— Соседка, бабушка одна... А в бога ни я, ни Татьяна не верим,— заявил Виктор.— Просто смешно было бы верить...

— Но почему же вы все-таки послушались советов бабушки?

— Видите ли, она иногда предлагала посидеть с дочкой, приглядеть за ней, но при этом ставила условие, чтобы мы ее окрестили. Вот мы и решили...

— Каково же ваше впечатление?

— Мы очень пожалели, что пришли, но было уже поздно. Все эти ужасные процедуры, раздевание малышки в холодной церкви, купание в купели, в которую окунали сначала мальчиков, а затем девочек, всякое мазанье маслом, выстригание волос... Да, да! А еще приговоры: «И дуни, и плюни на сатану». Священник заставляет держать свечку, креститься и многое другое. Мы-то в стороне стояли, а вот крестным досталось здорово. Вышли из церкви и молчим, словно обухом по голове ударили... Сейчас все это неприятно, а вот потом, когда дочка подрастет да узнает, что ее крестили, вот будет стыдно, это уж точно!

Случаи крещения детей, к сожалению, не единичны. И дело тут не в религиозности молодых родителей. Они, как правило, имеют весьма туманное представление о боге и особенно о «таинстве» крещения.

Следует отметить, что в последнее время юноши и девушки в вопросах религии все более серьезно обращаются к научной литературе, к музейным экспозициям, пытливно изучают культуру различных эпох. Этому способствует преподавание в вузах и техникумах основ научного атеизма. Пробел в атеистических знаниях и убеждениях молодежи все более восполняется.

Но религия еще не перестала существовать. Есть верующие, есть фанатики среди них. Служители и приверженцы культа в своей деятельности не ограничиваются воздействием лишь на прихожан, они влияют и на остальное население. Ведь что такое неверующие? Это люди, которые либо отрицают бога и церковь, либо относятся к ним безразлично, не испытывая никакой тяги к религиозной жизни.

Но само неверие в бога не есть еще научное мировоззрение, атеистическая убежденность, основанная на знании объективных законов развития природы и общества.

Поэтому индифферентизм неверия при известных условиях может привести к признанию религиозных «ценностей», в том числе и церковных традиций. Вот почему главное в современной атеистической пропаганде не просто отрыв населения от религии, не воспитание обыденного неверия в бога, а формирование подлинно научного мировоззрения у всех членов советского общества. Для этого принципиально важно, чтобы каждый человек мог с полным убеждением не только отрицать существование каких бы то ни было «сверхъестественных» сил, но и разоблачать несостоятельность доводов в пользу любой религии.

Индивидуальный опрос жителей ряда сел и деревень Ленинградской, Новгородской, Калининской, Московской, Ивановской и Владимирской областей, проведенный научными сотрудниками Музея истории религии и атеизма, показал, что большинство сельских жителей по своим взглядам — неверующие, а их отношение к религии — отрицательное.

Вот как объяснила свое отношение к религии и церкви одна пожилая колхозница из села Молочково Солецкого района Новгородской области: «Мы в бога не веруем и от бога не бегаем. А если и ходим в церковь, то для того, чтобы ребенка окрестить, или покойника отпеть, или повидаться с кем из других деревень. А дома и на работе никакого бога не знаем, зато кино любим и лекции в клубе слушаем с удовольствием».

Подобного рода мнения очень характерны для сельских жителей: веры в бога нет, а потребность в церкви, как в объекте, удовлетворяющем бытовые запросы, порой сохраняется, во всяком случае, до тех пор, пока не появятся соответствующие гражданские учреждения, полностью отвечающие новым взглядам и культурным потребностям людей. Это означает, в частности, что сельские клубы еще не стали учреждениями, которые взяли бы на себя организацию и проведение гражданских и семейно-бытовых обрядов, ритуалов и праздников. А между тем необходимость в этом возрастает по мере роста материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Выступая на семинарах и совещаниях, сельские клубные работники говорят о том, что у деревенских тружеников и их семей есть все необходимое для жизни: благоустроенные дома, электрическое освещение, радио, телевизоры, школы и больницы, продукты питания и промышленные товары, но все еще недостает культуры бы-

та и общения, которая не только исключила бы потребность в религии, но и обогатила жизнь новыми, безрелигиозными традициями, обычаями и ритуалами.

К сожалению, в настоящее время в условиях массового атеизма населения все еще сохраняются и поддерживаются религиозные обычаи. Одна из главных причин этого — относительное отставание быта от уровня развития материального производства. У нас еще имеются деревни, поселки, где не организован по-новому быт трудящихся. Как правило, религиозность там значительно выше, чем в реконструированных селах и городах.

В некоторых национальных республиках, областях и округах религиозные пережитки, связанные главным образом с обрядностью, переплетаются с националистическими. Нельзя забывать, отмечал Л. И. Брежнев, что националистические предрассудки, преувеличенное или извращенное проявление национальных чувств — явление чрезвычайно живучее, цепко держащееся в психологии людей, недостаточно зрелых в политическом отношении.

И сегодня встречаются еще порой люди, пытающиеся истолковать религиозность как проявление национальной «самобытности», а несоблюдение церковных обрядов и праздников — как отступничество от «заветов отцов и дедов». Вот примеры переплетения религиозных и националистических пережитков: паломничество верующих армян в Эчмиадзин с новорожденным сыном; конфирмация юношей и девушек у лютеран; обряд обрезания у иудеев и мусульман; уплата калыма и «умыкание» невесты у мусульман и т. п.

С подобными фактами нельзя не считаться. Успешное вытеснение религиозно-националистической обрядности во многом зависит от создания новых, советских, идейно насыщенных и эмоционально ярких обрядов и ритуалов. По этому пути пошла, например, общественность Эстонии, установившая в противовес протестантскому обряду конфирмации праздник юности, получивший название «Йоносы» — «Летние дни». Если несколько лет назад конфирмация была массовым обрядом, то теперь в эстонских городах и рабочих поселках она стала единичным явлением.

Социалистические праздники и обряды представляют собой важный элемент духовной культуры советского народа и социалистического образа жизни. Они способствуют развитию новых, коммунистических отношений, упрочению связей между личностью и обществом, воспи-

танию чувства долга и личной ответственности перед людьми и обществом в целом. В этих обрядах и праздниках аккумулируются и отражаются весь социальный опыт, традиции, мировоззрение и духовные идеалы советских людей. В условиях зрелого социалистического общества праздники и обряды становятся одним из средств коммунистического переустройства быта, создания новых революционных традиций, способствующих развитию коммунистической культуры советского народа.

Народные традиции, обычаи, праздники и обряды привлекают все более пристальное внимание советских философов, педагогов, социальных психологов, клубных работников не только в связи с академическими интересами, а прежде всего как средства и способы восприятия и усвоения новыми поколениями прогрессивных традиций и обычаев советского народа. Их привлекает опыт трудящихся прошлых эпох в организации своих отношений с целью усиления их воспитывающего воздействия на молодежь. Этот опыт необходимо исследовать для восстановления форм, способов и приемов народной педагогики, нравственного и эстетического воспитания, для того, чтобы понять объективные законы, управляющие формированием народного образа жизни, уяснить точное место роли обрядности в нашей жизни.

«Марксизм...— по словам В. И. Ленина,— переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры».

В нашем обществе претворяется в жизнь идея К. Маркса о том, что «всякая нация может и должна учиться у других», высказанная им в «Предисловии к первому изданию „Капитала“». Эта мысль нашла свое развитие в работе В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», где он писал о необходимости «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...».

В той же работе В. И. Ленин, выдвигая основные принципы образования общенациональной культуры, особое внимание уделял национальным различиям, указывал, что «эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе...».

Проблема органического сочетания национального и интернационального в советской гражданской обрядно-

сти тесно связана с проблемой соотношения современного и традиционного, вновь создаваемых обрядов и фольклора. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин интересовался обрядовой поэзией и подчеркивал ее историческую и художественную ценность. В статье В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» говорится: «Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством». По ленинским словам, традиции следует не только развивать, укреплять, но и создавать.

Процесс непрерывного развития духовной культуры нашего общества придает советским обычаям и обрядам революционный характер, так как они способствуют развитию и утверждению новых форм жизни, воспитанию нового человека. С их помощью преодолевается все то устаревшее и отжившее, что мешает развитию гармоничной личности. Праздники и обряды имеют регулятивное значение, придают ритмичность жизни человека в обществе, определяя время его труда и отдыха, будней и веселья, его связь с прошлым, настоящим и будущим.

Следует подчеркнуть еще один важный принцип формирования социалистических праздников и обрядов — сочетание в них традиционно устойчивых и традиционно обновляемых черт народной обрядности, благодаря чему они, праздники, имеют тенденцию постоянного развития, так как к их устойчивым элементам прибавляются новые, более совершенные элементы, привносимые изменяющимися условиями жизни и быта людей.

Не менее важным представляется вопрос о выяснении основных социальных функций традиций и обычаев и всей системы народных праздников и обрядов, среди которых следует особо выделить социально-психологическую, воспитательную и регулятивную функции.

Социально-психологическая функция народных обычаев проявляется в том, что с помощью обрядов и праздников устанавливается живая связь времен, происходит непосредственный процесс восприятия или наследования социального опыта предшествующих поколений, их нравственных ценностей и идеалов.

Важнейшей функцией советских обрядов и праздников является *воспитательная функция* — воспитание человека в семье, в коллективе, в обществе. Здесь главное — комплексный подход к вопросам коммунистического воспитания, когда идейно-политическое, нравственное и трудовое воспитание выступают в своем органическом

единстве и взаимообусловленности, а передача новым поколениям революционных, боевых и трудовых традиций становится одной из задач партии, комсомола и профсоюзов.

Большое значение имеет и *регулятивная функция* общественных традиций. Она выступает как метод поведенческой регуляции всей повседневной жизни и трудовой деятельности людей, направляя ее в русло нравственных принципов, законов и идеалов общества, создавая наиболее оптимальные условия для проявления коллективных эмоций.

Регулятивная функция общественных традиций осуществляется благодаря имеющимся в обществе обычаям, которые представляют собой совокупность средств и способов передачи социального опыта жизни людей на данном этапе, определяемых и регулируемых общественным мнением. Таким образом, каждая традиция находит свое жизненное, или сущностное, проявление в соблюдении того или иного обычая, выражаемого нормой поведения, способом общения, торжеством, праздником, обрядом или ритуалом, и в этом конкретном проявлении применение обычая используется всей системой наших учебных и культурно-просветительных учреждений в качестве одного из методов обучения, образования и воспитания детей, подростков и молодежи.

Наиболее распространенным средством социальной регуляции поведения является **ритуал** (обряд). Он представляет собой исторически сложившуюся или специально утвержденную стереотипную форму массового поведения, выражающуюся в повторении стандартизированных действий.

Развитие новой, социалистической обрядности имеет тенденцию выработки как единых для всей страны обрядов и ритуалов, так и творческой разработки обычаев, имеющих местный (локальный) или национальный характер и колорит, то есть выработки таких обрядовых действий, которые соответствуют культурным достижениям и потребностям каждой социалистической нации. Так, в обрядах большинства республик СССР с успехом используются народные эпические, художественные образы, национальные мелодии и мотивы, символы, наряды и уборы. Этот процесс развития национальных и интернациональных черт обряда будет всемерно углубляться и расширяться. Здесь особое значение имеет работа культактива, которая проявляется по линии организации праздничных и обрядовых игр и представлений, сбора

этнографического материала, изучения традиций и обычаев своего народа, своего края, использования материалов научных исследований, а также привлечения опытных специалистов по драматургии и режиссуре для создания наиболее совершенных обрядовых и праздничных театрализаций.

Базой обрядотворческой деятельности развития и совершенствования новых праздников и обрядов были и остаются клубы. В связи с этим профессиональная подготовка клубного методиста включает в себя изучение форм и методов проведения обрядов и праздников, их специфических черт и особенностей, определяемых для конкретной области и района страны, для того или иного профиля производственной деятельности.

Клубный специалист должен овладеть знанием этнографии и демографии своего края, его национальных и народных обычаев как в прошлом, так и в настоящем; он должен научиться проводить новые праздничные представления, игры и обряды, используя фольклорное и народное искусство, отбирая из него самое ценное, полезное и исключая все ненужное, вредное, то есть то, что несет в себе мотивы патриархальщины, узколобого национализма, религиозного мракобесия. Особое значение при этом приобретает борьба с так называемыми «питейными традициями», которые проникают в наш быт как пережитки варварства, дикости буржуазного прошлого.

Инициаторами и энтузиастами создания новой, социалистической обрядности и праздников повсеместно выступили клубные специалисты. Так, в Перми в начале 60-х годов на базе Дворца культуры имени Я. М. Свердлова был создан один из первых методических кабинетов по разработке трудовых, военно-патриотических и семейно-бытовых обрядов, который возглавлял опытный методист и пропагандист Е. Н. Климов. Под его руководством были созданы сценарии многих обрядов и ритуалов, получившие затем широкое распространение во многих областях РСФСР. Заслуга Е. Н. Климова еще и в том, что он создавал эти сценарии на основе многолетнего сбора материалов и обобщения опыта работы клубов ряда городов и республик и, таким образом, сумел создать типовые варианты обрядов, ритуалов и праздников. Это был первый этап развития новой обрядности.

На втором этапе происходил процесс углубленного творческого развития и совершенствования новых обычаев в соответствии с условиями жизни советского наро-

да. Главным здесь были поиски художественного, образного воплощения обрядового действия, а также создание необходимых условий для его проведения — Дворцов, ритуальных залов, павильонов, мемориалов и т. п. Появились совершенно новые учреждения для проведения народных торжеств — Дворцы счастья, Дома свадебных и юбилейных торжеств, Дворцы именнаяречения.

В связи с этим возникла необходимость специализации клубных работников как методистов и организаторов новой обрядности. Теперь во многих областных и районных центрах РСФСР на базе отделов культуры советов профсоюзов успешно действуют методические кабинеты, а также методические советы по организации и проведению обрядов и праздников. Здесь сосредотачиваются все необходимые материалы (архивы, образцы реквизита, фото- и кинодокументы), которые используются клубными режиссерами для создания сценариев проведения тех или иных празднеств.

Особо важное значение имеет подготовка методистов новой обрядности в системе высших и средних учебных заведений. Так, с начала 70-х годов в Ленинградской Высшей профсоюзной школе культуры ведется спецкурс на тему «Народные праздники и обряды». В течение двух семестров студенты изучают историю и теорию культуры, народные традиции и обычаи, посещают занятия, проводимые в Музее этнографии народов СССР, в Музее истории религии и атеизма, в Русском музее и в Эрмитаже. Программой курса предусматривается изучение обрядотворческой деятельности ленинградских клубных учреждений, Домов свадебных и юбилейных торжеств. Студенты пишут рефераты, курсовые и дипломные работы на темы сценарной разработки и режиссуры новых обрядов и праздников. Подобного рода специализацию следует вести на базе всех наших институтов культуры и культурно-просветительных школ, так как потребность в таких методистах ощущается повсеместно.

Успех внедрения в быт трудящихся новых обрядов или праздников во многом зависит от того, какое внимание проявляют к ним партийные, профсоюзные, комсомольские организации и государственные учреждения, какое место они занимают в деятельности клуба, как организуются и проводятся. Из всех форм культурно-просветительной работы эта — наиболее сложная и трудоемкая, так как она обращена к жизни и быту конкретных людей и имеет своей целью создание новых способов общения, новой социалистической культуры быта.

Во все времена устройством праздников и обрядов занимались и государство, и церковь, и все политические организации и учреждения, тем более эта функция характерна для нашего социалистического строя. Поэтому главную роль в организации и проведении обрядов и праздников играют партийные, комсомольские организации городов и сел, госучреждения и исполкомы Советов народных депутатов, а также работники школ, вузов, военкоматов, отделов культуры облсовпрофов и другие. Они являются основными организаторами праздников, обрядов и ритуалов. Клубные учреждения становятся базой проведения большинства обрядовых игр, однако они должны заниматься и вопросами тематической, сюжетной и художественной разработки обрядов, обрядовых образов и персонажей, режиссурой и постановкой праздничного представления.

Важной задачей клубов является также пропаганда новых социалистических обычаев, лучших методов их проведения. В этой связи полезной и плодотворной представляется работа клубов по проведению циклов тематических вечеров «Праздник пришел в твой дом», «Вечно живой обряд» и других. Их цель — научить людей обрядовым играм, обрядовым действиям, приемам массового праздничного представления. На этих вечерах найдется время и для серьезного разговора о нравственных принципах, о вкусах, о художественной культуре быта, о культуре личности и семьи, о вреде таких пережитков, как пьянство, грубость, эгоизм, равнодушие к людям и к общественной жизни. Можно разыгрывать с участием коллективов художественной самодеятельности такие обрядовые представления, как свадьба, помолвка, новоселье, встреча или проводы зимы, весны и лета, праздники городов, улиц, дворов и т. д. В дальнейшем это поможет клубным работникам организовать обрядовые празднества в своем районе, сделать их традиционными, привлечь к ним широкие массы.

Для обеспечения общего руководства работой всех учреждений города и области по внедрению в быт новой, социалистической обрядности при исполкомах Советов народных депутатов создаются обрядовые комиссии. Совместно с облсовпрофом они не только осуществляют разработку гражданских ритуалов и праздников, но и следят за их проведением на местах. На ежемесячных совещаниях комиссии обсуждаются представляемые сценарные планы, обрядовые тексты, рассматриваются проекты ритуальных залов и интерьеров, ритуальных

облачений, символических обрядовых предметов и знаков, а также вопросы финансирования проводимых мероприятий.

В состав обрядовых комиссий входят представители областных и городских партийных, советских и комсомольских организаций, областного совета профсоюзов, творческих союзов — писателей, журналистов, художников, композиторов, представители вузов, Дворцов культуры, музеев, обществ ДОСААФ и «Знание», горвоенкомата, работники отделов загса, Дворцов бракосочетания, клубные методисты и другие.

Обрядовые советы или комиссии нередко создаются также при Дворцах и Домах культуры. Они составляют праздничные и обрядовые календарные планы; утверждают сценарии проведения праздников, обрядов и ритуалов. Особое внимание уделяется художественному оформлению советских обрядов и праздников, созданию образцов праздничной одежды, символов, музыкальному сопровождению и т. п. Кроме того, обсуждаются вопросы о сооружении и оборудовании мемориалов, обрядовых площадей, садов, парков и аллей, о проведении молодежных субботников и воскресников.

Обрядовые комиссии подготавливают Книги почетных горожан или односельчан, Памятные книги, в которые навечно заносятся имена умерших людей, отличившихся трудовой доблестью и высокими моральными качествами.

Иногда в помощь клубным обрядовым комиссиям создаются советы старейшин города, района или села, в состав которых включаются ветераны партии и комсомола, герои труда и войны, заслуженные учителя. Советы старейшин могут не только сделать много полезного в разработке обрядовых действий, но и помочь обрядовым комиссиям отобрать из арсенала народных обычаев наиболее полезные по своему воспитательному воздействию элементы.

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБРЯДОВ

Народные праздники и обряды постоянно развиваются, обогащаются, отвечая новым требованиям жизни. В Программе КПСС говорится: «Культура коммунизма, вбирая в себя и развивая все лучшее, что создано миро-

вой культурой, явится новой, высшей ступенью в культурном развитии человечества. Она воплотит в себе все многообразие и богатство духовной жизни общества, высокую идейность и гуманизм нового мира».

Изучение процессов утверждения обычаев и традиций может быть полезным для понимания тенденций и форм развития советского образа жизни, для научного обоснования путей его совершенствования.

В далеком прошлом суть обряда была тесно связана с «технологией производства», например с охотничьим промыслом, со стремлением как можно лучше подготовиться к этому сложному и ответственному трудовому процессу, потренироваться перед серьезным испытанием, что выражалось в форме своеобразного танца. Это свидетельствует о том, что еще при формировании первых древних обрядов они получали определенное художественное оформление. И это вполне естественно. Обряды и сегодня в какой-то мере, прежде всего эмоциональной, смыкаются с искусством, с его разными областями — музыкой, пением, драматическим действием, танцем. Они появились как результат трудовой деятельности людей, как органическое и в определенной мере художественно-эмоциональное дополнение этой деятельности.

Современные обряды и торжественные ритуалы содержат в себе принципиальную, строгую оценку трудовой деятельности и поведения человека, отмечая каждого по его заслугам и способностям. В этом качестве они приобретают силу нравственного закона. Главное в советских обрядах и ритуалах — сознание высокого долга и ответственности их участников перед обществом, перед коллективом и семьей.

Обрядотворческая деятельность в нашей стране за последние десятилетия прошла несколько этапов своего развития. Если на первом этапе (60-е годы) ставился вопрос, почему необходимо создавать заново или разрабатывать совершенно новые формы регуляции общественных процессов и развивать дальше праздничную культуру советского народа, то на втором этапе (70-е годы) решался вопрос о том, какие конкретно обряды мы должны создавать и с помощью эксперимента определять, имеют ли они право на существование. Нынче, на третьем этапе, решается проблема творческого совершенствования новых гражданских обрядов, ритуалов и праздников, соответствующих высоким этическим, эстетическим и атеистическим взглядам и принципам нашего современника.

Праздники и гражданские обряды воздействуют на все сферы человеческой жизни, прежде всего на труд, они выступают как регулятор человеческих взаимоотношений. И чем красочнее, торжественнее они будут, тем сильнее их воздействие на личность. При этом использование народных обрядовых форм и отдельных их элементов целесообразно лишь в тех случаях, когда они переосмыслены с позиций социализма. В. И. Ленин учил отбирать и беречь наиболее ценные, подлинно народные традиции и внедрять их в современный быт трудящихся. Он говорил: «...мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только и безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации».

Ленинское учение о двух культурах позволяет правильно понять и предпосылки формирования социалистической обрядности.

Традиции и обычаи, праздники и обряды являются своего рода эстафетой, с помощью которой уходящее поколение передает новому выработанный опыт, навыки и помогает потомкам воспринять и сохранить все лучшее, что было создано ранее. Но этот поступательный характер в развитии традиций и обычаев вовсе не означает спокойного и непрерывного движения от низшего к высшему. Происходит борьба нового со старым.

Само собой разумеется, советские люди не могут наследовать все то, что пришло к ним из прошлого. Возникает проблема, сложная и противоречивая, проблема о новом и старом в обрядности, о взаимоотношении современного и традиционного. Это вопрос о творческой переработке и дальнейшем совершенствовании прогрессивного наследия прошлого, об отборе всего лучшего, что содержат старые праздники и обряды, очищенные от религиозного и наполненные новым содержанием.

Нельзя забывать и о классовом характере традиций и обычаев. Вот почему мы говорим об *у м е л о м* использовании народных обычаев, о *т р е б о в а т е л ь н о м* их отборе и во многих случаях о *п р е о б р а з о в а н и и* и *м о д е р н и з а ц и и* их.

Обычаи и традиции исключительно устойчивы. Это их главная, определяющая черта. Но они зависят от условий жизни, от уровня социально-экономического и культурного развития общества. Правда, эта зависимость не прямая, а косвенная и достаточно сложная. Порой получается так: условия жизни изменились, уро-

вень ее повысился, а тот или иной устаревший бытовой обычай еще живет в прежней своей форме, вступая в противоречие с новым укладом жизни. Ввиду этого все обряды и праздники, а также отдельные элементы обрядности, которые перешли в советское общество из старого, можно разделить на четыре группы.

Первая группа включает в себя праздники, обычаи и обряды или элементы обрядности, сохранившие свое первоначальное консервативное содержание и превратившиеся в нашем обществе в анахронизм. К ней относятся все те обряды и обычаи, которые связаны с прошлым социальным и экономическим неравенством, унижают достоинство человека, носят религиозно-мистический характер, подчеркивают бывшее неравноправие женщин. Таков, например, обычай «выкупа» невесты. Он ведет свое начало от патриархального быта. След этого обычая сохранился в современной сельской свадьбе. На пути к невестиному дому устраивают «засаду» и, когда появляется жених, его останавливают и требуют от него «выкуп».

Вторая группа — это обряды, хотя и утратившие свое прежнее содержание, но не соответствующие духу нашего времени. Многие их элементы сами по себе интересны и самобытны, но из-за своей архаичности не волнуют людей, особенно молодежь. Они приносят в празднество искусственность и театральность, как, например, некоторые старинные свадебные песни, архаические формы и формулы приветствия, старинные народные одежды и танцы.

Третья группа — народные обряды, обычаи и праздники, сохраняющие свой изначальный этический смысл и как по содержанию, так и по форме отвечающие требованиям современности. Это прежде всего требование почитания родителей, родственного расположения, гостеприимства, соблюдения правил этикета.

Четвертая группа — обряды, обычаи и праздники, которые, качественно изменив первоначальное содержание, сохранили свою жизнеспособность и приносят общественную пользу. К ним относятся древние народные традиции, связанные с трудовой деятельностью человека, обычаи, отражающие перемены в жизни людей, или праздники календаря (например, проводы зимы).

В социалистической обрядности используются праздники и обряды двух последних групп.

Одним из истоков современной обрядности является этнографическая культура, которая постоянно изменяет

свой характер в соответствии с изменением общественно-экономических отношений. Однако нельзя забывать о том, что она все еще «живой» организм, а не просто исторический памятник со следами декоративности и символики. Следовательно, ее особенности должны находить отражение в современном социалистическом обряде, чтобы люди воспринимали его близко к сердцу, чувствовали его *своим* обрядом, а не чем-то искусственно включенным в их жизнь.

Социалистический обряд должен отвечать двум требованиям: быть традиционным и соответствовать социальной природе нового общественного строя. Истоками современного обряда являются, как уже было сказано, этнокультура, революционные традиции и социалистическая культура. Конечно, с изменением классовой базы постепенно стирались грани между этнокультурой, как особым слоем, и общей социалистической культурой. Но это происходило не сразу и вело не к гибели этнокультуры, а только к ее переосмыслению.

Наиболее ценные элементы народной обрядности преломляются во многих торжественных ритуалах, которые со временем могут перерасти в сложные композиции и обрядные действия.

Использование элементов старых обрядовых форм в новых обрядах должно быть связано с той функцией, которую выполняет обряд. Необходимо учитывать, является ли данный элемент символическим выражением чувств людей, стал ли он привычным в связи с тем, что действовал в течение многих лет. Но такие элементы необходимо подчинить новой для них функции современных обрядовых действий.

Критическое переосмысление, переработка того, что создано в прошлом, является одной из характернейших черт образования советской праздничной системы.

Известный советский исследователь проблем обрядности Д. М. Угринович выделяет следующие, на его взгляд важнейшие, условия и предпосылки, делающие заимствование старых обрядовых форм и элементов оправданными: «Во-первых, необходимо учитывать, может ли та или иная традиционная ритуальная форма выразить новое идейное содержание, или, по крайней мере, не противоречит ли она ему.

Во-вторых, следует постоянно учитывать в процессе использования старых обрядовых форм их соответствие с современными условиями жизни и быта людей. Ритуальное оформление тех или иных событий во многом за-

висит от образа жизни людей, размеров городов и сел, численности населения, наличия тех или иных средств передвижения, условий быта и т. п.».

Некоторые авторы высказывают мнение, что обряд может оказывать эффективное эмоционально-психологическое воздействие на людей, только пока он нов, не превратился в традицию, не стал стереотипным, и считают преувеличенными надежды, возлагаемые на роль новых обрядов в коммунистическом воспитании трудящихся. По их мнению, отмечает Д. М. Угринович, как только обряд утрачивает свою новизну, как только он превращается в «шаблон», он сразу же перестает оказывать эмоциональное воздействие на людей.

Но не надо забывать о том, что то или иное символическое действие может стать обрядом, только превратившись в стереотип, каждый элемент которого однозначно воспринимается как символическое воплощение определенных идей и представлений. Здесь следует сказать, что обряд вообще не может существовать без стереотипа символических действий.

Нельзя утверждать, что повторение впечатлений всегда уменьшает силу их эмоционального воздействия. Напротив, очень часто бывает так, что возобновление привычных человеку впечатлений, образов и ассоциаций делает его переживания особенно глубокими и интенсивными. Известно, например, что первое восприятие музыкального произведения не всегда «западает в душу». Зато какие сильные переживания может вызвать песня или мелодия, которую человек любил в детстве и которую снова услышал после длительного перерыва!

Нечто сходное можно сказать и об обряде. Чем более знаком, близок, привычен ритуал, тем ярче и глубже он может восприниматься его участниками. Не нужно забывать, что обряды оформляют важные события в жизни общества, группы, семьи, личности,— события, которые сами по себе не могут не вызывать волнения. «Обряд не столько создает сам по себе переживания участников (хотя этот момент также присутствует), сколько формирует привычное русло для этих переживаний и тем самым углубляет и интенсифицирует их. Поэтому обрядовый стереотип никак нельзя считать препятствием на пути эмоционального воздействия»,— отмечает Д. М. Угринович.

В условиях неуклонного повышения материального и культурного уровня жизни советских людей первостепенное значение приобретает необходимость выработки

научно обоснованной программы целеустремленного формирования правильного отношения к социалистической обрядности.

В обряде всегда необходимо различать его функцию и форму. Прежде всего необходимо обратить внимание на форму, потому что она может изменяться, совершенствоваться, сохраняя при этом функцию обряда. Это видно на примере христианской обрядности, которая, появившись 300 лет спустя после возникновения христианства, постоянно изменялась. Церковь сама вырабатывала обряды, уничтожала их или изменяла, приспособляя некоторые языческие обряды к христианскому культу.

Современные обряды по форме и содержанию все больше и больше соответствуют насущным задачам социалистического строительства.

С изменением и совершенствованием формы необходимо совершенствовать и развивать структуру обрядов. Главным элементом современного обряда является его *художественная основа*, которая несет в себе эмоциональную воспитательную силу.

Народные обряды, как уже говорилось, не «внедряются», не диктуются сверху директивными документами. Их нельзя «ввести» в сознание людей, в их быт. Они действуют в области эмоций, чувств, переживаний; они рождаются и утверждаются только и тогда, когда для этого появляются необходимые условия. Их жизненность в том, что они возникают исключительно из стремления самих людей, обуславливаются обстановкой жизни, труда и традициями.

В дореволюционном классовом обществе соблюдение религиозных обрядов было обязательным, носило характер регулятора общественной жизни. Их «внедрение» осуществлялось не только церковью, но и законом со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до карательных мер.

В социалистическом государстве соблюдение обрядов приобрело иной смысл. Конституцией СССР гарантирована свобода совести, свобода вероисповеданий, а значит, и свобода религиозных обрядов. Но в то же время Конституция провозгласила и свободу атеизма, а значит, и свободу отправления *безрелигиозных обрядов*, свободу идейного наступления на религию и ее обряды. А это длительный процесс.

Для того чтобы бороться с религией, необходимо совершенствовать и обогащать идейное содержание и ху-

дожественную основу обряда. Учитывая его многочисленные социальные функции, многостороннее влияние на личность, возможность удовлетворения художественно-эстетических потребностей людей, необходимо глубоко изучать механизм воздействия обряда на массы. Все, что есть самого ценного, накопленного за многовековую историю обрядности, следует хорошо знать и уметь использовать. Красивое, говорил В. И. Ленин, нужно сохранять, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него как от исходного пункта для дальнейшего развития только на том основании, что оно старое?

Н. Г. Чернышевский говорил, что *прекрасное есть жизнь и, следовательно, цель жизни тоже есть жизнь, если она обладает той радостью бытия, которая приобретается в непрерывной борьбе за достижение высших идеалов человеческого общества*. Без этого сознания нет и не может быть подлинного человеческого счастья, и потому, наверное, так жизненно необходимо каждому сознание и ощущение личной причастности к труду и творчеству советского народа, к его борьбе за светлое будущее людей, к простым и мудрым по своему внутреннему смыслу традициям своего класса. *Всякий труд на благо общества определяется не только его материально вещественным содержанием, но и духовным смыслом*, который люди труда выражают посредством проведения своих праздников и обрядов.

ФОЛЬКЛОР И ИСКУССТВО — СРЕДСТВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОБРЯДНОСТИ

У каждого народа есть свои обычаи. Именно они определяют правила общественного поведения людей, соблюдаемые в силу установившейся привычки. Однако обычаи не есть нечто раз и навсегда данное. Изменение материальных условий жизни общества, смена общественных формаций ведет к изменению обычаев. Одни из них отмирают, уступают место новым, другие изменяются, обогатившись современным содержанием.

Жизнь не стоит на месте. Все чаще в нашем обществе личное, на первый взгляд, сугубо индивидуаль-

ное, становится общим делом, заботой друзей, товарищей, всего трудового коллектива. Да и как же иначе, если счастье людей, живущих в обществе развитого социализма, возможно лишь в коллективе, а не вне его!

В традициях советского народа много обычаев, в основе которых лежит принцип коллективности, доброго общения между соседями. Издавна люди собирались вместе, чтобы попеть, потанцевать, обсудить новости, послушать интересного человека, посмотреть народное представление. Даже пряли и шили часто не в одиночестве, а собирались группами у кого-либо из соседей.

Но вернемся к праздникам. Они только тогда станут полноценными, запоминающимися, если будут массовыми, коллективными, яркими. Современные праздники и обряды — явление общественное. Это выражение всеобщего приподнятого настроения.

«Делу — время, потехе — час!» — гласит народная мудрость. И этот час должен быть красочным, эмоциональным, объединяющим людей и несущим им радость. Главное — дать простор народной инициативе, привлечь к празднеству не только юношей и девушек с их молодым задором, но и людей пожилых, в памяти которых еще живы многие полезные народные обычаи. Пусть и те, и другие собирают «изюминки» интересного, созданного народом в прошлом и в настоящем, а затем писатели, поэты, журналисты, композиторы, художники, участники самодеятельности воплотят все собранное в новый праздничный сценарий.

Дать современной советской обрядности репертуар — задача большой важности. Создание полноценного художественного репертуара для новых праздников невозможно без творческого освоения прогрессивных народных традиций прошлого, без изучения всего того, что и поныне рождается в быту народа. Организаторы праздников, клубные работники, участники художественной самодеятельности должны примечать рожденные жизнью традиции, закреплять их. При этом следует помнить, что новый праздничный репертуар может постепенно войти в быт как *обрядовый*, если его пропагандировать не только со сцены.

Праздники — одна из наиболее массовых форм коллективного творчества, в котором органически сливаются все виды самодеятельного искусства народа. В них активно участвует все население, независимо от возраста.

Во всех без исключения народных празднествах и обрядах центральное место отводится художественной самодеятельности. Искусство масс, которое особенно ярко проявляется здесь, придает определенность и устойчивость всей эмоциональной форме обряда. Известно выступление В. В. Вересаева в 1926 году, в котором он говорил: «Главное же, вся сила, все значение обряда именно в художественной закреплённости, в том, что он дает уже готовое русло для проявления теснящихся в душе чувств, избавляя человека от необходимости искать в минуту сильной эмоции путей для ее проявления».

Современные праздники и обряды, богато насыщенные народной художественной самодеятельностью, резко противостоят старым, религиозным обрядам. Роль новых обрядов в преодолении религиозности несомненна. Об этом свидетельствуют и результаты социологических исследований.

В наши дни новые народные праздники и обряды направлены не только против религиозных предрассудков. Они вошли в жизнь и сознание советских людей как их собственные праздники, так же, как вошло в сознание народа самодеятельное искусство, без которого немыслимо ни одно общенародное торжество. Это относится не только к новым праздникам, обрядам и обычаям, рожденным революцией и социалистическим строительством, но и ко многим из тех, которые имеют многовековую историю. Так, современный свадебный обряд не ассоциируется со старым обрядом, сопровождавшимся причитаниями и другими ритуалами, включая «тайнство» церковного бракосочетания.

Народные праздники и обычаи, народное искусство формируются теперь на принципиально новой, *исторической* основе. Из художественной культуры прошлого народ берет только ее *демократические* элементы.

С изменением сознания народа, его эстетических воззрений возникло и новое отношение к былинам, к лирической песне, сказке и другим жанрам классического фольклора. Они стали восприниматься как исторические и художественные памятники, широко вошедшие в современное искусство и литературу.

Но обратимся к конкретным формам советского народного искусства. Это необходимо для подтверждения выдвинутого положения о том, что синтез народного и профессионального творчества является художественной основой современного социалистического обряда.

Большинство исследователей, собирающих произведения народного творчества, обращают внимание на их идейно-художественное содержание, обусловленное возросшим уровнем народной культуры и ее связью с профессиональным искусством. Для народного творчества решающей является роль всеобщего образования, которое обеспечивает широким массам возможность чтения и изучения художественных произведений. Это обстоятельство сказывается не только в новых произведениях, которые в подавляющем большинстве созданы в границах современной формы, но и в освоении классического наследия.

Давно уже установлено, что, например, сказочный эпос, подвергаясь творческой переработке, испытывает явное влияние литературного языка. Еще более это сказывается в развитии такого массового и наиболее «молодого» жанра устной поэзии, как частушка.

Анализ художественных образов, поэтических средств и языка современной частушки свидетельствует о безусловном ее родстве с современной поэзией. Появилось даже деление частушки на «народную», то есть более тесно связанную с традицией классической песенной поэзии, и «литературную», хотя грани между ними устанавливаются далеко не всегда, поскольку популярность их в народной среде определяется не этим делением, а их идейно-художественной ценностью.

Если так обстоит дело с классическими жанрами народной поэзии, то связь ее новых жанров (начиная с революционных песен — рабочего фольклора) не только с устными, но и с литературными традициями не вызывает сомнений.

Очень интересный в этом отношении материал дают фольклорные экспедиции, изучение репертуара народных ансамблей, хоров и отдельных исполнителей. Любое проявление их творческой самостоятельности, как правило, связано с ростом их общелитературного и общемusыкального образования. Это подтверждается материалами любого фольклорного сборника, содержащего новые произведения, даже если они созданы в традиционном фольклорном стиле. Речь идет, разумеется, не о подражании литературным произведениям, а о творческом освоении народными массами новой художественной культуры.

В подлинно народном творчестве важна не только количественная, но и качественная сторона: миллионы творцов нового создавали ту атмосферу, в которой рос-

ли и получали признание выдающиеся деятели советского искусства.

Современный художественный опыт подтверждает тесное сближение и взаимосвязь народного и профессионального творчества, и поэтому строить всю работу по оформлению советских обрядов и праздников *только* на основе самостоятельности было бы ошибочно. Нельзя забывать о роли профессионального искусства, о его воздействии на личность.

Как уже отмечалось, одной из существенных причин живучести религиозных обрядов и праздников является их театральность, большая сила эмоционального воздействия. Борясь за продление своего влияния на «паству», служители культа, какую бы религию они ни представляли, используют самые разнообразные средства, в том числе все виды искусства — музыку, пение, церковную живопись, скульптуру и т. д.

Успешно противостоять эмоциональному влиянию религиозного культа можно и должно. Для этого необходимо создавать новые яркие праздники и приобщать широкие массы к искусству, роль которого в атеистическом воспитании исключительно велика. Она далеко не исчерпывается исполнением и распространением антирелигиозных пьес и фильмов. Искусство способно организовывать и направлять эмоциональную сторону человеческого поведения.

Удовлетворяя эстетические потребности людей, искусство, в том числе и самостоятельное, ослабляет эмоциональное влияние религии на верующих. *Об этом всегда должны помнить клубные работники.*

Творческая интеллигенция может создавать произведения для советской обрядовой системы, песни «красного календаря», песни для новых обрядов, рожденных в нашем быту. Ведь некоторые песни, которые были созданы совсем не для обрядов, оказались очень уместными на праздниках или стали ритуальными. Для примера можно отметить песню «Пусть всегда будет солнце», которая звучит при торжественной регистрации новорожденных.

Поэт Лев Ошанин рассказывает о самом маленьком авторе известных во всем мире песенных строк, о четырехлетнем Косте, который, услышав новое для себя выражение «Пусть всегда», потом долго прыгал и пел:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,

Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!

Было это давно. Что произошло дальше со строками «Пусть всегда будет солнце...», знает каждый, как и саму песню, озаглавленную этими словами.

Всем известны и массовые театральные представления первых лет революции, для которых подмостками, вернее, ареной действий служили площади Петрограда, Москвы и других городов.

В работе по проведению обрядов есть одна очень важная сторона — участие общественности, трудового коллектива, клуба. Рассмотрим этот вопрос применительно к свадебному обряду.

Далеко не все молодые люди и их родители в состоянии самостоятельно подготовить праздник любви и счастья. Без помощи профсоюзного комитета и друзей — комсомольцев — здесь не обойтись. Кому, как не рабочему коллективу надо позаботиться о том, чтобы свадьба была хороша!

В противоположность церковному обряду венчания «рабов божьих», унижающему достоинство человека, в современном социалистическом обряде соединяют свои жизни два свободных гражданина, два полноправных члена нашего советского общества. Каждый молодой человек достоин внимания коллектива. Стоит ли говорить, что чуткое, теплое отношение к нему преображает его, делает счастливее.

Важное место должно быть уделено музыкально-хоровому оформлению свадьбы. Не обязательно иметь хор и оркестр, можно использовать грамзаписи или магнитофонные пленки, например запись полонеза из оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского или другие классические произведения. Они украсят свадьбу, придадут ей торжественность. А если молодожены — участники художественной самодеятельности? Тут не обойтись без выступления их товарищей из хора и танцевального коллектива.

Или возьмем другой обряд — похороны. Неправильно некоторые говорят, что мертвому не нужно ничего и зачем тратить время на торжественные траурные обряды похорон или обряды, посвященные памяти тех, кого уже с нами нет. Эти люди забывают, что обряды и ритуалы, связанные с памятью умерших или погибших, нужны живым. Для близких и родственников — это знак внимания. Такое остается в их сердцах на всю жизнь.

К сожалению, проводы человека в последний путь

часто проводятся нами бледнее, чем в церковном обряде. Не всегда руководители предприятий и учреждений, профсоюзные активисты, клубные работники бывают внимательны к семьям и близким покойного.

Чтобы бороться с церковным обрядом похорон, необходимо противопоставить ему новый, советский, безрелигиозный обряд, соответствующим образом оформить его, создать запоминающиеся траурные ритуалы с использованием проверенных временем музыкальных произведений.

Всякое торжественное ритуальное действие только тогда переходит в традицию, когда многократно повторяется в одинаковых закрепленных формах, входит в привычку, когда исполнение его становится органической потребностью.

В прошлом обряды были насыщены эмоционально-эстетическими элементами — подходящими к данному моменту песнями, игровыми сценами. Каждое событие сопровождалось своим, веками разработанным и традиционно сложившимся, только этому событию присущим ритуалом. Новые же обряды и праздники нередко очень напоминают друг друга, подразделяясь на две части: первая — официальная, похожая на торжественное собрание, и вторая — тематический концерт. Клубным работникам следует обратить особое внимание на то, чтобы праздники и обряды проводились *на высоком эмоциональном уровне*. Серость, скука, однообразие могут погубить любой праздник, превратить его в эпизодическое безликое мероприятие.

Каждый праздник — это одно из активных средств идейного воспитания. Поэтому связь с жизнью, с производственными задачами коллектива должны пронизывать содержание всех обрядов и праздников, особенно трудовых.

Еще один момент, без которого не получится яркого, запоминающегося праздника: праздник должен быть *нарядным*. Эту задачу нельзя решить без художника. Он может красочно декорировать площадь, стадион, клуб или, например, свадебный поезд, красиво оформить свидетельство о рождении, памятные документы.

Сколько радости и веселья приносит людям хорошо организованный праздник! Он поднимает настроение, дает хорошую зарядку, необходимый настрой на трудовые дела.

Использование законов драматургии — один из наиболее действенных путей повышения эффективности современного социалистического обряда. Его эффективность — достижение максимального воздействия на человека.

Какими же путями можно ее повысить? Что для этого нужно? Ответ не однозначен.

Прежде всего необходимо глубокое знание методики подготовки и проведения обряда, законов драматургии и режиссуры обрядового действия.

В гражданских обрядах основное место занимает так называемый «обязательный юридический элемент». Он является кульминацией обрядового действия, поэтому здесь все должно быть подчинено определенным законам, упорядочено, вылито в оригинальную форму, и даже оформление документов, являющееся формальным обязательным актом, должно быть *художественно* организовано.

Основой любой драматургии является прежде всего непрерывно развивающееся целенаправленное действие, именно оно, а не внешнее его проявление. Действию должно быть подчинено все: литературный и музыкальный материал, отбор выразительных средств, способ контакта с участниками и главное — сама композиция обряда.

Драматургия обряда немыслима без образно-символического решения, неожиданного, талантливого хода, конфликтных ситуаций.

Прямое общение с залом имеет большое значение, оно позволяет дать присутствующим возможность участвовать в происходящем, возможность выражения своих эмоциональных переживаний.

Процесс создания драматургической основы обряда включает в себя отбор необходимого материала и уточнение конкретных исполнителей (ведущие, участники в отдельных эпизодах). Намечаются выразительные средства, композиционное построение, фрагменты и эпизоды будущего сценария. Учитываются место и время проведения обряда или праздника, количественный и качественный состав аудитории (от этого зависит выбор выразительных средств), творческие возможности отдельных участников — исполнителей.

На первом этапе подготовки обряда еще неизвестно, что из отобранного материала сможет войти в будущий сценарий. Этот этап носит характер широкий, многоплановый. Идет процесс накопления материала, эмоциональных ощущений, процесс узнавания потребностей тех лю-

дей, для кого обряд создается. К написанию сценария надо привлечь композиторов, поэтов, художников, этнографов.

Первый этап включает в себя создание сценария, его корректировку, согласование и утверждение, после чего он становится основой для всей дальнейшей организационной и творческой работы.

Второй этап — воплощение сценария. Этот процесс характеризуется организационными моментами, декоративным и музыкальным оформлением.

Привлечение к работе над обрядом профессиональных актеров безусловно сокращает сроки его подготовки и, как правило, гарантирует определенный качественный уровень, но с н и ж а е т «коэффициент полезного действия» работы клуба по воспитанию участников различных самодетельных коллективов.

А если для подготовки и проведения обряда привлечь членов литературных объединений, изо- и киностудий, фотокружков, кружков технического творчества, то воспитательное воздействие проводимой работы будет более эффективным.

Если аудитория состоит в основном из молодежи, можно использовать дискотеку и с ее помощью оформить музыкальные антракты, а при необходимости воспроизвести такую обрядовую музыку, как торжественный марш встречи, свадебный вальс и другую.

Конечно, всегда надо учитывать, что взаимосвязь отдельных элементов обряда, как организационная (временная, пространственная), так и художественная (логическая, декоративная, музыкальная и т. д.), особенно важна, потому что главная творческая задача режиссера праздника — *объединить* его участников.

К декоративному оформлению обряда относится оформление интерьера (архитектура, изобразительное искусство). В интерьер необходимо включить Государственный Герб и Флаг СССР, портреты видных государственных и партийных деятелей, освещение (люстра, канделябры), произведения искусства (картины, росписи, скульптура) и, конечно, цветы, зелень, то есть все, что воздействует на эмоции людей через зрительное восприятие.

Особое место занимает музыкальное оформление. Музыка всегда была одним из ярких и действенных выразительных средств, существенной частью многих обрядов. Она воздействует на слух и вызывает сильные эмоциональные переживания, *движение чувств*.

Для того чтобы обряд был ярким, он должен иметь символический образ, а это достигается сочетанием слов, музыки, движения.

В построении обрядового действия особое место занимают смех, веселье, обрядовые забавы, затишье. Следует уделить внимание народным обрядовым играм местного этнографического значения. А включение в празднества частушек, народных шуточных песен повышает настроение его участников и вызывает у них желание проявить себя, свои таланты.

Другой способ усилить эффективность обрядов — *творческое* применение достижений современной педагогики, психологии и социологии. Имеется в виду поведенческо-регулятивная функция обряда. Здесь можно привести мнение социолога А. Г. Харчева, он один из ученых, которые исследуют вопросы брака и семьи в СССР: «Обогащение внутреннего содержания половой любви будет, по-видимому, сопровождаться развитием и тех внешних форм, в которых выражаются и закрепляются брачно-семейные отношения. К ним относятся новые обычаи и обряды, связанные с ухаживанием, вступлением в брак, рождением ребенка и другими важными событиями семейной жизни. Существует мнение, что эта внешняя сторона брачно-семейных отношений не имеет сколько-нибудь существенного значения, а является лишь своего рода данью традиции. Нам кажется, что это не так. Духовный прогресс общества означает не только повышение идейно-интеллектуального уровня людей, но и возрастание их способности к эмоционально-эстетическим переживаниям...»

По мере эстетического развития люди будут стремиться не только к правильности, но и к красоте поступков и требовать этого от других. Разрыв нравственного и эстетического элементов поведения, достигший наибольших размеров в классово-антагонистическом обществе и сохранившийся в какой-то мере при социализме, в условиях коммунизма будет полностью преодолен.

Событие, имеющее совершенную эстетическую форму, легче запоминается, дольше сохраняется в памяти, а это значит, что сохраняется и тот моральный смысл, который оно имело для данного человека.

Регистрация брака в загсе ничем не выделяется из массы других канцелярских процедур. Домашнюю вечеринку в честь замужества или женитьбы трудно отли-

чить от множества других вечеринок. А вот *единственную и неповторимую* в своем роде свадьбу с ее особым и многозначительным эстетическим ритуалом человек не забудет никогда, и заданный ею «эмоциональный тон» может «звучать» в супружеских отношениях всю жизнь. Это означает, что внимание, которое советская общественность уделяет эстетической стороне брачно-семейных отношений — не «дань традиции» и даже не простое противодействие бытовым обрядам, культивируемым церковью, а своего рода предчувствие той роли, какую эта сторона жизни будет играть при коммунизме.

Обрядотворчество строится на постоянном изучении духовных интересов и запросов трудящихся. Качество восприятия, его яркость и полнота зависят от ряда факторов: внешних (объективных), органических и психологических (субъективных).

Внешние (объективные) факторы в первую очередь оказывают влияние на восприятие. Слушатели легче воспринимают слова, произнесенные четко, достаточно громко, и наоборот: интересные, правильные мысли, выраженные скороговоркой, приглушенным голосом, могут вообще не дойти до сознания слушателей. Отсюда элементарное требование — создавать благоприятные внешние условия, повышающие качество восприятия.

Органические факторы (состояние нервной системы, органов чувств) тоже имеют немаловажное значение для восприятия. Трудно рассчитывать на повышенную активность восприятия, если участники обряда, праздника встретятся со схематизмом, невыразительностью, вялым действием.

На качество восприятия значительное влияние оказывают индивидуальные психические особенности человека, его жизненный опыт, степень развития мышления, воображения, его чувства. Одни и те же явления, одну и ту же информацию люди воспринимают по-разному, в зависимости от своего возраста, темперамента, образования, интересов. Поэтому необходимо дифференцировать высказывания, музыку, пожелания, художественные средства. Например, если молодой паре, вступающей в брак, говорят напутственные слова, дают советы, то людям не очень молодым или вступающим в не первый брак лучше пожелать теплых чувств и отношений, взаимопонимания и т. д. Для них наиболее подходящей музыкой будет торжественный марш, или полонез, или специально написанная для таких случаев музыка. Тут все

зависит от таланта и умения ведущего *импровизировать*, проявлять гибкость и находчивость, *сообразительность*.

Необходимо также помнить и о поддержании *внимания* людей. Обычно человек равнодушен к тому, что его окружает, что он делает, что воспринимает. Он восхищается и возмущается, радуется и печалится. Эмоции выражают его отношение к окружающему миру.

Если восприятия того или иного элемента не окрашены определенными эмоциями, чувствами, они становятся бледными и непрочными.

Подготавливая обряд, нужно предусмотреть силу его воздействия не только на сознание человека, но и на его *чувства*, ибо воздействие на *эмоциональную* сферу — один из наиболее эффективных путей воспитания.

ОБРЯДОВАЯ СИМВОЛИКА

В советской обрядности создана новая, свободная от мистики символика. Так, например, в книге Ю. Н. Ельченко «Новому человеку — новые обряды», вышедшей в Политиздате в 1976 году, рассказывается, что в сельских районах Житомирской, Полтавской и Винницкой областей при исполнении обряда, связанного с рождением ребенка, самый старший, уважаемый житель села преподносит семье при рождении девочки небольшой сноп из колосьев пшеницы и веток калины как символ благополучия и красоты; при рождении мальчика — сноп из пшеницы и веток дуба как символ благополучия и силы.

В обряде *каждое слово, каждый жест* имеют свое символическое значение. Человек в мире людей, мир людей во Вселенной — вот самый общий смысл обрядового действия.

Народный свадебный обряд являет собой модель мироздания. Прекрасная, как Вселенная, девушка готовится стать женой, матерью, хозяйкой; она является олицетворением воспроизведения жизни. Ее белый наряд напоминает плодоносное дерево весной, покрытое белыми цветами. Оно расцвело для того, чтобы дать людям свои плоды...

Только в том случае, когда обряд в символической форме отражает настроение, душевное состояние людей, он будет жить долгие годы.

Рассматривая художественную основу обряда, осо-

бое внимание следует обратить на ее элементы, сочетание которых и воздействует на человека. Это музыка, поэтическое творчество, пластика, символы и символические действия, художественное оформление, костюмы, различные атрибуты.

Все эти элементы имеют целевое назначение. Они воздействуют на эмоциональные стороны человеческой психики, на внимание, слух, зрение, вкус.

Хлеб, соль, вино символизируют запах родной земли, предметы созидającego труда, мастерство человеческих рук. В этих символах отражена причастность людей к делу предков.

Не надо бояться употребления таких слов, как «причастность», «священный огонь», «святой». Они хотя и происходят от таких слов, как «причастие», «святость», но в новых, советских обрядах не имеют религиозного, культового значения. Например, вручение хлеба-соли означает «ощутить родную землю и труд предков, стать сопричастным к ним».

Роль обрядовой символики и атрибутики несомненна. Можно назвать многие древние славянские символы, которые имеют место и в современных обрядах.

Родители, встречая молодых, осыпают их на счастье зерном или разламывают над их головами каравай. Это символическое действие означает пожелание благополучия семье и ее приобщение к народу.

Красная калина — символ женственности, цветы ее украшали невесту; а высаженная на могиле, она символизировала память об умершем.

Разросшийся дуб — отец, молодые дубки — юноши.

Липа — мать, а в буйстве цвета — прекрасная женщина.

Явор — знак горя.

Огнецвет — символ силы.

В возрождаемых сегодня обычаях и обрядах природе следует отвести почетное место, вернув что-то из прежней символики. *Цветы и растения должны стать непременным элементом современного обряда*, и пора подумать о том, чтобы проводить специальные праздники, посвященные природе и ее охране.

Цветы в обрядовой практике вызывают ощущение запаха лесов, лугов, полей, а это ассоциируется с образом Родины и родной природы.

Важное значение в проведении советских обрядов имеет правильное использование пролетарской, партийной и государственной символики, всенародных свя-

тынъ — Красного знамени, Герба, Гимна, символа нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства — Серпа и Молота, символа интернационализма и единения трудящихся масс всех континентов — красной звезды, а также комсомольской, пионерской и октябрьской атрибутики. Использование их в обрядах повышает общественную значимость отмечаемого события.

Символика — основа праздника, обряда. Необходимо помнить, что каждый символ более или менее однозначен, связан с конкретной ситуацией. Неуместно и даже глупо было бы, например, осыпать зерном молодых людей при получении ими первого паспорта или на их проходах в армию, а также в других случаях, не имеющих ничего общего с первоначальным смыслом этого символического обрядового действия.

Когда обряд часто повторяется, многое решает импровизация. В этом случае уместно использование диалектизмов, местных пословиц и поговорок. Они придают обряду особый, местный характер. К тому же язык становится колоритней, а сам обряд — ближе, «роднее» для его участников.

Важный атрибут обрядности — народные костюмы. Здесь следует сказать о некоторых оригинальных стилизациях городского костюма на основе использования традиционных народных элементов. На Украине уже несколько лет ведется подобная работа, а в журналах мод публикуются модели таких костюмов. В ленинградском Доме моделей делаются попытки организовать эту работу на основе научных исследований образцов народного праздничного костюма в различных областях нашей страны.

В организации и проведении бракосочетания все больше внимания обращается на вторую часть обряда — свадьбу. Здесь всячески следует поддерживать содержательные, разумные ее формы, вытесняя отжившие традиции. Главное, что должно сохраняться в обряде свадебного торжества, это родительское расположение, встреча *молодых* родителями на пороге дома, приветствие их на свадьбе представителями трудовых коллективов, скромные подарки или сувениры.

Следует подчеркнуть, что ничем не оправдано стремление многих родителей приготовить любой ценой дорогое приданое для невесты, организовать застолье, собирающее несколько сот человек, и т. п. Лучше устроить свадьбу по новому, интересному сценарию, в котором нет места ни пьяному застолью, ни прочим проявлениям

мещанства. Опыт проведения таких свадеб уже есть. Созданы новые общественно-бытовые комплексы — Дома свадебных торжеств, в которых стали проводиться платные свадьбы, обслуживаемые специально подготовленными людьми.

Свадебное торжество можно организовать и в клубе, особенно когда большинство приглашенных — молодежь. Здесь уместно использовать дискотеку или инструментальный ансамбль, которые обычно имеются в молодежных общежитиях или в клубах. Друзья молодых с помощью клубных работников оформят помещение, продумают свадебный сценарий. Все это создаст специфическую, *свою* атмосферу праздника.

На таком свадебном торжестве акцент делается на игровые моменты (символические обрядовые действия), на поздравления друзей. Звучат шуточные пожелания, зачитываются телеграммы, с оригинальными номерами выступает художественная самодеятельность. Большая часть времени отводится танцам.

При таком варианте свадьбы «питейные традиции» не играют главенствующей роли и незаметно отступают на задний, второстепенный план. Конечно, не надо представлять себе современную свадьбу без вина, но в данном случае его употребление ограничивается самой обрядовой игрой и танцами, в которые активно вовлекаются все участники торжества.

НАША ОБЩАЯ ЗАБОТА

Обряды и праздники создаются самим народом. Этот вывод мы делаем из всего ранее сказанного. Однако следует добавить, что их формированием и совершенствованием всегда занимались политические, государственные и общественные организации и учреждения как буржуазных, так и социалистических государств, с той лишь *принципиальной* разницей, что буржуазное государство брало за основу формирования и развития обрядов и праздников традиции буржуазного национализма, идеи классового, расового неравенства, религиозные, патриархальные и иные обычаи прошлых эпох, а социалистическое государство создает *совершенно новую* систему социалистических праздников и обрядов, соответствующую интересам трудящихся и отвечающую задачам построения коммунистического общества, когда праздники и обряды становятся ярким проявлением духовной и

самобытной культуры советского народа, неотъемлемыми элементами социалистического образа жизни.

Формирование социалистической системы праздников и обрядов началось с первых лет Советской власти, о чем свидетельствуют декреты о реформе календаря, об учреждении новых революционных праздников, о регистрации браков и рождений, о монументальном искусстве и другие.

Одновременно совершались революционные акты отмены старой помещичье-буржуазной и церковной системы праздников и обрядов. С введением в жизнь декрета Советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви навсегда было покончено с засилием церковных традиций, появились условия для создания новых, революционных праздников и обрядов, способствовавших активизации и мобилизации широких масс трудящихся на построение нового социалистического общества. В труднейших условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции этот процесс носил сугубо политический смысл и характер. Именно тогда закладывались социальные и культурные основы будущего общества, его государственные институты и учреждения, общественная и общенародная социалистическая культура и традиции.

Ленинские идеи завоевания и удержания власти пролетариатом помогали шаг за шагом, по мере упрочения нового государства, осуществлять государственное строительство, новую экономическую политику, закладывать экономическую базу социализма, проводить культурную революцию — ликвидировать сплошную неграмотность и патриархально-общинные уклады жизни крестьян. Постепенно вводились коллективные формы и методы хозяйствования, организации труда и быта трудящихся.

Мощным стимулом развития новых социалистических форм жизни явилось социалистическое соревнование, идея которого была выдвинута и обоснована В. И. Лениным. Великий ленинский почин шагнул в жизнь от первого коммунистического субботника в годы первых пятилеток, превратился во всенародное движение. Социалистическое соревнование стало именно тем могучим источником, из которого возникли традиции ударничества, стахановское движение, наставничество, рационализаторство, множество трудовых профессиональных, отраслевых праздников и обрядов, праздники трудовых коллективов и многие другие виды коллективного творчества.

Социалистические обряды и праздники возникают на базе сложившихся и продолжающихся складываться в процессе революционного переустройства общественной жизни социалистических традиций, которые в совокупности представляют собой социальный опыт нашего советского общества, передаваемый новым поколениям строителей коммунизма. С помощью традиций передаются, усваиваются и наследуются коммунистические идеи и взгляды, нравственные идеалы и принципы, правила поведения, обычаи, а также способы общения людей в процессе трудовой, производственной, общественной и творческой деятельности.

Советские социалистические традиции охватывают все стороны жизни нашего общества и развиваются по четырем основным направлениям — общественно-политическому, военно-патриотическому, трудовому и семейно-бытовому (гражданскому).

В соответствии с традициями формируется и обычай как конкретный способ их проявления в виде праздника, обряда, ритуала, этикета, коллективных игровых действий, шествий, форм и методов обучения и воспитания.

Программа партии определила пути коммунистического развития нашего общества. Намечались и перспективы развития новых форм быта, новых народных праздников и обрядов как важнейшего направления комплексного воспитания строителей коммунизма.

В 60-е годы в Прибалтийских республиках наблюдался бурный рост социалистической и культурной активности широких масс трудящихся. Появились праздники и обряды, противопоставляемые католическим и протестантским. Так, народные празднества в Прибалтике «Летние дни» («Йоносы») противопоставлялись церковной конфирмации, праздники песни — пасхалиям и «пятидесятницам» (троице).

Заново, на основе народных традиций, воссоздавались праздники весны и лета. Число народных песенных и танцевальных самодеятельных коллективов, а также коллективов художественных ремесел и умельцев возросло по сравнению с буржуазным периодом в десятки раз. Эти республики показали хороший пример современной обрядотворческой деятельности, их опыт благотворно влиял на ее оживление в других республиках страны.

В те же годы в Перми, как уже упоминалось, при Дворце культуры имени Я. М. Свердлова сформировался первый в РСФСР методический кабинет по разработке новых социалистических обрядов и праздников. За-

службой работников этого кабинета явилось создание большого количества сценариев революционных, военно-патриотических и трудовых обрядов и праздников, представляющих собой разработку клубных вечеров, пропагандирующих новые формы жизни и быта трудящихся. И хотя эти мероприятия имели преимущественно зрелищный характер, их влияние на современную обрядовую практику несомненно. С того времени повсеместно стали создаваться свои варианты трудовых и иных праздников и обрядов.

Особо широкий размах эта деятельность, направляемая партийными организациями города и области, получила в Ленинграде. На ленинградской земле возникло много обрядов и праздников, ставших достоянием всего советского народа—рождение коммунистических бригад, традиции наставничества, празднование дня молодого рабочего. У нас впервые открылись Дворцы бракосочетания и имянаречения, стало обычаем торжественное проведение дня памяти умерших и многое другое.

С начала 70-х годов обрядотворческая деятельность в нашей стране, направляемая на местах обрядовыми комиссиями при городских и сельских Советах народных депутатов, начала входить в единое русло общегосударственной практики. Особенно целенаправленный характер она получила на Украине, где была создана Республиканская комиссия по советским праздникам и обрядам при Совете Министров Украинской ССР. За десятилетие своего существования комиссия проделала большую работу. Она создала обрядовые комиссии во всех областях и районах республики, привлекла к их деятельности огромный актив государственных и советских работников, представителей всех общественных организаций, разработала серию рекомендаций по проведению наиболее важных гражданских обрядов, снабдив их подробными комментариями, приложениями и иллюстрациями.

Кроме того, было разработано Положение о комиссиях по советским праздникам и обрядам, в котором определены главные задачи, права и обязанности областных, городских, районных, поселковых и сельских комиссий с подробной регламентацией всей их обрядотворческой деятельности.

Республиканская комиссия выпустила также серию цветных документальных кинофильмов, в которых содержится богатейший материал по обрядотворческой работе на Украине. Примечательно, что в каждом обря-

де искусно используются яркие национальные и интернациональные традиции, мелодии, поэзия, художественные символы и убранство. Всего этого украинские товарищи сумели добиться благодаря привлечению к своему делу представителей всех творческих союзов — композиторов, писателей, поэтов, драматургов, художников, этнографов.

Но главное состоит в том, что найдены и определены пути и средства развития новой обрядности, которые должны быть восприняты всеми республиками и, в конце концов, завершиться созданием всесоюзного органа или центра по руководству обрядотворческой деятельностью в нашей стране.

Богатейший опыт Украины, так же как и ряда других республик и областей, играет важную стимулирующую роль в создании обрядов и праздников в их совершенно новом качестве, соответствующем задачам нашего социального и культурного развития.

Перед партийным, комсомольским и профсоюзным активами открылись широкие возможности поиска и создания все более совершенных форм воспитания молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа. Огромную роль в развитии этого процесса сыграли республиканские и областные семинары и конференции по проблемам развития новой, социалистической обрядности, состоявшиеся в Перми, Ленинграде, Минске, Алма-Ате, Свердловске, Краснодаре и многих других городах, а также всесоюзные совещания, проводившиеся в мае 1964 года в Москве и в октябре 1979 года в Киеве. Они сделали многое для развития современной социалистической культуры и быта трудящихся, определили конкретные задачи, формы и методы обрядотворческой деятельности. Особое место при этом уделялось организационной работе на местах и деятельности обрядовых комиссий и советов при партийных, профсоюзных органах, советских учреждениях и на предприятиях.

Обрядотворчество, поддерживаемое общественным мнением и организуемое на местах активом энтузиастов, первоначально носило стихийный, разрозненный характер, поэтому необходимо было своевременно и умело направить это движение в единое русло, а также определить пути развития оригинальных и самобытных форм обрядовой практики, соответствующих этнокультурным, региональным и национальным условиям их развития. Поэтому подчеркивалась необходимость отбора наиболее прогрессивных обрядовых форм из арсенала народных

обычаев и недопустимость протаскивания под видом «народного обычая» патриархальных, мистических и иных культовых элементов старой обрядности, а также проявления узконационалистического традиционализма или буржуазно-мещанских, обывательских тенденций, выражаемых низкопробными художественными материалами, грубой или тенденциозной показухой.

Обрядотворчество строится на использовании законов художественной правды и красоты. Это основа всякого подлинно народного обряда или праздника.

Органом пропаганды новой обрядности, освещающим все многообразие этого процесса в нашей стране с самого его начала и по наши дни, стал журнал «Наука и религия». По материалам этого журнала можно составить летопись обрядотворчества и получить наиболее полное представление о всем многообразии народной обрядовой практики.

Другой журнал — «Клуб и художественная самодеятельность» — взял на себя роль клубного сценариста, помещая в рубрике «Праздники и обряды» рекомендации по режиссуре и постановке обрядовых игр, а также наиболее удачные варианты обрядовых сценариев и разнообразный иллюстративный материал.

Таким образом, все те рекомендации, которые были выработаны на республиканских и всесоюзных семинарах по организации и проведению народных обрядов и праздников, претворяются в жизнь.

И все же пока что наблюдается лишь начальный этап этого процесса, период становления новой обрядности и создания необходимых условий для ее дальнейшего совершенствования. На очереди еще много новых проблем и задач, и среди них — материальное обеспечение обрядовых служб, выделение средств для художественного оформления праздников, строительство обрядовых зданий, игровых праздничных площадок, закладка парков, садов и аллей Памяти и т. п.

Не менее важная проблема — подготовка высококвалифицированных кадров методистов, режиссеров и постановщиков современного народного обряда или праздника в системе институтов культуры, театральных, музыкальных и художественных школ и вузов.

Подготовка специалистов в области народной обрядности требует значительных усилий и затрат, здесь нужны знания поистине универсальные, охватывающие все отрасли общественных наук, искусства и этнокультуры. Вот почему разработка программ и методов под-

готовки такого рода специалистов в системе институтов культуры и культпросветшкол имеет, на наш взгляд, первостепенное значение.

Учитывая насущную потребность в специалистах этого рода, в ряде республик страны в штаты отделов культуры горисполкомов и облсовпрофов вводятся методисты и режиссеры народных праздников, обрядов, театрализованных игр и представлений. Появляются штатные специалисты по обрядности и в системе профсоюзных клубных учреждений. Жизнь крупнейшего промышленного объединения или совхоза теперь немыслима без организации и проведения комплекса обрядов и праздников, соответствующих трудовому календарю, без опытного специалиста, возглавляющего этот ответственный участок культурно-воспитательной работы.

Советские обряды и ритуалы, в широком смысле этих слов и понятий, во всем своем многообразии, являются символическими, театрализованными действиями, соответствующими порядку, строю и ритму нашей общественной жизни, игровыми действиями, с помощью которых регулируются жизненные ритмы и годовые циклы трудовой, общественной и личной жизнедеятельности людей.

Праздники и обряды всегда являлись универсальным средством и способом информации общества, иными словами, средством гласности, или огласки, его важнейших событий, итогов, побед, достижений. На протяжении столетий все это было заключено в религиозную оболочку, вписавшую в себя и мифологию, и религиозные чувства, которыми окрашивались личные переживания, и, наконец, культовые действия, значение которых усугублялось житейскими потребностями и вожделениями. В этом, пожалуй, и состоит главная причина стойкости и живучести религиозных пережитков.

Мы говорим: социальные корни религии окончательно подорваны. Это верно, но все еще сохраняются противоречия и незавершенность самого процесса развития материальной и духовной культуры общества. Сознание еще многих людей значительно отстает от уровня развития материального базиса, а это отставание, как правило, выражается в предрассудках религиозного характера. От старого общества нам переданы не только демократические и революционные, но и архаические, реакционные традиции и обычаи.

Обряды и праздники тысячами нитей связаны с образом жизни народа, который невозможно выразить

однозначно, и, определяя наиболее общие и главные его черты, мы должны видеть те жизненные условия, в которых формируется человек той или иной социальной группы.

При наличии того положения, что религиозные верования — удел немногих, религиозность отдельных людей является все же еще распространенным явлением. Мы привыкли делить людей на верующих и неверующих. А ведь это определение не точно, так как самое неверие не исключает возможность религиозного влияния на неверующего человека.

Если принять во внимание, что в церковной обрядности нередко участвуют люди молодого и среднего возраста, абсолютно грамотные, то каждому станет ясно, что в своем мировоззрении они все еще сохраняют религиозные мотивы и побуждения. Следовательно, необходимо стремиться к тому, чтобы по своим убеждениям люди были не просто неверующими, а становились бы *активными атеистами*.

Социально-психологическая потребность в обрядах характерна и для нашего общества. Однако новое вырастает порой из старого и базируется на нем, и здесь нужно хорошо видеть, из каких традиций и обычаев оно исходит и развивается, нужно уметь отделять архаические культовые традиции от прогрессивных народных форм. Но пока что этого еще не произошло, еще не сложились те обычаи, праздники и обряды, которые соответствовали бы новым условиям и идеалам современного общества. Сейчас происходит процесс воссоздания национальных обычаев в их нормативных рамках и границах, в их взаимовлиянии и взаимопроникновении. Критериями этого процесса, как отмечают советские этнографы, является требование соответствия воссоздаваемых обычаев нормам социалистической законности, социалистической идеологии, санитарно-гигиеническим условиям проведения обрядов и, наконец, эстетическим ценностям, художественным вкусам и потребностям людей.

Можно ли утверждать, что все те новые обряды и ритуалы, которые у нас появились, отвечают этим условиям? Да, можно, но не безоговорочно. Так, подчас обряды бракосочетания и имянаречения проводятся формально, скучно. Обеспечив необходимые условия, обстановку, организаторы и устроители обрядов еще не умеют их проводить на должном уровне.

Обрядотворчество — это и наука жизни, и искусство,

у которого имеются свои законы. Создавая обряд, следует восполнить следующие его основные компоненты:

1. Вербальный, или речевой (логический для гражданской обрядности);

2. Музыкально-вокальный, включающий искусство обрядового исполнения хоралов, эпитолам, месс, ораторий, реквиемов, арий, инструментальных концертов или их фрагментов;

3. Действенный, или динамический (театрализованное представление);

4. Вещественно-символический, содержащий целостный комплекс обрядовых реквизитов, декораций, уборов, нарядов, символических знаков, вкусовых, цветовых и прочих атрибутов;

5. Образный — представление об эпических или героических чертах главных и второстепенных участников обряда или праздника, наделяемых признаками или действиями героев народного эпоса.

Если рассматривать эти компоненты по порядку, то нетрудно представить, насколько сложным делом является разработка сценарной основы обряда и его воплощение в жизнь. Например, обрядовая речь приобретает первостепенное значение, если она построена и произносится так, что вызывает у присутствующих возвышенные чувства и настроения. Этот эффект создается на основе синтеза логического и эмоционального в построении самого обрядового текста. При этом его стереотипность должна сочетаться с искусством импровизации, соответствующей характеру и настроению участников обряда. Но надо помнить, что недопустима межвидовая стереотипность речевой основы обрядов, когда одни и те же фразы произносятся и в других обрядах.

В обряде не должно быть никакой передержки ни в пространстве, ни во времени. Образцом этого может служить вся обрядовая основа Всемирной Олимпиады 1980 года в Москве, в которой так искусно были использованы все вышеназванные компоненты. В многосложной ее композиции сочетались древние (античные) и современные традиции, мифические образы переходили в эпические, слова, музыка и движение создавали совершенное театрализованное обрядовое действие, воспринимаемое как торжество человеческого гения, гуманизма и демократизма.

О том, как влияет музыкальный компонент на обрядовое действие, свидетельствует пример Ленинградского Дворца имянаречения «Малютка». Во-первых, само зда-

ние полностью соответствует своему высокому назначению. Этот Дворец — настоящий храм искусства. Придя сюда, люди меняются на глазах, их удивление переходит в восхищение, когда они знакомятся с помещениями, разглядывают росписи, скульптурные украшения, заходят в зимний сад...

Хорошее настроение возрастает по мере развития самого обряда. Гостей, собравшихся в уютной гостиной, приглашают в ритуальный зал, залитый светом хрустальных люстр. Из противоположных дверей входят родители и названные родители. Поет хор. В песне говорится о рождении нового ленинградца, о счастье его родителей.

Немалое значение имеет и такая символика, как вручение адреса, памятных медалей и знаков, а также книги «Ваша семья». Все это стало неотъемлемым атрибутом обряда.

В предварительный и в последующий за гражданским обрядом периоды для молодоженов и молодых родителей проводится ряд мероприятий, среди них — консультации по вопросам брака и семьи, организуемые в специальных бюро. В Ленинграде за время существования такого бюро его посетило более 25 тысяч молодых людей. При Дворцах бракосочетания проводятся собеседования с молодоженами в дни оформления документов.

Большую роль в атенстическом воспитании играют клубы молодоженов, молодых родителей и праздники семьи. Работники таких клубов, обрядовых объектов и загсов планомерно и целенаправленно проводят совместные мероприятия. Вот, например, тематика вечеров «Клуба помолвленных», на которые приглашаются молодые люди, собирающиеся вступить в брак:

«Встретились два человека» — о рождении любви, о культуре чувств и взаимоотношении юноши и девушки;

«Любовь и долг» — о юридических основах брака, о правах и обязанностях молодых супругов;

«Трудность счастья» — психология современных семейных отношений;

«Доверительная беседа с врачом» — о половой культуре;

«С милым рай и в шалаше» — диспут;

«Искусство быть красивой» (беседа за круглым столом) — о секретах красоты, об умении красиво и со вкусом одеваться в соответствии с бюджетом молодой семьи;

«Свадьба: традиции и обычаи» — об организации свадьбы.

Ежемесячно в этих клубах проходят вечера-помолвки, когда молодые люди объявляют о своем решении вступить в брак.

Важную роль в организации, проведении и пропаганде новых безрелигиозных праздников и обрядов играют общественные комиссии по гражданским праздникам и обрядам при исполкомах городских и сельских Советов народных депутатов. Их деятельность достигает наилучших результатов тогда, когда они поддерживают постоянную связь с крупнейшими промышленными предприятиями, с совхозами и колхозами, когда на этих предприятиях и в хозяйствах ведется постоянная обрядотворческая деятельность. Примером такого взаимодействия является работа ленинградских объединений ЛОМО и «Электросила». Они осуществляют шефство над городскими и областными обрядовыми учреждениями, выделяют средства, материалы, оборудование для создания и проведения гражданских обрядов. Обрядотворчество стало важным направлением деятельности парткомов и завкомов этих объединений.

В швейном объединении «Большевичка» с большим успехом проводится цикл вечеров «Наша дружная семья», на которых обсуждаются вопросы семейного быта. Цель этих вечеров — поднять события семейной жизни до уровня общественной и государственной значимости. Так, в практику вошло вручение почетных адресов от имени коллектива семьям по случаю бракосочетания, именная церемония и юбилеев членов семьи.

Большой интерес представляют и взаимные договоры между молодыми рабочими и наставниками, в которых содержатся обязательства молодежи ценить традиции рабочего коллектива, внимательно относиться к старшим и помогать им воспитывать младших, а также высказывается отрицательное отношение к выпивкам и курению.

Комиссии по гражданским праздникам и обрядам принимают участие в разработке трудовых кодексов, вручаемых при посвящении в рабочий класс, в которые включаются принципиальные положения о нормах поведения молодого рабочего в коллективе, в семье, на отдыхе, а также о его отношении к вредным пережиткам прошлого, в том числе к религии. В итоге таких комплексных мероприятий на головных предприятиях названных объединений уменьшилась текучесть кадров, сократилось число прогулов и нарушений трудовой и общественной дисциплины.

Важное место в пропаганде советского образа жизни, социалистических традиций и бычаев принадлежит профсоюзным клубным учреждениям. Успех этой работы зависит от умения клубных активистов организовать проведение новых праздников и обрядов. Так, в объединении «Кировский завод» работает клуб «Кировец», в котором действует обрядовый сектор со специальными помещениями и залами, с реквизитом, оркестром, пищеблоком и другими службами. Здесь проводятся чествования рабочих династий, посвящения в рабочий класс, рабочие свадьбы, провожают ветеранов на пенсию и т. д.

Родилась тут и такая замечательная форма общения, как встречи ленинградских целинников разных поколений — тех, кто трудился на целине, и тех, кто трудится на ней сейчас.

* * *

Исследования состояния религиозности в ряде областей РСФСР показали, что за два последних десятилетия, в результате активного внедрения в быт новых гражданских праздников, обрядов и ритуалов, наблюдается значительное уменьшение влияния церкви, церковного актива и различных религиозных сект. Так, заметно снизилась активность баптистских групп «откольников», которые раньше проводили свои сборища, организовывали богословские школы.

Особенно характерны данные об отношении рабочей молодежи, проживающей в общежитиях, к религии и религиозным традициям. Здесь, случалось, заводились и «проповедники», и сектантские «подвижники», и хранители церковных традиций. Теперь и тут произошли значительные сдвиги.

Все меньше сказываются в нашей жизни последствия войны, а также миграции, когда радикально перестраивался быт многих областей, республик, глубинных районов, а в города переселялось немало отсталых в идейном и культурном отношении людей.

Однако вместе с этим возросла и требовательность трудящихся к тем обрядам и ритуалам, в которых они принимают участие. От их внимания не ускользает даже малейшее проявление казенщины, формализма и шаблона.

Так, в одном из общежитий на молодежном вечере состоялся откровенный разговор об отношении к обрядам и ритуалам. Большинство выступавших сравнивали

гражданские обряды с церковными. Были высказывания о преимуществах церковного обряда венчания: «Там не говорят казенно, не все понятно, но зато все необычно и волнующе — красивое убранство, мерцание свечей, лампад, позолота, облачение...»

Да, как видим, и на неверующих еще производит порой впечатление то, что попы называют «тайнством».

Учитывая это, нашим общественным организациям предстоит немало поработать над тем, чтобы народная ритуалистика и обрядность обрели высокую нравственную и художественную ценность.

Мощному подъему экономического развития страны за последние два десятилетия соответствовало развитие новых общественных отношений и коммунистическое переустройство быта советских людей, чему во многом способствовала сложившаяся за этот период новая система народных социалистических праздников и обрядов, отражающая все многообразие нашей духовной культуры, все формы и виды жизнедеятельности советского народа. Эту систему теперь можно представить в следующем виде:

I. Общественно-политические общенародные праздники, обряды и ритуалы, включающие праздник Великой Октябрьской социалистической революции, 1 Мая — День международной солидарности трудящихся, День Конституции СССР, Международный женский день, День рождения комсомола и пионерии, Всесоюзный Ленинский коммунистический субботник и другие.

Среди обрядов и ритуалов этой группы повсеместное распространение получили прием в комсомол и вручение комсомольских билетов, прием в пионеры, пионерско-комсомольские посты у мемориалов революционной славы, чествование ветеранов партии и комсомола.

II. Военно-патриотические праздники, обряды и ритуалы: День Советской Армии, День Военно-Морского Флота, День авиации, Дни танкистов, артиллеристов, ракетчиков и других родов войск, День Победы, Дни снятия блокады и освобождения городов от фашистской оккупации, праздники в честь славных побед советского народа в Великой Отечественной войне.

Среди обрядов и ритуалов этой группы — проводы в Советскую Армию, принятие воинской присяги, комсомольско-пионерские посты у мемориалов боевой славы, торжественные шествия ветеранов Великой Отечественной войны и военнослужащих гарнизонов и военно-морских баз, возложение венков на могилы погибших в годы

Великой Отечественной войны или опускание венков в воды рек, озер, морей на местах гибели боевых кораблей, исполнение реквиемов у мемориалов военной славы в канун Дня Победы, чествование героев и участников Великой Отечественной войны в городских и сельских клубах и Дворцах культуры.

III. Трудовые праздники и обряды. Это праздники людей всех отраслей и профессий, включенные в годичный праздничный календарь, а также праздники заводов, объединений, фирм, колхозов и совхозов, посвященные юбилейным датам, завершению или началу трудовых циклов, праздники коммунистических бригад, праздники новых городов и поселков, великих строек (БАМа, КамАЗа, Тольятти, Тореза, Волжска, Дивногорска, Соснового Бора).

Трудовые обряды и ритуалы, относящиеся к этой группе: вручение правительственных наград, прием в трудовую семью, посвящение в рабочий класс, в хлеборобы, в механизаторы и т. д., присвоение почетных званий победителя в соцсоревновании, рационализатора, наставника, ветерана труда, слеты новаторов производства и наставников, первая зарплата, проводы на пенсию и другие.

IV. Гражданские и семейно-бытовые праздники и обряды: встреча Нового года, проводы зимы (масленица), праздники лета — «Русская березка» и «Купала» (22—24 июня), праздник «Золотая осень», или День урожая, а также ежегодные праздники — день песни, день цветов, леса, птиц, праздники улиц и дворов.

В комплекс гражданских обрядов и ритуалов здесь включены: помолвка, бракосочетание и свадьба, имянаречение, праздники семьи (дни рождения родителей и детей), «Первый раз в 1-й класс», «Последний звонок», праздник «Алые паруса», вручение первых паспортов, день совершеннолетия, семейный женский праздник.

К этой же группе относятся городские и сельские спортивные праздники для людей разного возраста, например: игры типа «Папа, мама и я — спортивная семья», «Малые олимпиады», проводимые во время школьных и студенческих каникул, а также театрализованные игры-представления, организуемые в садах и парках культуры («Приходи, сказка», «Здравствуй, зимушка-зима», «Ковер-самолет и космос», «Руслан и Людмила», «Вей, ветерок» и другие).

Такова далеко не полная система современных народных обрядов и праздников, которая продолжает развиваться и совершенствоваться, обогащаясь все новыми, более совершенными элементами, мотивами и образами.

* * *

В заключение рассказа об обрядах церковных и обрядах народных, о новой, советской социалистической обрядности вспомним слова Генерального секретаря Центрального Комитета нашей партии товарища Л. И. Брежнева о роли искусства и красоты в формировании нового человека, сказанные им с трибуны XXVI съезда КПСС: «Не надо объяснять, как важно, чтобы все окружающее нас несло в себе печать красоты, хорошего вкуса... Огромна тяга советских людей к искусству... Но это уважение, эта любовь к искусству предполагают и великую ответственность художника перед своим народом. Жить интересами народа, делить с ним радость и горе, утверждать правду жизни, наши гуманистические идеалы, быть активным участником коммунистического строительства — это и есть подлинная народность, подлинная партийность искусства».

Эти замечательные слова Л. И. Брежнева полностью относятся и к создателям новой, советской социалистической обрядности.

- Ленин В. И.* Социализм и религия. Полн. собр. соч., т. 12, с. 142—147.
- Ленин В. И.* Об отношении рабочей партии к религии. Полн. собр. соч., т. 17, с. 415—426.
- Ленин В. И.* Классы и партии в их отношении к религии и церкви. Полн. собр. соч., т. 17, с. 429—438.
- Ленин В. И.* О пролетарской культуре. Полн. собр. соч., т. 41, с. 336—337.
- Брежнев Л. И.* О коммунистическом воспитании трудящихся. Речи и статьи. М., 1975.
- Андреанов Н. П., Лопаткин Р. А., Павлюк В. В.* Особенности современного религиозного сознания. М., 1966.
- Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Белоусов Я. П.* Праздники старые и новые. Алма-Ата, 1974.
- Брудный В. И.* Обряды вчера и сегодня. М., 1968.
- Геродник Г. И.* Дорогами новых традиций. М., 1964.
- Ельченко Ю.* Новому человеку — новые обряды. М., 1976.
- Емелях Л. И.* Происхождение религиозных обрядов. Л., 1959.
- Климов Е. Н.* Новые обычаи и праздники. М., 1964.
- Лисавцев Э. И.* Новые советские традиции. М., 1966.
- Наши праздники.* М., 1977.
- Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975.
- Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Руднев В. А.* Советские праздники, обряды, ритуалы. Л., 1979.
- Русский народный свадебный обряд.* Л., 1978.
- Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Суханов И. В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976.
- Угринович Д. М.* Обряды. За и против. М., 1975.

Введение	3
Церковные обряды — основа религиозного культа	10
Заклинания и молитвы	21
Посты	30
«Таинства»	34
Причащение, или евхаристия	36
Исповедь, или покаяние	37
Церковные похороны и поминания	41
Крещение	50
Церковное венчание и народная свадьба	59
Народные обряды старше церковных	88
Древнеславянский пантеон и народные обряды	93
Церковный и народный обрядово-праздничные календари	98
Народные обряды и праздники в социалистическом обществе	109
Содержание и структура современных социалистических обрядов	122
Фольклор и искусство — средства совершенствования художественной основы советской социалистической обрядности	129
Обрядовая символика	140
Наша общая забота	143
Литература	158

*Владимир Александрович
Руднев*

ОБРЯДЫ НАРОДНЫЕ И ОБРЯДЫ ЦЕРКОВНЫЕ

Редактор В. С. Пархоменко. Художник В. В. Беляков. Художественный редактор Н. Н. Гульковский. Технический редактор С. Б. Матвеева. Корректор Л. В. Берендюкова.

ИБ 1981

Сдано в набор 12.03.82. Подписано к печати 25.08.82. М-31487. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарн. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,93. Уч.-изд. л. 9,16. Тираж 150 000 экз. Заказ № 487. Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Руднев В. А.
Р83 Обряды народные и обряды церковные.— Л.:
Лениздат, 1982.— 159 с.

В книге рассказывается о том, как складывались и развивались народные обряды и праздники, в которых последовательно отражались демократические и социалистические идеи, принципы и идеалы народных масс. Показан также процесс формирования церковных обрядов и «таинств» в прошлом.

Р $\frac{4403010000-233}{\text{М171(03)-82}}$ 31—82

63.5

40 коп.